Иеромонах Киприан

“Взгляните на лилии полевые...”

Курс лекций по литургическому богословию

Предисловие к третьему изданию

Милость Божия да пребудет с тобою, дорогой читатель!

Среди множества выходящих сегодня православных книг ты сделал прекрасный выбор! Знакомые Евангельские слова коснулись твоего сердца, и ты взял в руки свои эти прекрасные полевые лилии для того, чтобы украсить ими храм своей души. Надеемся, что свежее благоухание наполнит твою сердечную келлию молитвенным покоем и благодатной тишиной.

Иеромонаху Киприану, автору книги, удалось мастерски осуществить чудесный замысел: рассказать о смысловой части Богослужения Православной Церкви прежде всего как о дивной поэзии, сокрытой, к сожалению, от многих воцерковляющихся гранью клиросной перегородки, которая в какой-то мере представляет собой определенное препятствие видению, слышанию и чувствованию красоты и глубины церковного слова.

Видению — потому что люди, которые воспринимают действительность в основном зрительно, не могут воспринять на слух основную смысловую часть богослужебных текстов, ведь книги, по которым совершается Богослужение, являются достоянием только находящихся на клиросе.

Слышанию — ввиду того что дикция чтецов во многих храмах оставляет желать лучшего, а слова, наложенные на мелодию церковного напева, еще более, чем читаемые, осложняют восприятие.

Чувствованию — потому что без удовлетворительного восприятия первого или второго *ощутить* значение этих смыслов и их глубинную красоту становится вовсе невозможно.

Отдельные главы труда иеромонаха Киприана были впервые опубликованы в № 1 журнала белградских студентов-богословов “Странник” за 1924 год и в № 1 журнала “Христианская жизнь” за 1925 г. (на сербском языке) с общим названием “Крины Молитвенные”.

Второе издание (репринтное) было предпринято издательством “Свет Печерский”, Киев, в 1991 году с тем же названием.

В настоящем третьем издании наша редакция сделала существенную стилистическую корректуру текста. Дерзнуть на такой поступок нас побудила следующая особенность авторского текста: будучи русским эмигрантом в дружественной нам Сербии, он вынужден был как бы *“жить в двух языках”*, имеющих общие славянские корни, ввиду чего в авторском тексте оказались размытыми семантические смыслы значительной части слов и понятий. Ввиду этого мы вынуждены были устранить указанные недостатки, оставив без изменения основную авторскую идею.

Редактор издательства
“Свет Православия”
игумен Евмений

Предисловие

Настоящая книга представляет собой сборник статей по литургическому богословию и является результатом нескольких лет работы в Белградском литургическом кружке, в Белградском Братстве преподобного Серафима Саровского и преподавания в Битольской Духовной Семинарии святого Иоанна Богослова. Он представляет собой скромную попытку подойти к толкованию православного богослужения, хотя бы некоторых его моментов.

Необходимость систематического толкования нашего богослужения ощущается уже давно. Под влиянием сложных и запутанных исторических причин свою жизнь мы отделили от веры, предоставили Господу Богу ничтожнейший и маленький кусочек нашей жизни — несколько кратких минуток. Даже те, кто в наше безбожное время еще не потерял свою веру окончательно, те, кто в наши апокалиптические дни снова пришли к Богу и Церкви, все же не знают и не могут знать Православия, его неисчетных богатств и неизмеримых глубин.

Когда-то, во времена Вселенских Соборов и святых отцов, богословские споры выносились даже на улицу и базарные площади, жаждой богословствования была пропитана вся повседневная жизнь христианина. Богословие и религиозные знания были предметом не только избранных людей так же, как и обязанность жить по Христовым заветам не ограничивалась узким кругом подвижников, как в наши дни. Все не только интересовались богословием, но *жили* этим. Богословие воплощалось в жизнь, в действительность. И даже тогда, когда начал ослабевать порыв деятельной, религиозной жизни, когда богословская наука сконцентрировалась в духовной школе и келлии монаха, в средние века Византии и в века расцвета Святой Руси народ был действительно живым хранителем благочестия. Не разделенные на чуждые друг другу по духу классы и сословия, не отделенный от Бога и Церкви народ наш православный даже в тяжелые годы своего исторического бытия, при всех трудностях своего культурного развития все же тяготел к Свету и Истине Православия, строил свою жизнь в Церкви.

В глазах образованного и высокоцивилизованного человечества, всех современных мудрецов, почитающих себя по слову Апостола *“чем-нибудь, будучи ничто”* (Гал. 6, 3), образованность того времени и высокая, истинная духовная культурность кажется мраком, грубым невежеством, отсутствием тяготения к прогрессу и цивилизации. Наши историки, либеральствующие профессора и ученые-нигилисты всегда именно так и представляли нам в школе и в литературе жизнь и духовно-культурный облик старого византийца и русского. Богатейшие сокровища духовной культуры, вся литература и искусство того времени почитались у нас результатом культурного упадка, умственного оскудения, отсталости в сравнении с западной, романо-германской культурой.

Между тем, предки наши черпали глаголы вечной жизни и единственно ценное в самом Источнике Знания, приобщались плодам истинного просвещения. И все это: духовная культура, богословская начитанность и византийца и гражданина Святой Руси, кажущаяся сынам гордой европейской культуры чем-то диким и мрачным, — приобретались ими в Церкви, в храме, в богослужении, в литургическом богословии как живом опыте Церкви. Не было тогда Семинарий, Академий и теологических факультетов. Боголюбивые иноки и

4 благочестивые христиане пили живую воду боговедения из стихир, канонов, седальнов, прологов, Четьих-Миней. Церковный клирос и амвон заменяли тогда профессорскую кафедру. За время всенощных, заутрений, повечерий, под умилительное пение сладкогласных “подобнов” (а не концертных рулад и солирований), под звуки древнего знаменного и греческого распевов воспитывалось благочестие крепкое, незыблемое, вырабатывалось православное мировоззрение, воплощаемое в жизнь, а не только остающееся туманной философской теорией. Собирали в церквах эти молитвенные крины и, переживая их благоговейно, строили по ним свой быт и уклад.

А потом наступило время, когда стали отравлять народную душу, приобщать ее к чуждой европейской духовной культуре, пленили Церковь, отделили интеллигенцию неверующую от еще верующего народа, уводили народ на другие, чуждые, пути и тропинки, и, как следствие — блуждание впотьмах без Бога и веры. А теперь, после десятилетий горьких разочарований, кровавого кошмара революции, мучительного отрезвления от пьяного угара неверия и европейского материализма, изломанные и больные, искалеченные душой, мы вернулись к Богу и Церкви. Снова зазвучал обращенный к исстрадавшемуся русскому человеку нежный, материнский голос Церкви, отверзлись *“Отчие объятия”* и *“Бог Милосердный, якоже Отец чадолюбивый”* приял его к Себе. И снова зазвучали забытые

мотивы песнопений, снова с клироса зажурчал живой поток благодатных слов, заструилась в душе теплота, воскресла вера, открылись очи к лицезрению потерянного, забытого небесного и вечного. Но отвыкли мы от этих непонятных слов и образных наречий византийского и печерского инока. Стоим и не понимаем, внимаем и не разумеем. Разучились понимать божественный язык церковных песнопений, разучились отличать под вековым слоем копоти и пыли на иконах их дивные орнаменты, разуметь смысл иконного писания. Все это скрыто, непонятно, чуждо нашему слуху и зрению. Привыкшие к реализму передвижничества и академизма, мы не понимаем больше истинной красоты неземных образов наших икон и божественных откровений из другого мира; воспитанные на современной поэзии декадентства, мы не понимаем поэзии церковной, ее глубокого неизреченного смысла. Мы не можем понять даже того, что в храме может быть вообще что-то жизненное, реальное, что есть смысл в нашем богослужении. Внутреннего богатейшего содержания нашего литургического богословия мы не разумеем. Богослужение перестало быть для нас источником боговедения. Вернулись в Церковь, а того, что поют в церкви, не понимаем. Надо растолковать, объяснить.

С необходимостью толкования богослужения, раскрытия нашего литургического богословия мы и столкнулись в работе Белградских студенческих Братства и кружков, а также в своей педагогической деятельности в семинарии. Перед служителем церкви, пастырем, преподавателем литургики, проповедником, непочатый край работы, огромный материал для исследования. Здесь каждая молитва, каждый праздник, обряд и служба требуют своего объяснения и раскрытия. Пришедшая к вере и Церкви интеллигенция пытливо ищет, жаждет и требует разъяснения того, что происходит в храме, толкования благодатной жизни церковной, раскрытия нашего богослужения как источника боговедения.

В богослужении сокрыто все наше богатство, вся ризница наших духовных сокровищ. Глубины догматических истин, величайших откровений Божьих, как и нравственные заповеди, прикровенно содержатся в стихирах, тропарях, канонах. Ключевский говорил: *“Люди, слышавшие проповедь Христа на горе, давно уже умерли и унесли с собой пережитое ими впечатление; но и мы переживаем долю того впечатления, потому, что текст этой проповеди вставлен в рамки нашего богослужения”* (Курс русской истории, том III, стр. 366).

Наша литература не особенно богата в этой области. Круг годичного богослужения, двунадесятые праздники исключительно полно, прекрасно и со всех сторон (и исторически, и догматически, и таинственно) объяснены профессором Киевской Духовной Академии М. Скабаллановичем в его серии “Христианские праздники”. Толкованиями Гоголя, Дмитревского, “Письмами о богослужении” А.Н. Муравьева и еще несколькими 5 новейшими трудами в этой области можно, пожалуй, ограничить всю нашу литературу по литургическому богословию, объясняющую суточный, годичный и отчасти седмичный круг богослужения.

Предлагаемый сборник представляет собой слабую попытку дать некоторое толкование нашего седмичного круга богослужения (“Шестоднев”). Остальные три статьи представляют собой разработку литургического понимания отдельных вопросов богословия: личности Богоматери (в очерке “Не рыдай Мене Мати”), общего подхода к нашему богослужебному материалу.

Наш сборник отнюдь не представляет собой чего-либо законченного. Ни в цикле “Шестоднев”, ни в остальных статьях мы не смогли, да и не пытались дать что-либо цельное и систематическое. Рассматривая литургическую концепцию отдельных догматических вопросов (Ангелы, Крест, Богоматерь, творение), мы и не предполагали дать совершенную и систематическую разработку. Наша задача главным образом состояла в том, чтобы дать общую литургическую характеристику данного вопроса, вскрыть перед читателем-христианином наиболее яркие, красивые и глубокие по содержанию места православного богослужения.

Может показаться странным, что, пытаясь дать объяснение седмичного круга богослужения, мы ограничились только Шестодневом, оставив толкование главного и первого дня — воскресения, его смысла, внутреннего содержания недельного богослужения. Но этого вопроса нередко касались и ранее. Воскресная служба Октоиха в богословской литературе и современной печати была раскрываема неоднократно. Считаем нужным указать на последнее, прекрасное толкование богослужения именно этого дня в книжке проф. Н.А. Арсеньева. *"Душа Православия. Радость Воскресения и преображение твари"* (Новый Сад. 1927 г.). Наш очерк "Новая тварь радуется" мог бы, может быть, несколько развить основные мысли г. Арсеньева и посему в некоторой мере восполнить и недостающее седьмое место к Шестодневу, так как вопрос преображенной твари стоит в тесной зависимости со смыслом Воскресения Христова.

В нашем объяснении седмичного круга богослужения и других затронутых вопросов мы пользовались литургическим материалом Октоиха, Миней, Триодей, Часослова и других книг, дополняя его и объясняя соответствующими выдержками из творений святых отцов, древних литургий, житийной литературы, прологов и, конечно, нашим изумительным, неоценимым богатством: древней православной иконографией, живым, неумирающим памятником нашего боговедения. Мы не решались посягать на сладкозвучный церковно-славянский язык наших молитв и песнопений, но где это было нужно для большей доступности запутанного, подчас, славянского текста, прибегали к объяснению на русском языке, сверяя при этом перевод с греческим подлинником.

Задачей наша состояла в том, чтобы дать верующему, православному, благочестивому христианину возможность хотя бы вкратце познакомиться с красотой и глубоким смыслом нашего богослужения и с помощью его ближе подойти к боговедению и познанию *"великой тайны благочестия"* — воплощения Божия Слова нашего ради спасения, воскресения, преображения. Если нам это удастся, хотя бы отчасти, мы сочтем свою задачу выполненной. Мы призываем русского православного христианина подойти со страхом Божиим, верою и *любовью* к Источнику Жизни в Господе, к благодатному бытию в Церкви.

Считаем своим долгом и особым удовольствием сердечно поблагодарить членов Братства преподобного Серафима П.С. Лопухина и Н.А. Плотникова за все их труды и заботы по изданию, корректированию и печатанию книги, как и всем, оказавшим помощь советом и указанием.

Крины молитвенные

6

"Велий еси, Господи,
и чудна дела Твоя
и ниединоже слово будет довольно
к пению чудес Твоих".

Как-то летом, бродя по сербским монастырям, я зашел помолиться и к святой Параскеве. С чувством особого благоговения и некоторого волнения подходил я с котомкой за плечами, с посошком в руке к холмистому Церу по извилистой, пыльной дороге.

Вот мелькнул красный купол, еще поворот дороги, и белая, яркая церковка встала передо мной. Калитка, забор и тропинка к церкви... Остановился, перекрестился и с трепетом вошел. В трапезной небольшой монашек в белом подрясничке, с рыжей бородкой и такими лучистыми глазами встретил меня и указал, как пройти к храму. Я перешагнул порог церкви, и передо мной открылась та картина, которую я иначе не назову, как отрывок из Пролога, дивный рассказ из Четьих-Миней, ибо все мое недолгое пребывание там стало жизнью в какой-то чудесной, иконописно житийной обстановке.

Две мерцающие лампадки у местных икон, тьма в церкви, и лишь на клиросе несколько свечек в руках у певцов. Кое-где серые пятна кланяющихся фигур — жители соседних деревень. Высоким голосом читает монашек кафизму, и гулким эхом в церкви тонут концы

стихов. Тихо вздыхает рядом со мной старушка в большом платке. Огромная тень ее головы от мерцающей свечки прыгает по стенке. Из алтаря выходит в мантии служащий иеромонах и перед царскими вратами произносит ектению. Тягучий голос канонарха, отрывистое, уставное пение хора, поклоны, мерцающая игра лампад. В алтаре пономарит старый-старый схимник, с длинной бородой и смуглыми глазами из-под надвинутого на лоб кукуля.

Каждодневные службы, стояние на клиросе с братией, чтение, общая молитва вечером, поклоны и тихий, вздыхающий шепот: *“Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!”*

И вот среди всей этой братии, среди этих русских иноков стоит маленькая, черная фигура святителя. Трудно говорить о таких людях, трудно даже подойти. С особым благоговейным трепетом склоняешься в земном поклоне перед ним, прося его благословения. И, не смотря в его лицо, принимаешь широкое, немного отрывистое и резкое, осенение его маленькой, суховатой рукой. И особенное благоговение касается души, если взглянуть в его лицо: немного припухшая, точно детская, верхняя губа, черная, маленькая бородка, длинные, волнистые волосы почти до пояса, слегка раскосые глаза, надвинутый клобук. Великий постник, молитвенник, человек особой духовной жизни, уже увидевший те высоты и лазурные, светлые дали, которые видимы им, этим полуземным людям, этим ангелам во плоти, живущим уже не здесь.

Особое настроение созидалось у меня. Светлой, лунной ночью на винограднике, в шалаше, лежа на скамейке и отдыхая от службы в церкви и дневного зноя, задумывался я над этой особой тихой жизнью. Истосковалась душа, в изгнании сущая, по этим нашим белым русским обителям, по ските, пустыньке, по старцам и схимникам, по ночной службе и сладкопению, по аромату монастырского жития. Здесь, вдали от полей и лесов Святой России, среди хоть и братского, православного народа, но не знающего этой красоты, не ведавшего ее, не видавшего этих белых оград и темных келлий, — здесь особенно остро чувствовалась тоска по русской святости, возможность хоть приблизительного, хоть далекого воспоминания о ней. Среди сербских монастырей, среди пустых келлий и заглохших, запыленных церквей особенно ярко ощущалось это настроение, эта монастырская, тихая жизнь. Виделось, конечно, только светлое, недочеты почти не замечались.

Ранним утром, до солнечного восхождения, шел я из шалаша, сбивая росу, в церковь к заутрене. Иеромонах сутулой походкой приближается к колокольне и мерными ударами созывает братию в храм. Тянутся черные тени, раскланиваются по сторонам и уже стоящему святителю, и идут на клиросы. Вникая звучащим с клироса, читаемым из толстых книг канонам, поучениям, псалмам, вслушиваясь в эту неизреченную глубину православной сокровищницы, взирая своими немощными, худыми очами в лик Православия душа моя озарялась тихим благодатным светом богодухновенных молитв и песнопений, переживая особое чувство полноты церковности.

И часто за время моего пребывания в монастыре, зайдя в церковь ранее службы или оставаясь там после службы, я видел стоящего на клиросе с опущенными ресницами и надвинутым клобуком святителя, который долго просматривал и перекладывал эти толстые книги в желтых переплетах. Его маленькие руки переворачивали страницы плотной, шершавой бумаги, глаза пробегали по строкам черного и красного письма. Подолгу, упиваясь стилем и образностью этих слов, он взирал на эти много-много раз перечитанные и пропетые строки, пересыпал из руки в руку полные пригоршни самоцветных камней.

Я думал: *“Вот я, приподнимая эту златотканную завесу из потемневшей от времени парчи божественных слов, заглядывая в эти глубины, трепетно, прикровенно познаю и принимаю в себя эти лучи неземной красоты, несмотря на свое неведение, немощь, полную приверженность к тяжелой мирской, земной жизни. Это — для меня, далекое, знакомое, но почти забытое, почти неведомое, таинственное откровение божественных глаголов, для меня, для моей ничтожности. Но он?... Этот святитель, постник, молитвенник, подвижник, этот маленький сутуловатый монах, что ищет он в этих книгах? Неужели же*

он, в своих молитвенных подвигах внимающий неземной ангельской песни, неужели и он ищет того же, неужели же и ему эти книги — откровение?”

Вспоминается рассказ об одном разговоре с отцом Иоанном Кронштадтским. На вопрос отцу Иоанну, откуда у него такая вера, он ответил: *“От частого служения литургии и вседневного чтения Миней”*, не Четьих-Миней, а богослужебных книг, служб нашим святым и нашим праздникам. Вот откуда такая вера! Вот откуда то особое настроение! И эти, сколь близкие и родные еще издавна, толстые книги, стали еще ближе, еще дороже. Стали *нужнее*. В них виделся не только труднопонимаемый славянский текст витиеватых и простых молитв, но и источник крепости, источник веры, радость подлинного жития о Господе.

***

Святая Параскева... В ее монастыре, в глуши холмов и перелесков русские иноки-изгнанники собрались для служения православной Красоте. Созданная их трудом и молитвами обитель засияла светом на всю округу. В возгласах канонарха, в сладкопении стихир и канонов воссияла огоньком православная церковность, о которой сказал кто-то, что она дает судить о том, что православно и что нет, открылась сокровищница, полная драгоценных алмазов и изумрудов.

Я начал с этой русской обители. С нее именно потому, что в ней впервые после нескольких лет изгнанничества я снова обрел потерянную красоту православного русского богослужения. Стояние на клиросе в храме Святой Петки[1], чтение этих дивных книг, поучения из патериков, прологов, звуки последних стихов, вечерняя молитва, рокочущий голос чтеца — все это вернуло меня к русской богослужебной красоте наших обителей. Все это напомнило мне столь многое из потерянного в России.

И главное — эти толстые книги. Они вернули мне некоторые забытые мысли. Как это странно: иногда случается, часто совершенно неожиданно, некоторые вещи заставляют начать снова думать о том, о чем раньше не удавалось и не умелось подумать. Так вот и теперь явилось то особое настроение в переживании церковного богослужения и особенно в отношении к церковным песнопениям, явились, казалось, забытые чувства, о которых хочется сказать несколько слов.

***

“У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господа” (Быт. 4, 26). Какими странными, и в тоже время простыми, кажутся эти слова: *“тогда начали призывать имя Господа”*.

До этого первые люди не призывали Господнего имени, после грехопадения впервые при Еносе началось общественное прославление Бога. При нем, быть может, родились первые молитвы, впервые возникло богослужение. Нам страшно это простое повествование Библии. Если мы не отрешимся от нашей теперешней обстановки, от нашего религиозного сознания, то, обладающие богатством молитв и обрядов, мы себе с трудом можем представить это первое призывание имени Господнего. Сознание оцерковленного человека не может себе ясно представить мертвой, нецерковной жизни. На всем протяжении ветхозаветной истории мы находимся под этим гнетом мертвенной, нецерковной религиозности Церкви не творческой, не имеющей в себе силы, не обладающей живительным Источником. И так до Христа Спасителя.

“*Процвела есть пустыня, яко крин, Господи, языческая неплодящая Церковь пришествием Твоим, в нейже утвердися мое сердце”*[2].

“Жезл во образ тайны приемлется, прозябением бо предразсуждает священника, неплодящей же прежде Церкви, ныне процвете древо Креста в державу и утверждение”,[3] — так поет песнописец. За мертвой неплодящей Церковью явилась Церковь Христова, которая *“столп и утверждение Истины”*, Невеста Христова, *“утвержденная на камени заповедей”*,

---

[1] Так сербы называют Святую Параскеву

[2] Ирмологий, 2 глас, ирмос 3 песни канона.

[3] Канон, гл. 8, ирмос 3 песни.

на *“камени, Иже бысть во главу угла”* и “*Иже есть Христос, паче Коего несть ни свята ни праведна”,* Единая, Святая, Соборная, Апостольская Церковь, Тело Его, залог спасения всех нас. В ней, и только в ней, веруем мы, наше спасение, только в *переживании церковности*. Церковность есть жизнь, и, как всякая жизнь, недоступна рассудку, жизнь в Духе, и критерий правильности этой жизни — Красота. *“Да, есть особая красота,* — говорит отец Павел Флоренский, — *духовная, и она, неуловимая для логических формул, есть в то же время единственно верный путь... Знатоки этой красоты старцы духовные, мастера художества из художеств”...*

Наши святые угодники, преподобные и святители, просиявшие подвигами своего жития у Господа, создали нам эту красоту. Они наполнили церковную ризницу этим богатством, этими бесценными дарами, возрастили молитвенные крины сего духовного вертограда.

“Отцы пустынники и жены непорочны”...

От них у нас это дивное наследие через длинный ряд веков, через всю историю нашей Церкви, сохраненное нам это богатство, дерзновенное, самое большое и святое, что у человека есть, — это его обращение к Богу, это те слова, которые он наедине говорит Самому Господу, это те несовершенные и бледные словесные изображения своей веры и любви к Богу, которые он смиренно, но и дерзновенно преподносит Престолу Всевышнего и полагает подножию Его. И они, эти словеса чистые, сохраненные нам, грешным Самим Богом внушенные и навеянные тихим помаванием Голубиных крил Духа Жизни Подателя и Утешителя, словеса, сложенные из самых глубин сердца — эти святые слова сохранены в чудных, таинственных книгах.

Не с нашей человеческой логикой подходить надо к ним, к этим хранилищам Духа Истины, а с чувством особой смиренной веры.

“Не мудростию и богатством да хвалится смертный своим, но верою Господнею православно взывая Христу Богу”...

Не как к простой книге надо подходить к ней, не как к простому печатному слову, не мимоходом, как ко всякой книге. Не так, а смиренно, со склоненной головой... С огарочком яркой восковой свечи, трепетной рукой раскрываю я огромную толстую книгу, лежащую на потертом, кожей обтянутом, аналое. В голове мрачные мысли, в сердце тоска по чему-то неизведанному, в душе выжженная житейской заботой и смутой пустота. С трудом различаю я перед собой бледноватый от времени текст. Руки трепетно перелистывают лист за листом... Мысль остановилась... Не думается ни о чем. Я не воспринимаю смысла читаемого. Непонятный славянский текст. Прыгают жирные, черные и красные строки и мелькают завитые начальные заставки. Толстый кожаный переплет с тиснением, полустертая медная застежка. *9*

Красной киноварью мелькают надписи: *“Канон, творение Кир-Иоанна”, “стихира”, “слава”, “подобен Доме Ефрафов”, “и ныне”* и так далее; и все мелькают на каждой странице без порядка, кажется, и без счета. И непонятен мне этот язык, страшна мне эта Минея с шершавыми листами, закапанными воском. Сколько рук перелистывало эту святыню, сколько глаз пробежало по этим строкам, сколько служб было пропето по ней!..

Подымаю кверху голову и смотрю сквозь тусклое окно на загорающиеся на небе звезды. Перед окном качается ветка с золотыми листьями; на небе вспыхивают огоньки. Тихое полудремотное состояние. Полузакрыв глаза, смотрю на огромный лик Спасителя, темный, с большими-большими глазами, старого письма, огонек от лампады и солнечный луч играют на нем. Тихо-тихо... Со старинных икон, с покоробившихся досок смотрят лики. Наклоненные в сторону фигуры, большие выпуклые лбы, завитые бороды, яркие краски, крестчатые ризы. В святительских омофорах, в мантиях и схимнических аналавах, в простом иноческом одеянии угодники Божии, постники, подвижники, молитвенники и скорые заступники, “сограждане ангелов”, святые, создавшие для нас богослужебную письменность, творцы этих песнопений и молитв, вписавшие свои богатые дары Духа в эти толстые книги и сами сподобившиеся молитв и служб. Изо дня в день, число за числом, на каждой странице

этой Минеи, стоят эти службы святым. Озаренные благодатью Духа Святаго, укрепившие себя в постнических и молитвенных подвигах, они, движимые Божественной силой, слагали из сердца своего эти словеса разумения.

“Слова молитвенные суть молитвенные излияния из сердец святых мужей и жен. Исторгавшиеся, когда Духом Божиим движимы, они изрекали перед Богом желания сердца своего. В них заключен дух молитвенный; сим же духом преисполнишься и ты, если будешь прочитывать их как должно, подобно тому, как дух какого-нибудь писателя сообщается тому, кто читает его с полным вниманием”, — так говорил епископ Феофан, затворник Вышинский. И дальше поучает он: *“Внезапные порывы значат, что молитва начала водворяться в сердце и наполнять его”...*

Слова этих книг не простые слова — они навеяны Духом Святым, Им вдохновлены. И страшно становится при этой мысли, страшно своей немощи и ничтожности. Вникая в слова сии, не умом, конечно, не мудростью, не тщанием ума своего, а порывом сердца, душою дерзаешь проникать в Божественные глаголы.

***

Переворачиваю листы. День за днем мелькают перед глазами праздники, дни святых, преподобных, мучеников, чтимых икон Божьей Матери, и каждому дню посвящены свои песнопения. Все они перед глазами, все житие их отпечатано в этих страницах. Вся творческая жизнь, результат созидательной работы всей красоты церковного духа, запечатлелась в этих подобнах, стихирах, тропарях как в длинной нити прекрасных жемчужин, нанизанных благоговейной рукой студийского инока, подобранных по оттенку, цвету, красоте, одна к другой, сверкающих матовым блеском.

И дальше идет какой-нибудь канон, творение Кир-Косьмы с замысловатым “*краестрочием*”; и представляется греческий дивный текст, написанный стихами так, что начальные буквы каждой строки дают акростих, полный глубокого смысла, — “*краестрочие*” или “*краегранесие*” канона, — текст в таком виде, к сожалению, не сохранившийся в славянском переводе. И дальше, как некие изумруды, сияют загадочным, бездонным светом “догматики”, полные бездонного догматического смысла, подобно алмазам, отточенные тропари...

Всматриваюсь в службу святому (11 октября). Святительское облачение, на его иконе старинного письма горящий взгляд устремлен к Источнику Жизни Вечной. Лицо его заклеймено позорными стихами, выжженными нечестивыми иконоборцами за его стойкость и приверженность к поклонению святым иконам, за что он и прозван “Начертанным”.

Феофан Исповедник и творец канонов митрополит Никейский. Еще иноком лавры св. *10*Саввы Освященного начавший подвизаться в сложении стихов духовных, возлюбивший паче всего писание канонов и создавший их дивные образцы.

“Положи, Господи, Твоей Церкви утверждение, пребывати в век века непреложной от смятения ересей”[4], — так взывает Начертанный святитель после водворения мира в Церкви по низложении иконоборческой ереси. Тот же Феофан–творец написал дивный канон Благовещению. Кто не знает этого прекраснейшего канона, этого умилительного диалога Пречистой Девы с Гавриилом? Он же написал канон на погребение, и из его уст мир впервые услышал кондак *“Со святыми упокой”*.

Еще несколько страниц, и дальше идет служба другому святому, великому поэту Православия, святителю, узревшему Пречистую Деву и сложившему Ее Божественную Похвалу.

“Украшен добродетельми, Косьмо,” — поет ему Церковь и взывает: *“радуйся, отче пребогате”...* Отче пребогате! Есть ли точнее и вернее определение ему? Он также был иноком лавры св. Саввы, совоспитанник величайшего Дамаскина и его сподвижник, иерусалимский инок и Маиумский епископ, “сосуд божественной благодати”.

---

[4] Триодь постная. 1 неделя утро, канон, гл. 4, песнь 5.

Кир-Косьма. Его имя заставляет трепетно сжиматься сердце и с особым благоговением читать творения его духа. Косьма, написавший каноны почти на все двунадесятые праздники, каноны многим величайшим святым, сложивший дивную песнь, выше коей по простоте и глубине нет, да и не создать: *"Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем"*, — возносится песнь от наших несовершенных словес пречистому имени Всесвятой Девы и Матери. На каждой утрени пред иконой Богородицы мы поем эту песнь, ибо в ее величии наивысшая похвала Богородице и Матери Света. Сама Пречистая явилась Косьме и указала на эту песнь как наиболее Ей приятную и Ее любимую.

Именно божественный Косьма, понимая всю немощь своих слабых слов и понятий, смиренно поет Богоматери в день Рождества Ее Бесплотного Сына: "*Любити убо нам яко безбедное страхом удобие молчание, любовию же, Дево, песни ткати спротяженно сложенныя неудобно есть; но и Мати силу, елико есть произволение даждь"*[5].

Особенно трогательно звучит преклонение и благоговейное почитание памяти Честнейшей Херувим у Косьмы Маиумского. Смиренно, со сладкопением Церковь наша поет Ей в день Святых Богоявлений: "*Недоумеет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице"...*[6]

В каноне Успения сколько дивных мест, сколько сыновнего рыдания слышим мы у Косьмы вместе с осиротевшими апостолами. Раз как-то летом, в день Успения, стоял я в алтаре Хоповской церкви. Кончалась утреня. Монахини запели светилен, на подобен: "Небо звездами": *"Апостоли от конец совокупльшиеся зде, в Гефсиманийстей веси погребите тело Мое; и Ты, Сыне и Боже Мой, приими дух Мой"...*

Переливчато и грустно, морем бездонной тоски, скорби за оставляемый мир звучали эти слова в стройном киевском распеве. Монашеские голоса тонули в родном хоповском храме. Замолкло сопрано: "*и Ты, Сыне и Боже Мой, приими дух Мой..."* — тонули последние слова...

Мелькают страницы, пестрят строки и имена, чередуясь одно с другим, венчают божественные глаголы. Длинный ряд их, сонм их: Иоанн монах, Леонтий маистр, Павел Аморейский, Анатолий и так далее. Все просиявшие угодники, сослужащие Господу с ангельскими воинствами, постническое сословие, воспевающее Ему и Царице Небесной славословные песни.

***

Служба Покрову Пресвятой Богородицы, и в этот же день память одного из дивных и пречудных святых. Воистину *"красота церковная"*, как его величает в кондаке Святая Церковь, громадный Царьградский храм Святой Софии, Божией Премудрости, горит *11* освещенный огнями. Иконы, мозаики, лики святых и Богоматери сияют со стен. Идет вечернее богослужение. Василевс, Патриарх, двор, весь сонм правителей присутствуют и внимают сладкопению певцов с клироса. Там, среди певцов и чтецов, смиренно стоит юный чтец, невидный, безгласный, преследуемый и гонимый всеми зазнавшимися придворными Святейшего Патриарха, терпящий насмешки и постоянные укоры от своих злобствующих сотоварищей. Его, не знающего пения, ради посрамления перед всеми выталкивают они на середину амвона и заставляют петь одного перед всем собравшимся людом и царем. Смущенно стоит он один посреди и молча переживает свой позор. Над храмом Святой Софии нависла давящая тишина. И посрамленный, поруганный всеми, кроткий Роман, любимец Патриарха Евфимия, под град насмешек, укоров унижения, закрыв лицо руками, старается скорее спрятаться на клиросе среди своих недоброжелателей. Всю ночь в своей келлии, в давящей, душной тишине патриаршего дворца, перед иконой Пречистой стоит юный Роман и в горячей молитве к Владычице умоляет Ее и заливает молитвенным плачем всю горечь незаслуженной обиды и боль сегодняшнего позора.

---

[5] 25 декабря, утро, канон, гл. 1, ирмос 9 песни.

[6] 6 января, утро, канон, гл. 2, ирмос 9 песни.

И вот изможденному и во сне забывшемуся Роману является Пречистая Дева, держа в руках Своих длинный свиток с божественными глаголами, который вручает юному чтецу, влагая его ему во уста. Проглатывает Роман длинный свиток (греческое житие называет его "*кондакион*") и исполняется дивной силы.

На следующий день в громадном храме Святой Софии совершается утреня. Синклит и священство стоят, внимая искусству патриарших певцов. И снова под град насмешек и злорадных выпадов принужден идти с клироса чередной певец, юный Роман. Тишина повисла под громадным, как небо, куполом храма. И, о чудо!.. дивный, грудной голос запел божественную мелодию, и слова, переливаясь звоном серебряных колокольчиков, тают в полумраке громадного храма:

"Дева днесь Пресущественнаго раждает и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, Превечный Бог".

О предивный и пречудный сладкопевче Романе! В память этого события во дворце Василевса при царской трапезе долгое время сохранялась традиция пения этой песни.

***

За этим скромным и смиренным образом встает другой, величайший художник, столп истинной веры, святой Иоанн Дамаскин. По значению своему это фигура затмившая своим величием многих. Это тот, кого Церковь уподобляет Давиду, *"наставник Православия", "учитель благочестия и чистоты", "светильник вселенной",* тот, кто Церковь Святую *"уяснил песнями"*.

Ecclesiae Sanctae lumen, как выражается латинская церковная поэзия. Так же, как и Косьма, он ушел от мира и прелестей его, расточил богатство, дал Богу взаймы, как говорит песнь церковная, и в лавре св. Саввы слагал свои песни на берегах Кедронского потока, украшая творениями своими церковную сокровищницу. Святой Иоанн сложил весь круг седмичного богослужения, создал осьмогласное пение. Великий художник слова и духа, борец за святые иконы и Веру Православную, обличитель "Несториева разделения", "Севирова слияния, единовольнаго пребезумия" (т. е. монофилитства), сопротивник ересей и врагов Христовых навеки связал себя с пречудным именем Богоматери Троеручицы. В его дивных "догматиках", поемых на вечерне, заключена вся полнота церковного учения. По ним лучше, нежели по ученым догматическим трактатам кабинетных богословов, постигается сокровенный смысл божественной тайны воплощения.

Вся история Христовой Церкви, все течение православной красоты связано с ними, этими угодниками и житиями их. И проходят перед мысленным взором эти лики,

*12*целые сонмы духоносных иноков, схимников и святителей. Из Фивейской и Нитрийской пустынь, из Иерусалима, Синая, Палестины, из Студийского монастыря. Те, что *"проидоша в милотех и козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени; их же не бе достоин весь мир, в пустынех скитающеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных"*. (Евр. 11, 37–38). От радостей мира сего ушедшие для познания немирской жизни, для лицезрения не этого, не земного света, ушедшие для молитвы за этот мир; "от мирской жизни к мировой", ушедшие туда, где стирается граница между небом и землею, между ангелами и человеками, туда, где *"всяческая веселятся, небесная вкупе и земная, Ангели и человецы смешаются, идеже бо Царево пришествие, и чин приходит"*[7], в молитвах и песнопениях познавшие невещественную красоту и нам ее завещавшие. Возрастившие своими благоговейными трудами вертоград истинного богопознания, дивные *"молитвенные крины"*, отражение невещественного мира горней славы.

"Радуйся, Египте верный, радуйся, Ливие преподобная, радуйся, Фиваида избранная; радуйся, всякое место и граде и страно, граждане Царства Небеснаго, воспитавшая и сих в воздержании и трудех возрастившая, и совершенныя мужи желаний Богу показавшая.

[7] 6 января, бдение, на литии, и ныне, гл. 8, Анатолиево.

Сии светила душ наших явившася; сами чудес зарею и дел знаменьми, просиявшие мысленно во вся концы; к тем возопим: отцы блаженные, молите спастися нам.”[8]

Из загадочной Византии, обвеянной пряным и тяжелым ароматом своих дворцов и монастырей, веет дух православности и церковности. Византия, чья история представляет собой сплошную златотканую парчу из дивных цветов и шелков, усеянную камнями, насыщенную сгущенным воздухом богословских споров, самых ужасных богоотступных ересей и самого чистого, адамантового Православия. Византийская колыбель Православия возрастила дух чистого Христова учения и создала эту сокровищницу красоты. Византия — второй Рим, после которого будет всего лишь один, третий, а четвертому не быти! Третий Рим, Царственный Град, Москва, Святая Русь! После Палестины, где *все* обвеяно атмосферой святости и святыми воспоминаниями Христовых страданий, и справедливо носящей имя Святой Земли, после нее всего лишь одна Земля — Русь — дерзнула назваться Святой. Она выносила в себе, в сердце своем выстрадала и сохранила православное сияние учения Христова. Последний Рим!... На всем протяжении Святой Руси создавалось и воспитывалось почитание этой красоты, дух настоящей православной церковности. Киевские пещеры, Соловки, Валаам, Макарьев, Саров, Оптина, Глинская, Софрониева пустыни. Какие все имена-то! Отсюда — знаменитые и вековые “знаменные”, “киевские”, “греческие” распевы. Здесь, по этим обителям, продолжилось нашими боголюбивыми иноками собирание и украшение сокровищницы Слова и Духа. К принятым из Византии стихам и молитвам добавлялись все новые и новые молитвы. Русская музыкальная душа переработала заунывный, воющий напев греков, создала свою церковную музыку. Честные отцы, *“собеседники ангелов”,* боголюбезные иноки, стяжавшие в сердце своем Бога, оставили нам творения духа своего, дополнили эти толстые книги, трудолюбивою рукою вписывая в них сокровенные словеса *своих* молитв Богу, навеянных Самим Утешителем. Церковь каждодневно на протяжении целого года, вспоминая их светлую память, возносит их Богу. Оживают черно-красные строки, и от закапанных воском славянских букв возносятся, как дым кадильный, ко Господу слова хваления: *“Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила!...”*

***

...Я оторвался от книги. Поднял глаза и снова встретился с испытующим взглядом Спасителева Лика. Красная лампадка бросала отблеск на Него. Хотелось молча, долго-долго смотреть на Него и в этом порыве забыть все, замолкнуть, застыть. За окном качалась золотая ветка. Душа была переполнена такими разнообразными чувств...

Непросто писались эти слова. С особой громадной подготовкой, с духовным напряжением приступал инок к своему подвигу стихосложения. Упорным постом и молитвой доходил он до особого состояния озарения духа своего и только тогда с полнейшим смирением и сознанием своей греховности начинал свое послушание о Господе. Упорным постом начинали Рублев, Дионисий и Прокопий Чирин свои иконописные подвиги, и после сокрушенной молитвы из-под их кисти выходили эти дерзновенные изображения лика Спасителя, Богоматери и Бесплотных Сил, целые философские системы, целые догматы в красках. Икона — это уже не искусство, это иная действительность. Подобно ей, песнопения, вышедшие из глубины иноческого сердца — уже не простые слова. Церковь их считает *своими*, повторяет их сокровенный смысл на каждом богослужении. Устами Церкви возносимые к Богу, они являются словами *не этого мира*, содержание их — не обычная человеческая истина, а богодухновенная полнота церковного познания. Они — материал и средство для нашего изучения богословия. Это особенно ясно видно в так называемых “*анатолиевых*” стихирах на “Господи, воззвах”, создавшихся в период наижестчайшиых христологических споров, в божественных догматиках, написанных Иоанном Дамаскиным. *“В Церкви все чудо,* — говорит отец Павел Флоренский, — *и таинство — чудо, и водосвятный молебен — чудо, и каждая икона — чудо, и каждое песнопение — не что иное,*

[8] Триодь Постная, пяток сырной седмицы, вечер, стих на Господи, воззвах, гл. 8.

как чудо. Да, все чудо в Церкви, ибо все, что ни есть в Ее жизни — благодатно, а благодать Божия и есть то единственное, что достойно наименования чуда".[9]

Верно! И правы те наши богословы, которые говорят о необходимости разработки нашего "литургического богословия", то есть систематизации богословских идей нашего богослужения; ведь именно тут — живое самосознание Церкви, ибо *"богослужение есть цвет церковной жизни и вместе с тем корень и семя ее".*[10]

Какая бездонная глубина, какое широкое поле для исследования и изучения нашего Православия. Создаваясь в противовес протестантским и латинским ученым трудам, наша богословская наука в большинстве случаев была построена сообразно с этими системами. Подлинные глубины церковной жизни, плоды православного богопознания, неотравленные западным ядом, свободные от схоластики, которые выражены в этих книгах, лежат под спудом и неизвестны нам. Они похоронены в неизвестных и непривычных современному человеку, непонятных светским людям толстых Минеях и Триодях на клиросах церквей и монастырей. И только боголюбивым инокам они открыты, и токмо в душе, смиренно ищущей света и красоты, они распускаются дивными кринами неизреченного по глубине смысла.

Не знаем мы их, не хотим знать. Не понимаем мы славянского языка и не разумеем читаемого в Церкви. Смиренно, со тщанием постараемся проникнуть в чудесную глубину этих книг и искать в них те прекрасные *"глаголы вечной жизни".*

"Не мудростью и богатством да хвалится смертный своим, но верою Господнею, православно взывая Христу Богу".

И мы верим и надеемся, что сумеем познать и понять красоту наших богослужебных песнопений и что наши старинные и непонятные, на первый взгляд, книги станут нам ближе, станут источниками познания подлинного бытия о Господе и любви к Православию и нашему церковному искусству.

Хочется приникнуть в глубоком земном поклоне перед ликом Нерукотворенного Спаса с горячей, смиренной и дерзновенной молитвой о том, чтобы сподобиться всем нам войти в этот вертоград духовный и, своими несовершенными очами лицезрев эти взращенные боголюбивыми старцами молитвенные крины, пережить радость хотя бы отдаленного отблеска и сияния немеркнущего Света.

Мы немощны, и дай Бог сподобиться нам хоть в немощи нашей взывать: *"Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя и ниедино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!"*

"О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь..."

14 Всякий раз, когда священник совершает Божественное священнодействие, после таинственных слов призывания Святого Духа, Святые Дары силою благодати божественной прелагаются в истинное Тело и истинную Кровь Спасителевы, вспоминаются тогда все лики святых, приносится предлежащая всемирная Жертва о всех и за вся, о торжествующей на небесах Церкви и *"изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии".* Хор воспевает Ей хвалебную песнь. Во дни раннего весеннего пробуждения земли, в воскресные дни Великой и святой Четыредесятницы, на Василиевой литургии Церковь Христова устами св. Иоанна Дамаскина возносит к Божией Матери и Царице Небесной эту дивную песнь:

"О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь,
Ангельский собор и человеческий род,
Освященный Храме и Раю Словесный,
Девственная похвало. из Неяже Бог воплотися

---

[9] Священник Павел Флоренский, "Столп и утверждение истины" , стр. 122.
[10] Там же, стр. 298.

И Младенец бысть, прежде век Сый Бог наш.
Ложесна бо Твоя Престол сотвори.
И чрево Твое пространнее небес содела.
О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе”.

В своих молитвенных воспоминаниях Церковь Православная часто обращается к памяти Девы Богородицы. Многое множество песнопений, стихир, кондаков, тропарей часто-часто к Ней воссылается. На вечерне дивные догматики говорят о воплощении от Нее Божественного Ее Сына; всякий ряд стихир и тропарей канона заканчивается “Богородичным” песнопением; на утрени перед иконой Ее словами св. Косьмы Маиумского возвеличивается в песнях *“Богородица и Матерь Света”*; девятая песнь канона воспевает Ей, *“Горе несекомой”*, славу и хвалу; на первом часе воспоминаем мы словами Патриарха Сергия Взбранную Воеводу; на литургии иерей, совершая проскомидию, вынимает отдельную частицу из особой просфоры в честь Той, Кто Честнейшая всей твари, и в самый важный момент литургии снова молимся мы Ей. А сколько трогательных и непередаваемых по оттенкам грусти стихов поет Церковь во дни Поста, вспоминая в особых “Крестобогородичных” о Пречистой у Креста Сына Ее. А в Великую Субботу, когда земля надрывается от рыданий по Уснувшем Плотию Спасителе, мы, грешные и недостойные, воспеваем похвалы Божией Матери в ранний предрассветный час, творя память чудесного погребения вместе с Иосифом, Никодимом и святыми женами.

Память и переживание личности Девы Богородицы тесно и неразрывно сплелось и вплелось в самую жизнь православного человека. Восток православный сохранил в своем сознании верное учение о Матери Божией, выносил в сердце своем истинное и богоразумное переживание Ее. На всем протяжении христианской истории именно на Востоке сохранилась эта верная любовь к Богоматери, чувство, не извращенное рационалистическим обоготворением латинства, не испорченную еретической гордыней. Восток анафематствовал Нестория и не соблазнился лживым суемудрием так называемого “непорочного зачатия”. И Сама Пресвятая и Пречистая Дева не покинула своих людей и постоянно пребывает с ними Своим покровом.

От Сионской горницы, где Дух Святой *“огненные языки раздаяше в соединение всех призва”*[11] видимым огоньком сошел и на главу Матери Божией, от горницы этой и Гефсиманийской веси, где погреблась Она, через Ее град Ефес, куда *“поял Ю восвояси”* любимый ученик Сына Ее, ко Святой Горе, земному Ее уделу, к Константинову граду, где во Влахернах пояс Ее, к Иверской земле и к Святой, Православной, Богоносной Руси, где столько храмов Ее воздвигнуто и столь часто являлась Она в чудотворных Своих иконах и святым угодникам Сергию, Серафиму и другим молитвенникам за землю Русскую и за весь мир, во гресе погрязшем, Она помнит о своих православных сиротах. И посему столь много песен Ей посвящено и столь многое множество святых Ее икон сохранилось, являя нам живую память о Ней. А что ни песнь — то догмат; что ни икона — то дивный, в сказочных цветах рассказ о Всеблаженной.

В каждой службе Богородичного праздника, во всей концепции Ее памяти отобразилось все понимание и переживание Ее личности; отобразилось все Божественное промышление, все домостроительство Божие, которое, как в одной точке, соединилось в Ней и расцвело из Нее цветом нашего спасения. И переживания Нового Завета, Ее воспоминающего, и Ветхого, Ее во тьме грядущих веков прозревающего и чающего, все это вплелось в наше богослужебное пониманием Личности Богоматери. Необходимость связи этих ветхозаветных пророчеств со всем последованием службы составляет важную ее часть. Не понимать их — значит не понимать всего ветхозаветного подготовительного воспитательного (педагогического) пути к христианству. Ветхий Завет — *“пестун*[12] *во Христа”* (Гал. 3, 24).

---

[11] Триодь Цветная, Пятидесятница, утро, канон.

[12] Пестун — детоводитель, воспитатель, педагог. Последнее значение перешло из греческого языка в

Отрицать Ветхий Завет — значит не понимать Нового. Новозаветная литургия имела своим прообразом ветхозаветные подготовительные службы. В вечернем полумраке и предрассвете утрени заложено семя будущего христианского древа.

Душа сама требует этого библейского подхода к Богу. Вслушаемся в Библию, попробуем-ка пережить ее, переселиться в нее, пожить немного ее настроениями. Вспомним совершенно особую обстановку Ветхого Завета. В этом спокойном, немного фаталистическом отношении к жизни, в устремленных из-под густых бровей неподвижных взорах вдаль, взорах, полных грусти и плача, в длинных патриархальных бородах, в ометах длинных одежд, в шатрах, раскинутых в пустыни — во всем этом аромат библейского старозаветного древнего духа. В раскаленном пустынном воздухе с мерцанием тихих южных звезд слышен гортанный, отверженный, воющий крик прокаженного, видны судороги беснующегося лица. В обстановке загадочных начертаний восточных букв, этих почти магических символов, слышатся звуки старческого голоса пророка, голоса, быть может, единственного праведника, ради которого еще милуется род земной; он один в этом раскаленном воздухе звучит о правде и будущем спасении.

Ветхий Завет!.. Прекрасная фигура Израиля, Рахили, плачущей о детях своих, избранного Божиего народа. Ему давались знамения и сказывались пути, и он их сохранил в своих пророческих вещаниях.

В ветхозаветных чтениях устами богобоязненных мужей древности напоминается нам о предощущениях явления Божией Матери. Так, в первой паримии вспоминается нами Иаков, уснувший по дороге в Харан и увидевший лествицу, *“утверждену на земли, еяже глава досяжаше до небес”* (Быт. 28, 10–16). Ангелы Господни, и восходившие и нисходившие по ней, и глас Господень к Иакову, убоявшемуся этого видения, сама лествица, как бы в далеком будущем прображавшая соединение двух миров, *“тварного и славы горней”,* человечества и Божества, земли и неба — все это слабое предуказание немощному уму ветхозаветного Израиля о грядущем избавлении и спасении, об образе Пречистой Богородительницы, о Которой еще в раю предуказалось изгоняемому Адаму.

Премудрый Соломон в Притчах своих, предвидя грядущее избавление от ига закона, предрек о Пречистой Владычице в словах сих: *“Премудрость* (София, т. е. Ипостасное Слово Отчее)[13] *созда Себе Дом и утверди столпов седмь, закла Своя жертвенная и раствори в чаше Своей вино и уготова Свою трапезу”...* (Притч. 9). Здесь пророческое указание и на Самую Матерь Божию, Которую песнь церковная называет *“храмом Божьей Премудрости”*[14]*, “кивотом Слова”*, и на будущее таинственное избавление и спасение всего мира в Божественном Таинстве Евхаристии.

16 То, что Моисей на горе Хориве увидел в таинственном явлении ему Неопалимой Купины (Исх. 3) — прообраз будущего избавления в догмате Приснодевства Богородицы (паримия на Благовещение), то, что пророк Иезекииль явственнее указал в своем пророчестве, которое мы теперь тоже воспринимаем, как ветхозаветное чтение на Богородичный праздник. Он узрел врата Скинии, *“зрящи на восток и сия бяху затворена”* и рек ему Господь; *“сия врата затворена будут и не отверзутся и никтоже пройдет ими, яко Господь Бог Израилев внидет ими и будут затворена”.* В этом прообразном видении весь догмат Приснодевства Богородительницы. *“Девственная похвало”, “девство и рождество сочетавшая”*[15] то, что православный иконописец изобразил в трех звездах: на челе и на персях Богородицы: [16] *“до рождества Дева, в рождестве Дева, и по рождестве Дева”. “Дева родила еси и Дева пребыла еси”, ибо “идеже бо хощет Бог, тамо*

буквальной транскрипции.

[13] То есть “Ангел Великого Совета”, о Котором говорится у пророка Исаии (9, 6) и поется в 4 песни канона на Рождество Христово.

[14] Триодь Постная, 3-я седмица, среда утро, трипеснец, гл. 3, п. 8.

[15] Акафист Божией Матери, икос 8.

[16] О сем у св. Димитрия Ростовского “Вопросы и ответы о вере”, гл. 1, стр. 66.

побеждается естества чин. [17] И то спасение, исшедшее от Девы, которое не могло уразуметь одебелевшее сердце ветхозаветного человечества, провидели смутно и неясно пророки, провидели Духом Святым и запечатлели в своих символах. А в их словах — зачатки будущего православного учения о Матери Божией.

Сквозь кадильный дым несется и тает вместе с ним в воздухе этот великопостный задостойник: *"О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь: Ангельский собор и человеческий род"*. В этих немногих словах сказано почти все наше богословствование о Божией Матери. Стоит лишь вслушаться в переливы слов, и раскроется таинственный смысл догмата Богоматери. В этих словах заключен весь Ее образ и вся Ее сущность.

Она названа "Благодатной" и о Ней радуется всякая тварь. Тайной непостижимой и великой представляется учение о Ней для немощного человеческого разума. Благодатная — значит обрадованная, то есть сделавшаяся причастной радости, причастной благодати больше, чем все творения Божии.

Трогательно, до наивности трогательно в Прологе и Четьях-Минеях рассказывается о разговоре Господа Бога с Гавриилом Архангелом, прежде нежели сойти ему на землю и в шестой месяц благовестить Деве радость велию:

"*Глаголи: радуйся, Благодатная, яко помилую озлобленную Еву",* и далее повествуется: *"идеже обрадованная прииде, тамо вся исполнишася радости"*.[18] Мир лежит во зле, грех в нем царствует, и посему в нем нет радости. Не может быть радости в этом безрадостном мире, и только по благодати, свыше данной, может кто-нибудь причаститься радости и стать обрадованным. А Дева Богородительница снискала Себе благодать у Бога и облагодатствована. Предочищенная от греха и Духом Святым к сему предуготованная, причастилась Она радости. И тогда послан бысть *"Ангел предстатель рещи к Богородице: радуйся, и со бесплотным гласом воплощаема Тя зря Господи ужасашеся, и стояше зовый к Ней таковая: радуйся, Еюже радость возсияет, радуйся, Еюже клятва исчезнет"...*[19] И человечество восклицает со Ангелами: *"радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором."*[20] О Ней радуется всякая тварь, приветствует Ее все сотворенное, все созданное руками Творца, — *"Ангелов собор и человеческий род."* И Бесплотные Силы Небесные, никогда не согрешившие и в своем безгрешном состоянии пребывшие от первого дня творения и до последнего дня таковыми имеющие остаться, непрестанно славословящие святость Триединого величия Божия, предстоящие тьмами и тысящами Престолу Господню, радуются о Ней, о Той, Которая Честнейшая Херувимов и Славнейшая Серафимов. Дивно и предивно!... Непричастные греху и плоти радуются о Той, Кто есть выше их, но все же не была чужда первородного греха и носила эту тленную плоть.

О Ней радуется человеческий род, собрание всей разумной твари, как во плоти живущие и грешные, страждущие в безрадостном мире, так и препрославленные в сиянии святости, в светлых одеждах праведности. Все они радуются о Ней, Обрадованной, и взывают Ей о радости.

В Божественном Совете Триединого величия сотворен мир, Премудростью Его сотворена тварь. Ради большего прославления любви Его, хотящей всем спастись и в разум истины прийти, ради полнейшего осуществления свободы человеческой мир не погиб. Человек пал, но не оставлен Богом. На протяжении всей ветхозаветной истории человечества Бог часто снисходил к людям, глаголал пророческими устами, являлся им в различных образах для того, чтобы не дать окончательно угаснуть вере и надежде на Свое милосердие. И вот по истечении времени, указанного в Божественном Совете, времени исполнения седмин Даниловых, случилось величайшее *космическое* событие: воплощение Слова Божия в

---

[17] Догматики 2-го и 7-го гласов.

[18] Слово св. Иоанна Златоустого на Благовещение.

[19] Акафист Божией Матери, икос 1.

[20] Припев Акафист Покрову Божией Матери.

утробе Девичьей, осуществление всех пророчеств от века бывших: Моисея, Гедеона, Давида, Соломона, Исаии, Иезекииля, Даниила и всех других и тем самым исполнение “великой тайны благочестия” (1Тим. 3, 16.), центральный момент в христианстве: *“Слово Плоть бысть”*, соединение Творца и твари, начальный момент Нового Завета, *“главизна нашего спасения”*.

Это первый значительный момент жизни Божией Матери, ставшей уже не только Девой и Приснодевой, но и Матерью Создавшего вся, всю тварь и Ее Самую в том числе. Это тайна, недоведомая нам по немощи нашего рассудка. Какой бунт для разума! Как трудно гордому уму *“человека мыслящего”* сказать это слово: *Богородица*.

Если Рожденное — не Бог, если Рожденное не единосущно во всем, кроме ипостасных свойств Своих, Богу Отцу Безначальному, если при рождении случилось умаление, истощение Божества значит Дева родила не Бога, а лишь только человека, помазанника, мессию. И поэтому еретическому уму в его гордости легче сказать “Христородица”, но только не Богородица. Где же тогда Божие Всемогущество, величие и абсолютность, если Он рожден, и рожден Своим же созданием и, рождаясь, истощился? Но Церковь немолчно поет и славит Богородицу, Матерь и Деву, Соединившую тварь с Творцом.

Истощание сие — тоже тайна. Сын Божий умаляет Себя, *“принимая образ раба”* (Флп. 2. 7), “истощает” Себя ради вочеловечения относительно той премирной славы, которую Он имел у Бога еще до создания мира (Ин. 17, 5). Он снисходит до человеческой плоти, но все же в полноте остается таким же, как и до воплощения. Церковь так это объясняет: *“Плотию, еже из Тебе, Слово, Пренепорочная, одеявся, воплотився же поживе в мире, яко Милосерд, пребыв не хуждши. Иже прежде Бесплотный.”*[21]

Соединение сие совершается в месяц шестый, когда был послан Архангел Гавриил. И о нем говорится в наших дивных книгах богослужебных: Минеях и Триодях и в Четьях-Минеях, Прологах и Поучениях, которые дополняют и разъясняют красоту нашего богослужения и его таинственного смысла. В этих книгах так много указано и дополнено боголюбивыми святыми отцами к тому, что кратко записано в евангельском повествовании.

Нельзя в этом же смысле обойти вниманием и наши иконы с их глубиной. Конечно, не те, что пишутся на немецкий манер, портреты и картинки из Священной Истории, полные земного, чувственного и человеческого реализма, почти ничего не содержащие и не выражающие, а тех старинных новгородских, московских, строгановских писем, на которых выведен дивный догматический смысл праздника или события, на которых каждая линия имеет смысл, каждый оттенок цвета содержит глубокое символическое значение.

Вслушаемся в эти чтения на Благовещение в монастыре на утрени или в *18*трапезной... Устами св. Иоанна Златоуста повествуется о том величайшем событии Благовещения и воплощения.

Событие Благовещения произошло в Назарете. В грешном языческом Назарете, а не в иудейском святом граде Иерусалиме. *“Неславный Назарет Христа Господа нашего зача; славный же Иерусалим Его распя. Мал Вифлием Его роди, Великий Иерусалим на смерть искаше”*. По исполнении этого срока посылается Архангел от Бога. Трогателен разговор между Богом и Гавриилом, разговор, о котором не упоминает евангелист Лука, но который так ясно угадывает св. Иоанн Златоуст.

“Иди убо в Назарет град Галлилейский и тамо приидеши, первее Деве радость благовещения принести, еже Ева иногда погуби”. И увещает Бог Ангела, как сей должен себя вести и что должен говорить Деве, чтобы не смутить Ее чистой души, чтобы не искусить, как иногда смутил и искусил праматерь Ее змий. И се вот посылается Ангел бесплотный на землю. *“Свободный от греха к Непознавшей истление”, “послан Гавриил, да между созданием и Создателем уневещение совершит”. “Глаголет ко Деве Ангел, да не к тому беседует с женой змий, якоже в раи иногда”*. И он благовествует Ей величайшую

[21] Октоих, гл. 4, четверг, повечерие, канон, п. 9, и ныне.

радость, которою должен спастись весь грешный мир.

Все богослужение дня Благовещения преисполнено двух моментов: радости о грядущем спасении и соединения тварного мира с горним, твари с Творцом, ибо в этом весь смысл празднуемого события.

“Бог человекам соединяется, да радуется тварь”,.. [22]

“Да веселятся Небеса и радуется земля, ибо, о чудесе, Бог в человецех”... [23] *Невместимый в ложеснах, Безлетный в лета”... “Сын Божий — Сын Девы бывает”...*

В нашем богослужении образ Божией Матери отображается со всей чистотой и ясностью вселенского, апостольского учения. Он чужд болезненной мистики средневековья, нездорового обожествления западной схоластики и преклонения перед Мадонной, неизбежно приведшего к *“догмату”* непорочного зачатия и воздвигшего Божию Матерь на высоту, равную Богу и принадлежащую по достоинству только Ему. Мадонна, чуждая первородного греха, дерзостно названная *“перворожденной дщерью Бога”*, достойная не только молитвенного призывания, но и равного Богу поклонения могла явиться под влиянием только насыщенной атмосферы средневековой мистики. В таком случае получается: или Христос Спаситель нам чужд, неединоприроден по человечеству, если Он рожден от безгрешной Девы, или Сама Божия Матерь совершила задачу искупления, восстановила род людской, и тогда всуе пришел Спаситель. Впрочем, подобные рассуждения в наши дни вызывают попытки несколько неудачного подкрепления и редакционных поправок к новому догмату со стороны не только латинских догматистов. Само понятие и слово *“мистика”* противно и чуждо православному религиозному сознанию, его здоровому, ровному, устремлению духа и совершенно исключается целомудренной любовью к Богу, без всяких вывертов, хлыстовства и надрыва. Православие совершенно не нуждается в ссылках и заступничестве всевозможных латинских и прочих западных авторитетов, к которым любят прибегать в наши дни.

В православном сознании живет образ Девы Матери, рожденной, как и все человеки, естественным путем от обычных людей, испытывавшей нападения различных искушений и подверженной общему закону первородного греха, но снискавшей у Бога благодать смирением, чистотой и любовью, предочищенной Духом Святым к приятию благовестия и к вмещению в Себя Невместимого. Божия Матерь так близка нам по рождению, по Своему образу, по жизни между людей, Она вышла из этой мирской, грешной, человеческой среды, Она одновременно и Божия Матерь и *Человек*, что так сродняет нас с Ней, приближает Ее к нам, делает нашей близкой Ходатаицей, Заступницей, нам родной, нас понимающей и к нам снисходящей.

Таким понятным в Православии становится частое явление Царицы Небесной *19* праведникам и в чудотворных иконах с такими для нас трогательными названиями: “Слово Плоть бысть”, “Утоли моя печали”, “Скоропослушница”, “Умягчение злых сердец”, “Всех скорбящих Радосте”, “Нечаянная Радость” и многих-многих других. Так, по особому близок нам праздник Покрова Божией Матери.

В нашем православном богослужении удивительно изображен этот момент Благовещения; весь праздник полон такого глубокого понимания воплощения. Весь утренний канон представляет собой поразительный диалог между Архангелом, слетевшим в Назарет град, и Пречистой Девой, приемлющей радость Благовещения. Обыкновенно принято читать этот канон на два голоса ради большего уподобления этого диалога тому божественному разговору небожителя с Богородицей.

То, что Благовещение чаще всего совпадает с Великим постом, еще более способствует оттенению момента смирения, покаяния, греховности. Часто в этот канон вплетается великопостный трипеснец покаянного содержания, полный плача о грехе. Удивительная картина раскрывается в литургическом сознании того дня.

---

[22] 25 марта, вечер, стих., гл. 3.

[23] Тогда же на литии, гл. 8.

Ангел приносит на землю весть благую о том, что Дева снискала благодать у Бога и что Она бессеменно зачнет и родит Безлетнаго. И смиренно недоумевает Отроковица о сем чудесном явлении, о неизъяснимом образе рождения, ведь Она не знает мужа. В сколь нежных тонах и оттенках передается в этом божественном разговоре смущение Девическое, чистое и, с другой стороны, настоятельное от Ангела Ей увещание. Словами не передать этой чудесной беседы, не пересказать языком человеческим тех богодухновенных слов. На протяжении всего канона безплотный Посланец настаивает, а Дева смиренно недоумевает...

И вот, когда на восьмой песни воспевается Богу хвала во веки и когда в обычные непраздничные дни мы в песнях возвеличиваем Богородицу и Матерь Света, в этот момент на настоятельное увещание Архангела Гавриила, на обещание того, что Дух Святой найдет и осенит, отвечает Дева слова, преисполненные всякого смирения, кротости и любви: *"Являешися мне Истины вещатель, радости бо общия пришел еси благовестник! Душу убо очистих с телом и по глаголу твоему буди мне, да вселится Бог в Мя, к Немуже вопию с тобою: благословите вся дела Господня, и превозносите Его во веки"...* [24] В этих словах — сильнейший довод против наших, "православных" богословов, тяготеющих к латинскому "непорочному зачатию". Интересно бы узнать, отчего считает себя очищенной Богородица, если Она уже ранее того была изъята из общего закона греха?

Этими словами канона окончен диалог. Отлетает Посланец высших Сил, и *"купно со словом архангеловым зачатся в чистой утробе Ея Сын и Слово Божие, благоволением и советом Отчим и содействием Святаго Духа"*[25]

Тотчас же хор превозносит песнь ликования:

"Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!" — и заливаются все колокола малиновым переливающимся, заливающимся, захлебывающимся от радости звоном, и песнословит вся церковь девятую песнь — ирмос и припев — и снова ликует хор:

"Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!"

Звенят колокола, могучий благовест несется по стогнам градов, по полям, по лесам, по горам и рекам и действительно точно в сонном полузабытьи, дремала вся земля, и мучительно и томительно ожидал весь людской род этого момента смиренного признания Своего величия: *"се раба Господня, по глаголу твоему буди Ми"*...

"Благовествуй, земле, радость велию!"... и радуется всякая тварь: ангельский собор и человеческий род... Вся земля, вся тварь, весь мир, все-все!.. Все преисполнено радости и без конца звучит этот припев то с одного, то с другого клироса, раздается в душе, в сердце, звучит в ушах, наполняет собой все.

"Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!"...

20 Как все дивно продумано и скреплено воедино в нашем православном богослужении. Еще на вечерне, в полумраке мерцающих лампад, после обетования Грядущего Мессии, в пении *"Свете тихий"*, слышен из мрака веков и забытого далекого Ветхого Завета голос пророчества о Жене, от Которой родится Спас миру. Боясь смутить неутвержденность и слабое религиозное сознание Израиля, боясь его склонности к языческому заблуждению, робко, в неуверенных образах рисует бытописатель этот грядущий образ Девы. В аллегориях и символах является Ее образ. То это Лествица, то Врата, то Купина, то Дом Премудрости. И к исполнению времен, ко времени, предреченному для искупления, на протяжении всей всенощной благовествована эта радость спасения от Девы.

В блеске свечей и светильников, лампад, паникадил, в клубах благовонного кадильного дыма, в перезвонах колоколов, несущихся над всей землей, уже дышащей зачатком весенней жизни, льется это пение всего человечества, радость всего рода:

"Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!".

И исполняется славы дом Господень, вся земля, весь мир.

---

[24] 25 марта утро, канон, гл. 4, песнь 9.

[25] Пролог. Слово св. Иоанна Златоустаго на Благовещение.

“Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!”.

Это один из особенных моментов в жизни Пресвятой Девы. Та икона, на которую молился преподобный Серафим, — “Умиление”, Божия Матерь, еще не зачавшая Предвечного, до Благовещения, написанная без звезд Приснодевства, являет собой соответствие этому смиренному ожиданию утреннего богослужения перед девятой песнью, этому еще молчаливому созерцанию. Церковь молчит. Мерно струится рокочущий голос чтеца, читающего канон, перерывается изредка столь знакомым пением ирмосов богородичного канона: “*Отверзу уста моя*”. Церковь в полумраке, свечи редко теплятся, лампады мерцают перед иконостасом. Все в напряженном ожидании, в какой-то натянутости. И вот после признания Богородицею Своего смирения, то есть после зачатия, как только Церковь это в своем богослужении осознала, тотчас же мощными ударами разливается малиновый звон, льется благовест над землей своими переливами, гамма насыщается благодатным многоцветием жизни. Загорается вся церковь огнями, и перекатывается, льется, переливается, звучит с клироса на клирос всецерковный восторг:

“Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!”

Весна пришла, земля дышит, пар идет от полей, от чернозема, клейкий запах почек струится над деревьями. Вся земля благовествует, всякая березка и цветок участвует в общей радости всей твари. Благовещение — это праздник благословенной твари. В одном рождественском песнопении говорится о том, какие дары принесли Творцу, кто чем Его благодарил: *“Ангели — пение, небеса — звезду, волсви — дары, пастырие — чудо, земля — вертеп, пустыя — ясли, мы же* (то есть люди, человечество) — *Матерь Деву”*.[26]

Она — венец твари. Она ближе всего к этой твари, и поэтому-то мы так близко чувствуем, воспринимаем Ее. Вспомним-ка, как наш народ относится к Ней, как близко и по-родственному переживает всякий богородичный праздник. Ведь сколько с историей Руси связано чудотворных икон Божией Матери. Богородичный монастырек, церковка во имя Ее.

Невольно вспоминается такая картина. Яркий день, душный нестерпимый жар висит и давит. Месяц не было дождя, все побурело и сохнет и чахнет. Овсяные колоски редкие, жидкие... Как камень пересохла земля. И решил “мир” служить молебен Владычице. На поле за деревней приготовился народ. Даль колеблется от жары и волной трепещет. Разноцветными кусками, точно шахматная доска, пестрят вдали деревенские земли: черный, сереющий пар, зеленые хлеба, яркая картошка. Все стоят и ждут. И вот где-то вдали послышалось пение. Идет старенький священник, а за ним в пестрой толпе мужиков и баб, две старые женщины в черных платках и темных поневах несут икону. Колышутся хоругви, кресты, иконы... “Владычица идет!..” “Царица Небесная!” Как близко в такие минуты ощущается соединение отринувшегося нашего естества с Богом, молитвами Матери Его. Как Она близка нам, земле, всей твари, которая радуется Ей. Молитвы и пение будто бы исходят из самой пересохшей земли, от этих чахлых овсов и пшеницы. От самой матери — земли — к Матери Божией.

Раз, помню, ехал вдвоем с одним старым крестьянином весенним, ранним днем. Снег уже сошел, и земля, после сна проснувшись, дышала, и пар клубами шел от нее, и все поля были точно дымом покрыты. Ехали мы молча и наблюдали это плодородное дыхание матери-земли. И вот, смотря на этот пар от земли, указал я старику. Он посмотрел этак умно, по-мужицки умно, и в пространство сказал:

“Да, земля, стало быть, матушка *родит*. Господи, Царица Небесная, Владычица!”... и опять повторил с особым ударением: “земля-матушка родит!”

***

А на склоне лета, в августе, когда уже свезены хлеба и готовы, распаханы пары под посев, по-особенному радуется вся тварь и псаломски поет земля. Успение Богородицы. Завершение, венец Божией Матери, а с Нею — и всей твари. Завершение нашего спасения,

[26] 24 декабря, вечерня, на Господи, воззвах, гл. 2, самогласен.

ликование преображенного тела. Вникнем-ка в смысл праздника.

“Источник Жизни во гробе полагается”...[27] Умирает Матерь Безсмертного. Возможно ли? Вместимо ли? Понятно ли? Разумеет ли это гордый разум человеческий? Богородица сегодня *усыпает*.

“Днесь бо небо простирает недра, приемля Рождшую всеми Невместимаго; и земля источник живый отдающи благословение, украшается благолепием. Ангелы лик составляют со апостолы, ужасно взирающе, от живота в живот преставляему, Рождшую Начальника Жизни. Вси поклонимся Ей молящеся: сроднаго присвоения не забуди, Владычице, верно празднующих всесвятое Твое Успение.”[28] А вот Четьи-Минеи повествуют, что все деревья на Елеонской горе, где молилась Божия Матерь пред успением Своим, купно с Ней кланялись до земли, и слава Господня *“с небесе идяше”*. Даже бездушные дерева — и те благодарили с Нею Творца. И уснувшая Богородица *“Всесвятую душу Свою в пречистыя длани, Иже из Нея воплощся без семени, предает”...* [29] В Себя приявшая без семени Рожденного, Ему же и Свою душу отдает.

На иконе Успения стоит в небесных облаках Спаситель, приемля Ее чистую душу в виде младенца. Венец Твари, лучшая из всех людей, Честнейшая небесных воинств, от земли к небу Лествица, ныне усыпает сном и отходит к Своему Творцу. Любовью Божией созданные, по своей гордости от Бога отринутые, из человеческого же тварного естества мы увидели спасение и приняли его. Мы дали рождшемуся Христу Его Матерь-Деву — лучший из всех даров земли, в день Ее успения получаем снова залог нашего вечного спасения. В Благовещении — как бы благословение твари, ибо Христос не погнушался воплотиться в человеческий, тварный облик, а ныне в Успении — окончательное утверждение, венец нашего спасения, обожение нашей человеческой природы, прообраз нашей будущей жизни во образ преображенного на Фаворе тела... В теле жили на земле, с ним же спасемся, в преображенном теле вкусим плоды вечной жизни, в преображенном теле будем славословить Бога. В Успении залог и нашего общего воскресения, ибо в Успении Божией Матери было и Ее воскресение, дабы оправдались слова Царя-псалмопевца: *“Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоея”...* (Пс. 131, 8).

Ангелы в этот день говорят один к другому: *“возмите врата ваша* [30]*, приимите Рождшую Творца”*. Ангелы славословеньми воспевают честное и святое Ее Тело. Ангелы бесплотные радуются о преображенной плоти, Рождшей плотью Творца.

На девятой песни канона, на которой воспевается Богородица, в этот день вместе с ликующим благовестом, тающем в августовском чистом воздухе полей, вместе с переливами колоколов ангелы воспевают Всечестную Деву и, восприняв Тело Ее, возносят на

22небеса к вознесенному Телу Сыну Ее и Богу. И песнь говорит, что ангельские воинства *“священными крылами, трепетом и радостью Тело Ея покрываху”,* [31] вознося его от земли в Небесные обители. Колокола льют свою медную песнь, а люди в церквах славословят: *“Ангелы, успение Пречистыя видевше, удивишася, како Дева восходит от земли на небо,”* — и снова колокол гудит и гудит, и свечечки мерцают перед иконой праздника. Народ стоит в церкви густо и тесно. *“Ангелы, успение Пречистыя видевше, удивишася...”* Радуется земля. Отверсты врата в небо. Виден Сам Господь, приемлющий душу Богоматери, зрима и Она, Чистая, ангелами на небо возносимая. Успение есть воскресение. Завершено дело нашего спасения. Венчается плоть наша, венчается тварь.

Мы особенно остановились на этом моменте нашего литургического сознания, девятой песни канона и моменте приношения предлежащей Жертвы о Божией Матери, моменте завершения ветхозаветной истории, который сосредотачивается в конце канона. В течение

---

[27] 1 августа, вечер, на Господи, воззвах, гл. I.

[28] 15 августа, вечер, на литии, слава, гл. 5, самогласен, Феофаново.

[29] Тогда же, и ныне, глас той же.

[30] Тогда же, великая вечерня, на стиховне, слава и ныне, гл. 4.

[31] 15 августа, утро, канон, гл. 4, Иоанна Дамаскина, песнь 4.

всей вечерни и утрени проходит вся история человечества от творения мира и грехопадения, вплоть до момента славословия Того, Кто показал нам Свет, Кто Сам есть Свет. В каноне это постепенное нарастание события просматривается особенно ясно. Воспевается песнь освобожденного Израиля девицы Мариам после перехода через море, воспевается в прообразах Анны, Матери Самуила “языческая неплодящая церковь”, воспеваются пророческие обетования Аввакума, Исаии, Ионы, трех отроков в пещи, Даниила, “мужа желаний” и, наконец, после их восторженной песни мы возвеличиваем в песнях Богородицу и Матерь Света и в девятой песни поем Ей славу. А в великие праздники венчается канон величаниями и припевами в Ее честь.

В колокольном звоне и блеске свечей, которые вновь возжигаются в этот момент [32], в кадильном дыму мы слышим эти восклицания:

“Ангелы, успение Пречистыя видевше, удивишася, како Дева восходит от земли на небо”... [33]

“Величай, душе моя, от земли на небо честное преставление Божия Матери”... [34]

“Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу”... [35]

“Величай, душе моя, преславное рождество Божия Матери”... [36]

“Ангелы вхождение Всечистыя зряще, удивишася: како со славою вниде во святая святых”...

“Ангелы, взыграйте со святыми, девы, сликовствуйте: Богоотроковица бо вниде во святая святых”... [37]

“Величай, душе моя, Честнейшую и Славнейшую горних воинств, Деву Пречистую Богородицу”... [38]

Переплетается в предрассветном утреннем воздухе, или в раннюю весну Благовещения, или летом на Успение, или в морозном холодке ноябрьского праздника Введения, переплетается гул колоколов с пением людей, а людское пение с пением ангелов.

***

На Божественной Литургии после таинственного преложения, после того, как Дух Святой сошел на Дары и совершил таинство, подобно тому, как когда-то сойдя на Деву Марию, содействовал воплощению, после момента, в который как бы повторяется воплощение,[39] особо значительно важно призывание имени Божией Матери и пение Ей особой песни “Достойно есть” или Задостойника.

“Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся!”...

От тварного мира Творцу приносится жертва за весь тварный мир. И прежде всего вспоминается Честнейшая ангельских воинств, венец твари, и мы все поем:

“О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе!...” *23*

Новая тварь радуется

Прославляя схождение Господне во ад и память неверующего ученика Его, Фомы Близнеца, Церковь на утрени поет этот светилен:

“Днесь весна благоухает и новая тварь радуется”

***

В начале всенощного бдения при каждении всего храма под умилительное пение предначинательного псалма воспоминается нами сотворение Богом вселенной. Как некогда

---

[32] Типикон, глава 24, “О вжигании светильников”.
[33] Припев праздника Успения на первый канон.
[34] То же на второй канон.
[35] То же на праздник Благовещения.
[36] То же на праздник Рождества Божией Матери.
[37] То же на праздник Введения, на первый канон.
[38] То же на второй канон.
[39] Св. Иоанн Дамаскин “Точное изложение Православной Веры” 4,13. M.P. g. t. XCIV, col. 1141–1145.

Дух Божий носился над бездной, так и ныне в полумраке вечернего сияния лампад при еле освещенных ликах святых икон Божиих угодников возносится благовонный кадильный дым под темными, почти черными сводами храма.

С клироса раздается величественный поэтический рассказ о творении мира, рассказ, поэтичнее которого трудно представить. Все творение вселенной встает в нашей памяти и мы слышим повторяющееся утверждение псалмопевца: *“вся Премудростию сотворил еси”*... В вечернем полумраке ежедневно повторяется дивный рассказ о шестодневе. Вспоминаются богомудрые и величественные слова святителя Василия Великого, Амвросия Медиоланского, встают в памяти характерные контуры старинных икон того же содержания — “шестоднев”. Каждый вечер дано нам вспоминать об этом, удивляясь милости, величию и благости Творца.

“Яко возвеличишася дела Твоя, Господи... Вся Премудростию сотворил еси” (Пс. 103. 24).

“И виде Бог, яко добро”... (Быт. 1, 12).

Все добро, все красиво, все прекрасно и премудро, все, что вышло из рук Преблагого и Премудрого Творца. Именно в умиренной, тихой (после уличного шума) обстановке вечерни так особенно ощущается премудрость создания и совершенное блаженство Творца при виде созданного из любви Творения рук Своих. Бог в покое Своем созерцал неизреченную гармоничную красоту совершенного творения, не нарушаемого никаким злом, никакой порчей, ибо вся добро зело...

Земля, плывущая в лазурном мировом просторе среди стройного хоровода небесных светил, земля, купающаяся в золотых ручьях прекрасного, яркого солнца. Обширные водяные пространства, отражающие в себе лучи *незапятнанного* еще солнца, яркого, сияющего, огненного... Зеленая, бархатная трава, свежая зелень деревьев дышат и наслаждаются паром, исходящим от земли и орошающим лице ее (Быт. 2. 6). И *“животные малые с великими”*, и птицы в беспредельной лазури, летящие, и ныряющие, и кувыркающиеся, и высоко-высоко в небе парящий жаворонок, и рыбы в водах и под водою, и вся тварь видимая наслаждается прекрасным и премудрым устроением вселенной. Бог, по любви Своей создавший все это, будучи Сам Любовь, любит всю тварь, с любовью наблюдает ее в покое и блаженстве Своем, *любуется* ею, наслаждается ею, ибо *вся добро зело* и вся Премудростию Он сотворил.

С высоты Своего великого Престола славы, седяй на Херувимех, Господь Вседержитель созерцает находящуюся под Ним вселенную. Это так реально выражено в Священном

Писании прекрасным греческим словом “*сложение*” мира или лучше “*бросание*” мира;

*24*как будто Господь, творя мир, *бросил* его в пространство.

Церковь Православная в своем богослужебном сознании всегда переживала это блаженное созерцание Богом прекрасной картины творения. Не только в дивных псалмах-апологиях Давида и песнопениях ветхозаветных, воспринятых нами, но и в молитвах святой Божественной Евхаристии вспоминает Церковь это созерцание прекрасного творения. В дивной молитве литургии Апостольских Постановлений, в молитвенных фрагментах II и III века, в уникальных по силе, величию поэтического чувства словах говорится об этом. В молитвенных переживаниях совершенств Божиих, подробно описывается и сотворенная красота мира с гражданином мира — человеком, который явлен украшением мира. Во всех древних молитвах этих литургий, в молитвах литургии святителя Василия Великого слышится это молитвенное переживание Церковью красот тварного бытия.

Тварь и ее состояние нашло себе верное отражение в Церкви и в Ее литургическом понимании и переживании. В живом сознании Церкви, в Ее молитвах, все сознается и все сплетается в стройную и гармоничную систему действенного православного мировоззрения.

Посему и падение Адамово и последовавшее изменение твари нашло себе выражение в нашем богослужебном понимании. Грехопадение человека — явление космическое, сопровождается и изменением всей твари. Грехопадение — не только внутренний сдвиг в

человеке, не только нарушение его личной душевной гармонии, но и изменение всего стройного, гармонического облика вселенной, до некоторой степени искажение всего тварного. Богослужебный материал Триоди Постной отмечает эту космичность явления в неделю сырную, посвященную воспоминаниям Адамова падения:

“Солнце лучи скры, луна со звездами в кровь преложися, горы ужасошася, холми вострепеташа, егда Рай заключися. Исходя Адам, руками бия в лице, глаголаше: Милостиве, помилуй мя, падшаго”. [40]

И с такой же силой и реальностью сострадание твари отображается при описании другого космического явления — искупления.

Это сострадание твари с момента падения длится и до днесь. Ибо по воле Создателя вся тварь вместе с человеком подпала закону тления, произошло внутреннее, органическое изменение ее. Наиболее ярко выражено это в учении святого Апостола Павла. Это измененное со дня падения состояние тварного мира выражено Апостолом (Рим. 8, 20–22) в словах о *совоздыхании и соболезновании* твари *даже доныне*. В толкованиях своих на послания Апостола Павла Затворник Вышинский Феофан видит в этом соболезновании твари ощущение болезни рождения: то есть что будущее состояние твари уже зачато и зреется в глубине самой твари, как плод во чреве матери; тварь это предчувствует и оттого-то состраждет и совоздыхает.[41]

Бог не отвергся земли, не возненавидел мира и не презрел твари. Даже в проклятии не было ненависти. Отверженная земля проклята Богом через человека,[42] но Господь не возненавидел, не отверг и не оставил твари. Он продолжал и далее премудрое промышление о ней. Он продолжал и дальше вести ее ко дню искупления и избавления. Земля проросла волчцы и терния, но Господь не отринул ее от Себя. Как в предвечном совете Божием во исполнение Божественной любви создался мир, как Господь любил прекрасный мир, Им созданный, так Он и дальше продолжал любить землю грешную и тварь падшую и измененную. Домостроительство Божие не преткнулось о момент падения, в совете Божием предусмотрено было и спасение мира и искупление от греха. Всенощная не кончается после предначинательного псалма закрытием царских дверей и ектенией, возвещающей и прообразующей падение человека, закрытие райских врат и тленное, полное забот житие. После нее следует предречение о Тихом Свете с Востока и все ветхозаветное домостроительство от исхода из Египта вплоть до Марии Девы, до утреннего сияющего Света, до радостного утра Христова Пришествия.

Центральным моментом любви к твари и миру является воплощение Слова, ибо *“так возлюби Бог мір, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный. Не посла Бог Сына Своего в мир да судит мирови, но да спасется Им мир”.* (Ин. 3, 16–17). Центральный момент православного богословия — *“Слово плоть бысть”* (Ин. 1, 14). И в этой истине столько захватывающего, столько глубины и безграничных далей открывается для нашего религиозного сознания, ибо, как сказал Великий Афанасий: *“Бог вочеловечился, чтобы мы обожились”*. От воплощения Слова протянулась эта яркая, светлая нить: Воплощение, Воскресение, Преображение.

Православию чуждо гностическо-манихейское отвержение твари. Православие — религия аскетизма и преображенной плоти; наряду с аскетизмом, с чисто апостольской свободой духа уживается принятие твари, любовь к природе, красоте мироздания. Потому-то наши подвижники наиболее строгой жизни и аскетической напряженности уходили в дремучие леса и в единении с природой находили себе утешение и укрепление в своем подвижническом молитвенном делании. Природа, тварь была им близка и родна, была для них источником боговедения. Ее они не чурались, а в благоговейном ее созерцании умно приобщались Божественному Разуму. Человек мыслящий и живущий вблизи с природой не может быть атеистом. Атеизм (равно как и

---

[40] Суббота сырной седмицы,вечер, на литии, слава, гл. 6.

[41] Епископ Феофан. Толкования на послания святого Апостола Павла к Римлянам, т. I. стр. 509.

[42] Ba-ebure-cha — через тебя, а не за тебя (Быт 3, 17).

безвкусная теософия) есть бесплодная выдумка безумца (Пс. 13. I.) Отдельные ярко проявляющиеся в жизни последствия изменения твари, дикость привычек, озлобленность зверей сглаживались перед лицом людей святых. Герасим кормил льва, преподобный Серафим кормил медведя, преподобному Науму Охридскому медведь пахал вместо вола, и таких примеров немало в житийной литературе. И сам сорокадневный Пустынник *“бе в пустыни и бе со зверями и Ангели служаху Ему”*. (Мк. 1, 13).

Естественная жизнь природы во всех своих проявлениях близка Православию и освящена Церковью, ее молитвами, ее обрядами. История Церкви знает специальные соборы, которые создавались по вопросу о неумеренном, извращенном, сектантском аскетизме, как, например, III поместный Гангрский собор 340 года, чьи постановления признаны общеобязательными для всей Церкви, на основании которого еретическое гнушение мяса, вина, брака анафематствовано Церковью.[43] Целибат в основе своей чужд и противен Православию. Будучи колыбелью аскетизма и величайшего подвижничества, Православный Восток с редкой свободой совмещает брак духовенства, и, что замечательней всего, на I Вселенском Соборе в защиту брака духовенства встал святой Пафнутий, величайший подвижник своего времени. Вся жизнь благословлена Богом, природа освящена, ожидая в своем страдании и воздыхании своего конечного прославления.

***

Ветхозаветное человечество, оставшееся верным среди многих искушений, отступничеств и падений своему Богу, Творцу и Промыслителю, с любовью в простоте сердца принимало всю землю и природу, по повелению Божию приносило Ему начатки плодов земли, возносило Ему жертву от всего, что было самого ценного и дорогого, красивого и насущного в земледельческом быту, ибо Богу это *было приятно*. От чистого сердца приносилась жертва. Господь принимал ее с любовью в воню благоухания. Золотая пшеница с плодородных, тучных полей и искрящиеся, темные, сочные грозди винограда, первенцы мужского рода от всякого скота — все неслось Богу. И из далеких аравийских пустынь, из финикийских портов, из сказочных сирийских городов неслись Богу в Его храм воскурения фимиама из душистых смол, ладана и смирны, ценнейшие плоды аравийские... И все сие с верою, любовью и страхом Божиим приносилось, и Бог принимал.

И когда царь Давид решил построить дом Богу, храм Иерусалимский, и передал святое сие и великое дело сыну своему Соломону, собрал он собрание и всем им объявил об этом и благословили все Господа, и тогда пред всем собранием он сказал:

“Благословен Ты, Господь Бог Израиля, отца нашего от века и до века. Твое, Господи, величие и могущество, и слава, и победа, и великолепие, и все, что на небе и на земле

26Твое; Твое, Господи, Царство и Ты превыше всего как владычествующий... И ныне, Боже наш, мы славословим Тебя и хвалим величественное имя Твое”. (I Пар. 29, 10 –13).

И принес Давид Господу для храма Его все, что собрал и имел: тысячи талантов серебра офирского, и золота, и меди, и железа, и драгоценных, самоцветных камней и оникса — все это от чистого сердца принес царь-псалмопевец к Престолу Господню, принес в жертву всесожжения Господу и воскликнул:

“От Тебя все, от руки Твоей полученное мы отдали Тебе”. (ст. 14).

Не напоминает ли это нам ежедневное нами слышимое:

“Твоя от Твоих Тебе приносяще”...

Наибольшее приближение Творца к твари произошло в момент воплощения, когда Слово стало плотью, Глагол Божий стал человеком, Божия Матерь собрала расстоявшееся естества, *“совокупила небесным отринувшееся естество нашего рода”*.[44] Тогда точно небо и земля соединились, точно стерлась кажущаяся нашим несовершенным очам тонкая линия горизонта. От момента рождения, встреченного землей лучшими ее дарами с богатейшего Востока и до дня погребения Его в земле, в новом гробе с ароматами — вся жизнь Его была

---

[43] Прав. 1–21 Гангрского Собора 340 года.

[44] Молитва к Пресвятой Богородице на повечерии.

беспредельной любовью к твари, в добровольно принятом облике раба.

Не мог Посланный ради спасения мира из любви к миру не любить его, не любить красот этого тварного мира, не любоваться этой природой, не наслаждаться ею. Господь Спаситель не уходил от красот этого мира. Проведя в пустыне 40 дней, искушаемый князем мира сего, Он пошел в мир, чтобы спасти его от власти князя сего. Он пошел к людям, в жизнь, в природу, к твари, пошел их любить, их спасать, их преобразовывать. С любовью Содержащий все в Своей руке смотрел на восходы и заходы солнца, *"одевающийся светом яко ризою"* смотрел на стройные хороводы светил над Иорданской пустынею, *"Повесивший землю на водах"* смотрел на зеленые масличные деревья, на виноградники, Насадивший Своею десницей виноград сей — Церковь Свою, взирал на желтеющие нивы — на все, созданное Творцом во славу Его. Он *любил* все сие, ничего не отвергал, ничего не проклинал, ничего не гнушался, как не гнушался и не отвергал рода людского, валяющегося в пучине грехов и чающего избавления и любви...

Он пошел к людям не для того, чтобы отучить их есть и пить, не для того, чтобы обречь их на постоянный пост и бесплотное житие, но чтобы накормить голодных и напоить жаждущих, благословить их радостные вечери. Он пошел к людям не для того, чтобы проклясть брак и проповедовать целибат, но для того, чтобы благословить брак и претворить на нем воду в вино — и это было Его первое чудо. Он пошел к людям, чтобы научить их любить друг друга, чтобы избавить их от греха, чтобы взять их грех на Себя, сораспять его с Собою. Избавить от греха и прославить плоть, а не проклясть ее. И в струях Иорданских Он принял на Себя грех всего человечества, принял грех Адама и понес тот грех к Своему Кресту. От Иордана Он понес его к Голгофе. На Великую Пятницу в последовании Страстей поется *"заушение прият, Иже во Иордане свободивый Адама"...*[45] Бог, разверзая небеса, явился в тварном облике; Дух в виде голубине снизошел на воды Иорданские, как сходит и теперь на освящаемую в Церкви Своей на день св. Богоявлений воду. Безгранична любовь Божия... Сын не возгнушался облика человека плотского, рабьего, Дух не возгнушался явиться миру в чистом облике белого голубя.

Бог не отвернулся ни от чего Им сотворенного и, продолжая все любить, нам заповедует то же. Так и святой Апостол Павел поучал святого Тимофея, говоря, что *"всякое создание Божие добро, и ничтоже отметно, со благодарением приемлемо, освящается бо словом Божиим и молитвою. Сия вся сказуя братии добр будеши служитель Иисуса Христа"*, (1Тим. 4, 4–6). Этими словами побивается в корне всякая еретическая попытка лжеучения и мудрствования паче же подобает мудрствовать. Все в простоте и веселии сердца приемлется все как добро, ибо вышло из рук Преблагого, Премудрого и Совершенного Творца и сотворено все идеально, без погрешки, без порчи. Не *27* материя, не тварь согрешила, а человек, его наклонность к разумничанию, рационализму; и вслед уже за человеком вся тварь изменилась, подверглась порче и греховному влиянию. Сама по себе природа не зла, мы же ее на зло себе употребляем. А св. Исповедник Максим так вещает: *"Приснобытие или небытие разумного и мысленного естества состоит в воле Создавшего вся добра зело, но быть благим или злым по произволению состоит в воле созданий сих"*[46] и далее: "зло созерцается не в естестве созданий, но в погрешительном и неразумном их движении"[47]. По словам сего святого отца[48] не может быть злом само бытие, жизнь, дарованная Богом самому существу человека, тогда как нравственные способности человека, которым Бог сообщил свойства благости и премудрости, могут и не соответствовать своему высокому назначению, но из этого не следует, что само существо человеческое, сама материя зла.

---

[45] Великий Пяток, утро, антифон 15 и 16.

[46] О любви 4 сотница, гл. 13

[47] Там же, гл. 14

[48] Добротолюбие, т. 3,стр. 233 ср. блаж. Диадоха, "Подвижническое слово", параграф 3, Добротолюбие, т. 3 стр. 12 и др.

И чтобы совершенно приблизиться людям, даже больше, чтобы их причастить Своего Божественного Тела, Господь снова обратился к чистым плодам матери-земли. В ночь, *в нюже предаяшеся, паче же Сам Себе предаяше за мирский живот* [49], Он взял от плодов золотой пшеницы и от искрящегося, душистого лозного плода и пожелал в них, в этих плодах, переложить Свое Тело и Кровь.

Он возвел очи к небу, к Творцу и Богу, чтобы принести эту жертву от твари Творцу за тварный мір.

***

Во всем богослужебном переживании Православной Церкви, в обрядах, обычаях и сознании народа (особенно у нас, русских) ощущается это освящение твари, проникновение Церкви во все моменты человеческой жизни, благословение ее.

Православный Требник исполнен разнообразных чинопоследований, заключающих в себе идею освящения отдельных моментов жизни. От рождения человека и до смерти его, от молитвы *"по внегда родити жене отроча"* и до последования елеосвящения и последнего погребального напутствия, вся жизнь, со всеми "мелочами" и заботами освящена молитвой, благословлением Церкви соприкосновения человека с природой.

На Преображение благословляется гроздие и начатки овощей, в Пасхальную ночь церковные дворы по всей Руси уставлены горящими свечечками, совершается благословение мяса, яиц, сыра и *"огустевшаго млека"*, читаются молитвы над солью, над гумном, над сеянием, освящаются рыбарские мрежи, освящается новый колодец и новый дом, освящается вода, вино, елей в случае их осквернения. На день св. Богоявлений освящается естество водное. На каждой праздничной вечерне совершается торжественное освящение хлебов в храмовом притворе. При чтении дивных молитв, пении праздничных или храмовых стихир, при каждении алтаря и икон спрашивается у Господа умножение плодородия, благословение земных плодов. Для благословения выносится хлеб, золотая пшеница, вино от чистого лозного плода и янтарный, прозрачный елей.

"Господи, Иисусе Христе, Боже наш... Сам благослови и хлебы сия, пшеницу, вино и елей и умножи сия в граде сем и во всем мире Твоем, и вкушающия от них верныя освяти"...

И Сам Господь Спаситель, призываемый в молитве, невидимо Своей десницей благословляет с высоты темной алтарной абсиды предложенные плоды, как некогда благословил хлеб среди тысяч голодных людей в пустынных местах на зеленеющей траве Галилеи. В этом воспоминании первохристианских вечерей любви, апостольских агап [50] Церковь Господним именем благословляет жизнь, ибо Господь есть *"благословляяй и освящяяй всяческая"*.

28 Центрально и велико место праздника Преображения в православной христологии. Нищенствующая и бесплодная философия протестантизма не поняла и не приняла Преображения. Изуродованная догматика папского латинства не почувствовала его глубины и смысла. Они отвергли Царствие Божие, открытое человекам в этом дивном празднике, не поняли пророческих слов псалмопевца царя: "*Фавор и Ермон о Имени Твоем возрадуетася"*, они не поняли глубины и величия Воскресения, то есть прославления, показанного в Преображении. Преображение есть праздник прославления или обожения нашей человеческой плоти, что является конечным моментом, целью нашего спасения. Отделять свое спасение от прославления невозможно. Стремясь к своему спасению и спасая себя, мы участвуем в спасении и прославлении всей жизни и всей твари. Верующие призваны для прославления Господа. Затворник Феофан так говорит об этом: *"Когда получим славу, тогда вполне откроется, что спасены и какова сила спасения. Слава со спасением неразлучны. Но здесь слава сия сокрыта внутри, как сокровище в скудельных сосудах, а там она просияет и вовне"*.[51]

---

[49] Литургия свят. Иоанна Златоустого. Молитва: С сими и мы блаженными...

[50] М. Скабалланович. Толковый Типикон, т. I, Киев, 1910 г. стр. 77.

[51] Епископ Феофан Вышинский, "Толк. на послание к Солунянам", стр. 525 и сл.

В православном переживании Преображения важен для нас не только главный центральный момент праздника, не только *“преображение Спасителем нашего смешения и отдание первейшего достояния нетления”,*[52] не только наше *“облистание”* (вследствие этого) *“Божественным изменением”,*[53] не только то, что *“Спаситель Адамово пременив очерневшее естество”*[54] тем показал нам будущее состояние наших прославленных телес после Суда и воскресения, но и тем, что на всю тварь распространил Он значение Преображения. Если до Преображения тварь страдала как проклятая ради человека, то после Преображения она сострадает и совоздыхает, как уже зачеснная свое будущее прославленное и преображенное качество, ибо в Преображении Господа на Фаворе показано нам будущее прославление, просветление новой твари.

“Просвещается тварь ясно Твоим Преображением, Христе...”

“Неприступною славою, на горе явльсь неизреченно Фаворстей, незримый и незаходимый Свет, Отчее сияние, тварь уяснив, человеки обожи”...[55]

И Церковь поет Богу на утрени, прославляя Духа Святого, *“Светом наставльшего всю тварь”*[56] и зовет землю ликовать, *“светло сиять небесною зарею”,* [57] и все Ангелы поют и *“служат страхом и трепетом и небеса боятся”...*[58]

В Преображении зачаток нового состоянию твари, совоздыхание в измененном виде и сострадание, как бы ожидая нового рождения или будущего конечного прославления. Святой Мефодий Олимпийский рассуждает о том, что вся тварь, обновившись для лучшего будущего, возрадуется о чадах Божиих, о которых в настоящее время она воздыхает, ожидая их освобождения от тления, ибо Бог создал все для вечного бытия.[59]

***

Участие в деле нашего спасения Пречистой Девы Богородительницы отмечено православным богослужебным сознанием всесторонне и подробно. Участие Ее *“таковей страшней таине послужившей”,* показано как подарок Богу от лица человечества.[60] Великим Постом в пятую субботу читается в церкви неседальная песнь [61] Патриарха Сергия, дивный златотканый узорный гимн Богородице. Замысловаты, смелы, красивы сравнения святейшего песнописателя. И в седьмом икосе, говоря о воплощении Бога Слова, указывает он на новую тварь, показанную Творцом, и, чтобы воспеть Божию Родительницу, он вплетает в свою златотканую, византийскую парчу дивный узор, весь целиком срисованный с натуры, взятый из тварной природы (ибо и она достойна того, чтобы прославить Честнейшую Херувим), и дивными шелками вышивает он по голубому, Богородичного цвета, фону узор к прославлению Пречистой, наилучшими эпитетами и сравнениями из тварного мира:

“*Радуйся, цвете нетления, радуйся, венче воздержания”...*

“Радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии, радуйся, древо благосенолиственное, имже покрываются мнози”...

Уже нет больше проклятых деревьев, уже благословлены дубравы лесные. Когда-то тварь стала проклятой через человека, с воплощением же Христовым она обновилась и совоздыхает нам, предчувствуя свое конечное прославление. На Фаворе лишь предпоказалось нам это прославление твари, которого все мы чаем, но чаем *не как хилиастическую возможность наших дней*, а как проявление действия Божия благоволения. Ибо говорит “*теплейший*” Апостол Петр: *“нынешняя небеса и земля темже*

---

[52] 5 августа, утро, на 2 кафизме, седален, гл. 4.
[53] Трипеснец, гл. 4, п. 1.
[54] 6 августа, малая вечерня, стих. на стих., гл. 2.
[55] 7 августа, вечерня, стих. на стих., гл. 6.
[56] 6 августа, утро, канон, гл. 4, песнь 8, светилен.
[57] 5 августа, утро, канон, гл. 4, песнь 9.
[58] 6 августа, вечер, на Господи, воззвах, слава и ныне, гл. 6, Анатолиево.
[59] Da resurectione 1. I, c. 47 , 6 — 8.
[60] 24 ноября, вечерня, на Господи, воззвах, гл. 2.
[61] “Неседальная песнь” — буквальный перевод греческого слова “Акафист”

словом сокровенна суть огню блюдома на День Суда", (2Петр, 3, 7) и тогда охваченные и измененные огнем небо и земля, которые по слову Спасителеву *"мимоидут"* (Мф. 24, 35), по свидетельству псалмопевца царя, *"яко риза обветшают и изменятся"* (Пс. 101, 26–27). Все, созидаемое здесь нашими усилиями, все пропадет, *"земля же и яже на ней дела сгорят"* (2Петр. 3,10). Не мы, а Сам Господь по совету воли Своей изменит, преобразит и прославит всю тварь. Мы бессильны сами по себе в прославлении и преображении твари и жизни сей.[62] Нам надлежит лишь спасаться, и мы лишь *"новаго небесе и новыя земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет"* (2 Петр. 3, 13), а *"первое бо небо и земля первая преидоша",* по словам тайнозрителя Иоанна (Откр. 21, I).

Посему Церковь со всеми верующими лишь чает и уповает с верою на это конечное прославление всего сущего на земле, зная, что ничего вечного создать своими силами, прославить и преобразить в жизни человечество не можем. Церковь лишь зовет нас ко спасению, то есть подготовить себя к изменению в той жизни в ограде Единой Православной Церкви, ибо христианство — религия личного спасения и через то прославления жизни. Церковь зовет спасать себя не гнушаясь ни твари, ни природы, ни всего, что Господь сотворил, ибо все сие добро зело, Господом возлюблено, благословлено и показано к прославлению Им, Его силой и волей.

С праздником Преображения связан и обычай благословения гроздьев и плодов, которое совершается по отпусте литургии. Средь церкви на зеленых сочных листьях лежат зрелые сочные плоды: румяные яблоки, груши, покрытые матовым налетом сливы, и затаивающие в себе искрящийся огонек виноградные гроздья, омытые летними дождями, согретые и взрощенные солнечными лучами, впитавшие в себя живительные соки матери-земли, из которой все, и в которую все возвратится. Песнь церковная на день Успения Пречистой с особой нежностью молитвенно говорит о земле как источнике жизни, говорится в тот день, когда Истинный Источник Жизни во гробе полагается.[63]

Вот и слова молитвы:

"Благослови, Господи, плод лозный, новый, иже благорастворением воздушным и каплями дождевыми и тишиною временною в сей зрелейший час приити благоволивый. Да будет в нас от того рождения (гроздия) лознаго причащающихся в веселие и приносити Тебе дар в очищение грехов, священным и святым Телом Христа Твоего"...[64]

И в другой молитве молим мы Бога, *"благоволившаго Сына Своего Единороднаго нарещи виноградом, благословить ныне сей виноград, и нас, вкушающих от него, истиннаго винограда причастники сотворить*.[65] Ибо в ночь *"в нюже предаяшеся, паче же Сам Себе предаяше",* Господь, преложив Свое Тело и Кровь в хлебе и вине виноградном, кровью *30*от плода лозного омывает наши грехи...

В России же, в северных областях, где не произрастает виноград, читается молитва над яблоками и другими плодами:

"Владыко, Господи, Боже наш, Твоя от Твоих приносити Тебе по предложению коемуждо повелевый, и вечных Твоих благ воздаяний сим даруй... Даруй и мирских Твоих благ обильное восприятие со всеми полезными"...[66]

Церковным повелением запрещено вкушение плодов ранее дня Преображения. Народное же предание и сказание восприняло это по-своему: "нельзя есть яблоки до второго Спаса, иначе там, на том свете у кого деточки умершие есть, Ангелы им золотых яблок на Преображение не дадут".

На Вербное воскресение с ветвями пушистой вербы стоим мы в церкви и мысленно

---

[62] Но при всей нашей любви и приятии земли и твари и жизни, Православию чужд "лживый эротический пафос страсти в этой земле", как и все, тяготеющее к хилиастическим ожиданиям Царства Христова на земле.

[63] 15 августа, великая вечерня, на литии, слава, гл. 5, Феофаново.

[64] Молитва на причащение гроздия в 6 день августа, Требник, гл. 26.

[65] Молитва на благословение гроздия. Минея за август, 6 день.

[66] Молитва о приносящих начатки овощей. Требник, гл. 27.

встречаем Царя Славы, во образе раба идущего на вольную смерть спасать род людской. Полна церковь вербы, всюду пушистые “барашки” особенно ярко напоминают весну... и эту вербу освящает иерей, как знамение Воскресения, и молит: *“нас, ваии и ветви древес в руках носящих, соблюсти и сохранить”*.[67]

А на Троицу народ говорит: “земля именинница”...

Веселый, праздничный, солнечный, лазурный день, вся земля Духом Святым освящается, точно языками очищается. Коленопреклоненный священник с цветами в руках призывает Святаго Духа на всех людей, на всю землю, как и на каждой литургии призывает Его на Дары Святые, Дары от земли. А земля в церковь несет свой дар, украшает ее плодами своими. Душистое сено, полевые цветы, белые, чистые, молодые, девственные березки. И потому березки, потому древеса, что больше нет уже в мире проклятых деревьев, все они освящены страданиями и смертью на Древе Крестном Самого Господа.

От райского древа причастился Адам смерти, распятый же Господь Христос даровал всем нам жизнь Крестом Своим. Церковь поет:

“Да кропит вся земля радование, да веселятся древа дубравныя, днесь обожена Всечестным Крестом”...[68]

“Да возрадуются древа дубравныя вся освятившуся естеству их, от негоже изначала насадишася Христу, Распростершуся на древе”.[69]

Древом умертвились и древом вкушаем мы приобщение вечной божественной жизни, и посему-то поет Церковь: *“Песньми да взыграют вся древа дубравныя, тезоименитое Древо Креста зряще облобызаемое днесь”*.[70]

А на Рождество, когда мы соединяемся у символического зеленого дерева елки, сербы собираются под традиционным “бадняком”.[71] На Фомино воскресенье весна благоухает и новая тварь ликует. “*Ликует*” лучше перевести, нежели “*радуется*”, хотя и это слово не выражает точного перевода с греческого. Там это буквально звучит как “плясать в хороводе, плясать пляскою”.

В Великий и Святой Четверток, когда вспоминается установление первой жертвы Евхаристии, когда над всеми совершается таинство елеосвящения, когда в Древней Руси в вольном Новгороде омывался престол, в тот день совершается на литургии великое таинство — освящение мvра. Собранное со всего света из душистых и драгоценных веществ, из лучшего янтарного елея, чистейшего и драгоценного вина, смешанного с благовониями всех стран Востока, приготовляемое при беспрерывном чтении святого Евангелия, в древней мироваренной палате Московского Кремля освящается святое миро на литургии после освящения Даров. Сила и благодать Святаго Духа сообщается драгоценному и благовонному соединению лучших и редчайших веществ, плодов земли для освящения и утверждения всех верных христиан и укрепления на царский ПОДВИГ Благочестивых Царей Всея Великия, Малыя и Белыя Руси, наследников великих и славных византийских василевсов. Дух Святой, сила его сообщается снова тварным плодам, снова соединяется Он, как некогда соединился с обликом белого голубя в переливах сияний опаловых облаков, разверзающихся над водами Иордана.

***

Но наибольшая радость земли и твари в том, что Христос Господь Свою Плоть и Кровь пожелал дать нам ради приобщения бессмертия под видом плодов матери-земли. Не каким-либо другим способом восхотел Господь причастить нас бессмертию и Своему Божественному естеству, обожив наше человеческое, как освятив, благословив и преложив (а не пресуществив), чистые плоды земные.

---

[67] Молитва на благословение ваия. Триодь Постная. Неделя ваий, утро.

[68] I августа, утро, канон, гл. 6, песнь 4.

[69] 14 сентября, утро, канон, гл. 8, песнь 9.

[70] Неделя 3 Великого Поста, утро, канон, гл. 1, песснь 9, господина Федора Студита.

[71] Ветвь дуба, в сочельник Рождества привозимая из леса в дом, вокруг коей собирается вся семья.

В самом приношении проскомидии, в самой молитве, в ходе всей Божественной Евхаристии освящается тварный плод земли и становится Плотью и Кровью Господними. И тогда приносится бесценная Бескровная Жертва Творцу, жертва твари, жертва за весь тварный мир.

“Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся”...

Природа служит Богу, тварное приносится Ему в жертву. Господь не отверг твари, не возненавидел ее. Церковью Он ее освятил и благословил в каждом обряде, в каждом празднике, в дивных молитвах и словах песнопений. И тварь вместе с человеками совоздыхая и сострадая ждет своего прославления, просветления и полного обновления.

“Днесь весна благоухает и новая тварь ликует”.

Шестоднев

Все богослужение Православной Церкви подразделяется на три круга: суточный, седмичный и годовой. К первому относятся те службы, которые совершаются ежедневно и приурочены к тому или иному времени дня или ночи. Каждая из них имеет особое историческое происхождение и по содержанию своему отвечает известным воспоминаниям и моментам нашего религиозного сознания. Так в полунощнице мы подражаем бдению Ангелов, воспоминаем восстание Христа и будущее Второе Его Пришествие. В богослужении третьего часа вспоминается сошествие Святаго Духа на апостолов, в шестой час — Распятие, в девятый — смерть Спасителя и так далее.

В годичный круг входят службы и молитвословия, которые меняются каждый день в зависимости от дня, месяца или недели поста или пятидесятницы и так далее.

К седмичному кругу принадлежат молитвенные воспоминания и службы, меняющиеся в зависимости от дня недели. Так в каждый понедельник Церковь прославляет Бесплотные Силы Небесные. В каждый вторник — святого Иоанна Предтечу. По средам и пятницам Церковь переживает память печальных событий предания и Распятия Христа, тесно связанных с Крестом и личностью Богоматери. По четвергам всего года мы мысленно и молитвенно соединяемся с апостолами и чудотворцем Николаем, как первоиерархом, “священноначальником”, представителем всего святительского сонма. На протяжении всего года в субботы мы особо молимся мученикам и всем святым и совершаем нарочитую память всех усопших, выделяя, впрочем, в году некоторые субботы для особливого поминовения всех усопших, так называемые “родительские”.

Службы этого круга находятся преимущественно в богослужебной книге “Октоих” и содержат в себе драгоценный материал и глубокое развитие вложенных в них

догматических мыслей и истин, помогающих в значительной мере уяснить православное понимание ряда вопросов, связанных с Богоматерью, Крестом, Ангелами, Церковью, смертью, страданиями. Но для большей полноты и разносторонности их освещения интересно богослужебный материал Октоиха сопоставить с соответствующими местами из других богослужебных книг, Триоди и Минеи. Не только богослужебный материал раскрывает и разрабатывает интересующие нас вопросы: они весьма полно и глубоко продуманы и в иконописном искусстве, дающем строго православное понимание и освещение в своих изумительных памятниках древних икон и фресок. Известны дивные “Шестодневы” — иконы, содержащие в себе толкование каждого дня недели в красках и линиях согласно разумению древнего философа-иконографа, воспринимавшего всю жизнь, все бытие и весь мир в особом, несколько застывшем, немного изогнутом, неземном по настроению и божественном по вдохновению, преломлении и понимании. Иконы Шестоднева и книга Октоих в толковании ряда богословских вопросов взаимно дополняют друг друга.

Вот и мы в настоящем ряде статей и хотим дать раскрытие некоторых сторон в богослужении каждого дня недели, помочь верующему немного разобраться в том, *что* читается и поется в каждый день. Так, в понедельник мы останавливаемся на богослужебном

понимании догмата Бесплотных Сил, во вторник — личности Иоанна Предтечи, в среду — значения Креста, в четверг — апостолов, в пятницу — Божией Матери у Креста, Ее страданий и переживаний, в субботу — на объяснении заупокойной службы. Как и указывалось выше, в предисловии к настоящему сборнику, мы совершенно не претендуем на исчерпывающе полное толкование, на какую-либо систематичность или дословное объяснение всех молитв и служб. Наша задача — только раскрыть наиболее примечательное и значительное в богослужении будничных дней седмицы.

Воинства Небесныя (Понедельник)

Богата и разнообразна прекрасными молитвенными воспоминаниями богослужебная жизнь Православной Церкви. Глубина религиозного сознания сочеталась в наших молитвах и песнопениях с совершенством художественного исполнения. При их чтении перед нашим мысленным взором проходят воспоминания всех событий земной жизни Спасителя, всех важнейших моментов домостроительства нашего спасения, память всех святых, Богу угодивших житием, любовью, верою, всех важнейших событий жизни церковной: явления икон Божией Матери, обретения и перенесения мощей угодников, чудеса и все прочие проявления Божия милосердия и благопопечения о нас.

Дивно в нашем Уставе соединилось гармоническое единство суточного, недельного и годичного богослужебных кругов. И в этом богослужебном распределении так ощутительна память Святых Бесплотных Небесных, коим уделено специальное место, первое по порядку и счету, служба первого седмичного дня — понедельника. Вступление в трудовую жизнь каждой седмицы ознаменовано поклонением и молитвенным почитанием Святых Бесплотных небожителей.

Богатый иконописный материал сохранила Церковь в ризнице своих духовных сокровищ. Темные доски старых икон, покрытые вековым слоем копоти и пыли, намоленные слезными возношениями сотен верующих, пропитанные сердечными воздыханиями, содержат в себе откровение другой Жизни, представляя собой прорывы в вечное бытие надземного мира, подобно тому, как прорывается солнечный луч сквозь густую и темную толщу напитанных дождем и грозой облаков. И самый богослужебный материал содержит в себе многочисленные молитвенные сокровища, посвященные Святым Силам. Каждый понедельник в кругу седмичном посвящен памяти их, два дня в году (8 ноября и 26 марта) празднуются нами Соборы их. Церковь призывает и почитает святого Ангела-Хранителя души христианской, воспевая ему каноны, службы и акафисты. Но полней всего, торжественней всего и таинственней всего в Церкви чтятся и вспоминаются святые Бесплотные Силы в самой страшной и таинственной службе христианской: в Святой великой Евхаристической Жертве. Здесь святые Силы Небесные почитаются не только поэтическими и святыми песнопениями и молитвенными возгласами, здесь мы сами, священник и все верующие, должны уподобиться и уподобляемся Бесплотным духам и сопредстоя с ними. Идея этого сопредстояния наиболее полно, согласно с древним преданием апостольским, сохранилась в литургиях святой Православной Церкви.

Характерно для нашего Евхаристического богослужения уподобление человечества Бесплотным Силам и длительная аскетическая подготовка к самому моменту Евхаристии путем отрешения и постепенного отложения ума своего и чувств своих от всего земного и тленного. Не говоря уже о Серафимской песни Господу Саваофу (“Свят, Свят, Свят”), сохранившейся во всех древних литургиях (Апостольской, святого Апостола Иакова, святого Апостола Марка и др.) необходимо указать, что в подготовительной части (литургия оглашенных) испрашивается в молитвах уподобление нас Ангельским Силам. Наиболее ясно и законченно это выявляется в антиохийских литургиях и особенно в наших современных, православных.

Так, например, в начале греческой литургии святого Апостола Иакова возносится молитва Богу об уподоблении верных Серафимам и об освящении тела и души и обращении

помыслов к благочестию. Еще ясней это выражено в сирийской редакции той же литургии[72] "...*ибо Он* (Господь) *сделал нас равными им* (Бесплотным духовным Силам)"... и далее "...*мы стоим на месте страшнем и предстоим с Херувимами и Серафимами, мы сделались братьями и общниками стражей* (Небесных) *и Ангелов и вместе с ними совершаем служение огненное и духовное. Никто да не останется в узах греховных"...*[73]

В сирийской редакции литургии святителя Василия Великого, перед Серафимской песнью, в самом начале евхаристического канона в молитве над завесой[74] поминается слава Ангелов окрест Престола Божия, и мы, жители земли, призываемся почитать Бога *служением*. В 483 году при Патриархе Прокле вводится в богослужение Трисвятая песнь, составляющая центральный момент литургии оглашенных. В конце VI века вводится Херувимская песнь как подготовление к самому канону, и в литургиях православных (Царьградско-Антиохийского типа), и в Александрийских (святого Апостола Марка) она сопровождается соответствующими по содержанию молитвами. Даже в наиболее поздней по своему конечному оформлению римско-католической мессе славословие в начале литургии (Gloria en exceisis Deo) как бы сохраняет тот же смысл и значение. Но полнее всего и яснее все это сохранилось в современных православных литургиях и подготовлении к ним и вылилось в гармоничную и прекрасную цепь молитвенных воспоминаний и смиренно-сокрушенного уподобления себя святым Бесплотным Воинствам.

В аскетической настроенности православного богослужения, составляющей неотъемлемую часть всего аскетического мировоззрения нашего, это стремление к отрешенности от земного и плотяного выражается в длительной подготовке к литургии обязательным участием во всех семи суточных службах и воздержании. В конце утрени, по 9 песни канона слышен возглас священника: *"Яко тя хвалят вся Силы Небесныя"...*[75] и по хвалитных стихирах великое славословие Ангельских Ликов уносит мысль далеко, к Престолу Триединаго Величия Божией Славы и по теперешнему греческому обычаю именно здесь совершается переход к самой литургии. Последование литургии прекрасно и премудро подготавливает нас к страшному моменту Безкровного Жертвоприношения. После совершения проскомидии по греческому богослужебному уставу на третьей "девятичной" просфоре поминаются святые Бесплотные Силы. Через еще закрытые в Царство Отца и Сына и Святаго Духа царские врата мы воссылаем молитвы о ниспослании нам свышняго мира. На малом входе, когда во образе святого Евангелия проображается шествие Самого Господа на общественное служение, мы молим Бога... *"сотворить со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужащих нам и славословящих Его благость"*.

Прекрасен в восточном, православном богослужении момент Трисвятого. Восток *34*выносил в своем уме и сердце всю непостижимость и захватывающую трепетную глубину догмата Святой Троицы и воплотил его в литургическом понимании своем с особой красотой и осмысленностью. Седмикратное восклицание трисвятой песни (4 раза с клироса и 3 раза в алтаре), торжественность службы в этот момент (особенно архиерейской) и молитвенное напряжение духовных сил уносят нас далеко над земной юдолью печали и греха. В молитве Трисвятого пения мы снова молим Господа отрешить нас от уз тела, греха и плотяности. Торжественное восхождение архиерея, окруженного сонмом священников, на свой трон сопровождается благословением с горнего престола всех служащих — трикирием — символом Святой, Животворящей и Нераздельной Троицы. И пред Евангелием молится служащий: *"вложить в нас страх блаженных заповедей и попрать плотския похоти для прохождения духовнаго жительства"*.

И вот настает момент Херувимской песни... Священник молится *"Архиерею и Жертве"*, Тому, Кто есть *"Приносяй и Приносимый, Приемляй и Раздаваемый"...* молится о

---

[72] Собрание древних литургий Востока и Запада. СПб. 1875, выпуск 2, стр. 22.
[73] Там же, стр. 26.
[74] Там же, стр. 88.
[75] Сравни 11 молитву на утрени: Боже, Боже наш, умныя и словесныя...

сподоблении нас предстать страшному таинству, ибо *“никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити или приближатися или служити Тебе”...* Весь алтарь и храм наполняется голубыми клубами благовонного кадильного дыма, тает в них непередаваемо нежный и величественный, стройный и неземной по красоте “*софрониевский*” или “*старо-симоновский*” напев Херувимской: *“Иже Херувими тайно образующе и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение*[76]*”*. Тает альт в сизом тумане ароматного дыма под голубым куполом, там, где витают шестокрилатии Серафимы, замирает дискант, и виден сквозь раскрытые царские врата священник, повторяющий с воздетыми руками эти божественные слова: *“Иже Херувими, тайно образующе”...* Алтарь, полный дыма, звуков и благоухания, наполняется присутствием святых Бесплотных Сил Божиих. Херувимов, Серафимов, Ангелов, сослужащих иерею и нам, соприсутствующим уподобляющимся им.

Приносится Жертва Тайная. Сам Господь Спаситель является снова и снова среди нас и там, горе, на Престоле Славы Отчей, певаемый и служимый от них ОН; и здесь, на престоле церковном, окружается невидимым предстоянием Ангельских Сил. Священнослужителями переносятся Дары, сопровождаемые вещественным изображением Серафимов на рипидах и невещественным присутствием их самих, небесных служителей святаго и мысленнаго жертвенника Господней Славы.

И снова в евхаристическом каноне вспоминаются в молитвах бестелесные Духи, окружающие Престол Славы и приносящие Богу свою словесную и умную службу и в то же время невидимо присутствующие тут же в алтаре, сослужащие иерею и сославословящие с ним величие Божией благости. Святый отец Церкви, преподобный Исидор Пелусиот говорит о том, что если иерей недостойно совершает литургию, таинство все же совершается, но уже не руками священника, а святыми Ангелами, невидимо ему сослужащими. В страшных и таинственных молитвах этого момента иерей непосредственно умно общается с этими Силами Божиими. В дивных словах, оставшихся лишь как сокращение и малая доля древних прекрасных молитв, вспоминается все величие и совершенство Божие.

...“И кто доволен возглаголати силы Твоя, или поведати вся чудеса Твоя во всякое время, Владыко всех, Господи небесе и земли, и вся твари видимыя же и невидимыя, седяй на Престоле славы и презираяй бездны”...

...“Тебе бо хвалят Ангелы, Архангелы, Престолы, Господствия, Начала, Власти, Силы, и многоочитые Херувимы. Тебе предстоят окрест Серафимы, шесть крил единому: и двема убо покрывают лица своя, двема же ноги, и двема летающе, взывают един ко другому, непрестанными усты, немолчными славословеньми, победную песнь вопиюще, взывающе и глаголюще...”[77] И хор земной человеческий отвечает словами неземной ангельской песни: “*Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф”...* Алтарь полон невидимых Ангелов, крылами своими реющими над Дарами, и от престола церковного до Престола Господа Сил, через отверстые небеса Ангелы Божии восходят и нисходят и участвуют в вечной Жертве Любви, предуказанной еще в Предвечном Совете Божией Премудрости и имеющей совершаться всегда, ныне и присно и во веки веков.

И *“с сими и мы блаженными силами... вопием и глаголем: свят еси яко воистину и пресвят”,* и, воспомянув величие и славу Божию, молитвенно переживаем всю тайну Искупления нашего, внимая Христовым словам о том, что на престоле сем предлежит Жертва Тела и Крови Его, за оставление грехов всех верных православных христиан. И, горе имея сердца, умно причащаемся Божественному величию и *“смотрению искупления, совершенному Кровью Креста Христова”* (св. Герман Царьградский, *“Тайнозрение вещей церковных”*) приносим Творцу жертву твари за тварь. Не только вспоминая память Бесплотных Духов, но и сами уподобляясь им мысленно и входя в непосредственное молитвенное общение и сослужение с ними, в литургии умно приобщаемся огненному, безгрешному и нетленному их существу. Но,

---

[76] Буквально — “печаль”.

[77] Литургия святителя Василия Великого. Молитва “Сый Владыко”.

кроме того, в своих песнопениях и иконах Церковь многократно вспоминает ангельский мир и раскрывает нам о них многое, лишь слегка предуказанное, но не до конца открытое в священных словах Писания.

***

“Творяй Ангелы Своя и слуги Своя пламень огненный”... (Пс. 103. 4).

Многократно на всем протяжении истории человечества посылал Бог Своих вестников людям для объявления Своей воли, для исполнения различных служб, как знак Своей милости и всегдашнего, неусыпного промышления о роде людском. “*Творяй Ангелы Твоя, якоже писася духи, и служащия Тебе пламень огненный, посреде первенствующа показал еси, Господи, Твоих Архангельских Михаила Архистратига, Твоим мановением повинующася, Слове...*[78]

Многие великие и святые, угодные Богу люди удостаивались видеть безтелесных посланцев Божиих, а некоторым в тайнозрении открывались великие и страшные тайны служения Бесплотных духов Престолу Господней славы. В службах Ангельским воинствам вспоминает Церковь все главнейшие случаи Божьего благоволения и молитвенно славословит духов бестелесных. Пред нашим умным взором вся история этого благопопечения о нас в утреннем каноне службы 8 ноября. Так, вспоминаются “*страннолюбивые Авраам боговидец и Лот славный... обретшие общение с Ангелом* [79] (Быт. 18 и 19).

Когда Иисус Навин подошел с избранным народом к Иерихону и после чуда с остановившейся водой Иордана стоял у самых городских стен (Нав. 5,13–16) *“явися силы Господней Архистратиг... Михаил великий Бесплотных начальник сый* [80]. Это краткое замечание канона вспоминается подробнее на вечерне, накануне, в чтении первой паримии на день Михаила Архангела. Когда *“Маною доблественному”*[81] сказалось о рождении сына Сампсона, снова явился Ангел как свидетель от Бога данного откровения (Суд. 13), и также *“премудрому Товиту”* посылает Господь Ангела своего Рафаила. И новое чудо являет Господь, вспоминаемое всегда на седьмой песни всякого канона, когда мы чтим память трех отроков: *“Росодательную убо пещь содела Ангел преподобным отроком”...* (Дан. 3, 49). Вторая паримия в тот же Михайлов день возвещает явление Ангела Гедеону пред битвой с Мадианитянами. Таинственно попаляет Ангел огнем жертву Гедеонову, и воскликнул тот: *“Увы мне, Господи, яко видех Ангела Господня лицем к лицу”* (Суд. 6, 6). И наконец в третьей паримии чтется Исаино пророчение о спадении с неба денницы и о победе над адом. (Ис. 19). Великому Даниилу, *“мужу желаний”,* является снова Архангел Гавриил, посланник Вышних Сил и *“изложив явление недоведомое духом”,*[82] раскрывает ему дивную тайну седмидесяти

седмин, по истечении коих надлежало прекратиться ветхозаветной жертве и прийти

*36*избавлению от Мессии. (Дан. 9, 21–27). И паки посылает Господь Своего посланца Гавриила — начальника Безплотных Сил, *“нося чада благовещения”*[83] благовещать Захарии радость рождения *“пустыннолюбной горлицы”* и затем Пречистой Деве Самого Агнца Божия.

И рождается в Вифлеемской пещере Спаситель мира, и Ангели поют Ему славу и возвещают мир, как у страшного Престола Славы Господней воспевают немолчными устами Трисвятую песнь. Некогда “*сорокадневный Пустынник”* искушаем был падшим ангелом, когда-то прекраснейшим из всех созданий Господних — Денницей... *“И остави Его диавол, и се Ангели приступиша и служаша Ему”* (Мф. 4, 11). И снова сострадая нам *“во днех плоти Своея моления же и молитвы к Могущему спасти Его от смерти принес”* (Евр. 5, 7) *“и явися Ему Ангел с небесе, укрепляя Его, и быв в подвизе, прилежне моляшеся; бысть же пот*

---

[78] 8 октября, великая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 4.
[79] 8 ноября, утреня, канон Иоанна монаха, гл 8, песнь 7.
[80] То же ,песнь 7.
[81] То же песнь 7.
[82] 26 марта, утреня, канон Иосифов, гл. 4, песнь 4.
[83] 8 ноября, утреня, канон, песнь 4.

Его яко капли крове, падающия на землю”. (Лк. 22, 43–44).

В Новом Завете совершилась “*велия благочестия тайна”*, когда “*Бог во плоти явися “,* но в Ветхом Завете немногим дано было лицезреть славу Божию — окружающим Престол Господень воинствам светлых Духов. *“Ангельские чины в различном зраце увидев Иезекииль, предсказуя проповедаше: в нихже шестокрыльнии Серафимы предстояху и Херувими многоочитии окружаху, с ними же Архангели пресветлые зряще Христа славословяще во вся веки”*[84] (Иез. 1; 9, 3; 10, 1–20; 11, 18–25). И другой великий тайновидец, *“ветхозаветный Евангелист”* Исаия, приоткрывая нам величие славы Господней, повествует о шестокрылых Серафимах (Ис. 6, 1–7), непрестанно славословящих Господа Саваофа. И на каждой литургии слышится по всей земле, во всех православных храмах, как бы отображая и слабым эхом повторяя величественное славословие тех, что предстоят окрест Престола Славы, *“шестокрилатии, многоочитии, возвышающиеся, пернатии, победную песнь поюще, вопиюще, взывающи и глаголюще: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф”...*

***

Велико и необъяснимо, премудро и дивно смотрение Божие о нас, малых, грешных, недостойных, об этом мире тленном и о земле страждущей. *“В начале сотвори Бог небо и землю”,* повествует *“медленноязычный и гугнивый Моисей”.* В самом начале творения, в момент создания материи, из коей надлежало произойти видимому миру, создал Бог Небо, то есть мир невидимый, жилище Горних Сил. Создает, сотворяя из ничего Ангелов и материю, призывая из небытия в бытие. И с того времени Господь, благоволивший по безмерной Своей любви сделать сопричастными Триединого Своего блаженства и других, привлечь к любви Своей и излить ее и на тварь, окружается славой Ангелов Своих, предстоящих Ему умных воинств.

В службе 8 ноября многое раскрывается и объясняется. Церковь щедро предлагает верующим то, что она хранит в своем догматическом сознании. Только трудно отрешиться нам от всего земного и тленного, чтобы приблизиться к пониманию этих дивных тайн.

Очистив ум и чувства своя, постараемся мысленно представить себе великую и несказанную красоту и страшную тайну Божией Славы, Престол Того, Кого мы назвать не можем, Того, Кому имени нету, ибо все имена наши ничего не выражают, Того, Кто источник всякой жизни, всякого бытия. Он Сам назвал Себя в разговоре с Моисеем Боговидцем — Аз есмь СЫЙ, (jahwe) — **οων**,□□ три греческие буквы, начертаемые на крестчатом нимбе православных икон Господа Вседержителя.

“Невещественный Престол окружающе, умныя существа, божественнии, безтленнии, трисвятую песнь Правителю Богу[85] *пламенными устами поете: Святый Боже, Отче Безначальне, Святый Крепкий, Сыне Собезначальне, Святый Безсмертне, Единосущне Душе, Отцу и Сыну спрославляемый”.*[86] *“Михаил же Архистратиг вышних сил победную песнь непрестанно приносит славе Твоей”.*[87] *“Трисолнечного Божества предстатель светлейший, Михаиле являяся Архистратиже, с горними силами зовеши, радуяся: свят еси Отче, свят еси Собезначальное Слово, свят еси и Святый Душе, едина слава, едино царство и естество, едино Божество и сила”.*[88]

Вот что повествует нам хранитель древнего благочестия, Четьи-Минеи — неизменный спутник нашего уставного, монастырского богослужения о том, как и когда во времени началось это славословие Триединого Бога:

“Во время пагубнаго сатанина в гордость возношения... воззва (Михаил): “вонмем, встанем добре пред Сотворшим ны, и не помышляем противная Богу... вонмем, как спаде с

---

[84] 8 ноября, ин канон на утрени, песнь 8.

[85] Образное выражение песнописателя, Бог уподобляется Правителю, Председателю совета пританов в древних Афинах, т.е. очередной филе или отделению совета Ареопага.

[86] 8 ноября, великая вечерня, на литии, гл. 2, Арсениево (Еп. Корфский, автор канона на елеосвящение).

[87] Тогда же, слава, гл. 4.

[88] Тогда же, на Господи, воззвах, гл. 4.

небесе Денница, восходящая заутра и сокрушися на земли. Тако бо Ангельскому собору глаголя, нача, яко на первом месте, стоя, с Серафимы и Херувимы, и со всеми небесными чинами славити Пресвятую, Единосущную и Неразделимую Троицу Единаго Бога, торжественную песнь поюще: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея".[89] С момента, следовательно, отпадения в гордость Денницы, верный Господу Архистратиг Михаил возгласил ныне уже никогда не перестающую песнь в честь и славу Триединого Бога.

Как огонь и свет, видится слава Господня, и предстоят Ему тьмы тем, и служат Ему тысящи тысящ (Дан. 7, 10; Откр. 5, 2) и как небо украшено звездами, так и вся вселенная просвещена Ангелами.

"Уму великому же и первому, невещественне, Архангеле, соединяяся, усты огненными твоими поеши песнопение страшное, еже поют вси ангельстии лицы".[90] Близкое и непосредственное предстояние Свету Вечному и Невечернему придает и особый характер самому существу Бесплотных Сил. Они *бесплотны* по сравнению с нами, но *вещественны* по сравнению с Богом. Существо их эфирно и огнеобразно, как о том повествуют святые отцы наши, тайнозрители, толкователи Писания и боговдохновенные богословы св. Григорий Богослов, св. Иоанн Дамаскин и другие. Соответственно этому и темные духи злобы поднебесной, адово исчадие, демоны не имеют плоти. О них повествует святой отец, преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский:... *"Демоны, не имея тел дебелых, лишь помыслами, кознями, и обольщениями и себе и нам уготовляют муку; но если бы эти непотребнейшие не были лишены дебелого тела, то грешили непрестанно и делами, всегда содержа в себе злое произволение, готовое нечествовать"* (О трезвении и молитве, гл. 173) и далее: "*ассирианин*, то есть враг, *будучи сам умной силой, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным"* (там же, гл. 180).[91] А вот что слышим мы с церковного клироса об ангельской природе:

"Бесплотнии Ангели, Божию Престолу предстояще и отонудными светлостьми облистаеми, и светолитии вечно сияюще, и свети бывающе втории, Христу молитеся, даровати душам нашим мир и велию милость".[92]

"Ум предвечный, свет состави вторый, Гавриле, Тебе просвещающаго всю вселенную"...[93]

"Ангелов первейший, и Троицы свет вторый явился еси нам, Михаиле, начальник"...[94]

"Ума причастием перваго, просвещаем, вторый виден был еси свет"...[95]

В объяснение этого святой Назианзин Богослов говорит нам об Ангелах как об *"отблесках Совершенного Света"*[96] или *"вторичных светах"*.[97] Так и Октоих устами

*38*догматиста св. Иоанна Дамаскина возглашает:

"Первии невещественных лицы преподавают божественныя светлости,"[98] а Начертанный Феофан именует Безплотные Силы *"зерцалами световидными"*[99], как бы показуя, что они, принимая в себя непосредственный свет от Самого Света-Бога, отражают его нам, как зеркала, и *"подают нам божественныя светлости"*[100], просвещают тайно

---

[89] Четьи-Минея, на день 8 ноября.

[90] 26 март, утреня, ин канон, гл. 4, песнь 8, Иосифово.

[91] Добротолюбие, том 2, стр.

[92] 8 ноября, малая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 1 (то же в Октоихе, понед., слава, гл.1).

[93] 8 ноября, великая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 4.

[94] Тогда же, утреня, ин канон, гл. 8, песнь 3.

[95] 26 март, утреня, канон, гл. 6. песнь 3.

[96] (Migne. Patr. Graec. t. 35. col. 737). То же у св. Иоанна Дамаскина. De fide orthodoxa, lid.2 cap. 3. M. P. G. t. 94 col. 868, 869.

[97] Migne. Patr. Graec. t. 36., col. 320.

[98] Октоих, гл. 2, понедельник, вечерня, на Господи, воззвах.

[99] Там же, гл. 2, понедельник, утреня, канон, песнь 5.

[100] Там же, гл. 3, понедельник, вечерня, на Господи, воззвах.

чистым приближением и богоначальным Твоим осиянием[101]. Богослужебные книги многократно называют Ангелов вторыми светами:

“Просвещаем причастием, Архистратиже, перваго света тайно, вторый свет воистину виден был еси... [102]

“Ум предвечный, свет состави вторый, Гавриле, тебе причастием божественным просвещающаго всю вселенную... [103]

“Свету богодетельному Серафимы непосредственно приближающеся многогубо им насыщаеми, перводатными яве сияньми перводельно светятся и яко светии втории бывают Божеством обожаеми... [104]

Можно найти указания и во многих других песнопениях.[105]

Но несмотря на постоянное и непосредственное предстояние Божию Престолу, Ангелы все же не видят Самого Бога и не познают Его совершенно, ибо *“Бога никтоже виде нигдеже, Единородный Сын, сый в лоне Отчии, Той исповеда”* (Ин. 1, 18). Ангелам же дано лишь умное лицезрение Бога, или видеть Его в том, чем благоугодно Ему проявлять Свое невидимое присутствие,[106] что и выразил Господь в словах: *“Ангели... выну видят лице Отца Моего Небеснаго”* (Мф. 18, 10). Бога же никто в Его сущности никогда не мог увидать. Святый Максим Исповедник поясняет это так: *“Божество и Божественное в некотором отношении познаваемо, а в некотором непознаваемо. Познаваемо созерцаниями* ***о том, что есть окрест Его****; непознаваемо в том, что Он есть Сам в Себе”*.[107] Посему-то Апостол языков, божественный Павел, повествуя своему любимому ученику Тимофею о великой тайне благочестия — воплощении, говорит о Господе Иисусе Христе — *“показася Ангелом”* (1Тим. 3, 16), ибо до сего они Бога не видали и лишь воплощением Слова Божия увидали они Самого Бога и то во образе раба и служили Ему в пустыни и в Гефсиманском саду.

И много есть других *“от века утаенных и Ангелам несведомых таинств”* Божьего великого и премудрого смотрения, но, тем не менее, Ангелы являются свидетелями величайшего события из всех когда-либо бывших и имеющих быть — воплощения Божия Слова. И, о, преславного чудесе, вестник Божий, предивный Гавриил посылается к Деве Чистей и является свидетелем дивного, безмужного зачатия Слова от Девы. Зачатия и воплощения Бога-Сына, Которого Отца он никогда не видал, предстоя вместе со всеми остальными ангельскими воинствами Престолу Неразделимой Троицы — Отца, Сына, и Святаго Духа.

“*Послан бысть с небесе Гавриил Архангел благовестити Деве зачатие и, пришед в Назарет, помышляше в себе, чудеси удивляяся. О, како, в высших непостижим сый,*
от Девы раждается, имеяй престол небо и подножие землю, во утробу вмещается 39
Девичу. На Негоже шестокрилатии и многоочитии зрети не могут, словом единым от сия воплотитися благоизволи. Божие есть Слово настоящее, что убо стою и неглаголю Деве: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, радуйся, Чистая Дево; Радуйся, Невесто Неневестная, радуйся, Мати Живота, благословен плод чрева Твоего”. [108] Так служит Архангел Гавриил в воплощении Слова.

“Радуйся, Гавриле, тайновидче Божия воплощения,”[109] поет Церковь собеседнику

---

[101] Там же, гл. 3, понедельник, утреня, канон, п.4.

[102] 26 марта, утреня, канон, гл. 6, песнь 7.

[103] Тогда же, на хвалитех, гл.4.

[104] Октоих, гл. 1, понедельник, утреня, канон, песнь 3.

[105] Там же, гл. 1, канон, песнь 4; гл. 3, канон, песнь 9, гл. 7, вечерня, на Господи, воззвах.

[106] Епископ Феофан (Затворник). Толкование пастырских посланий св. Апостола Павла. М. 1882, стр. 285. О том же у свят. Иоанна Златоуста. Против аномеев, 3 и 4. Изд. СПб. Духовной Академии, т. 1, стр. 503–523.

[107] Добротолюбие, том 3, стр. 232. О любви, сотница 4, гл. 7

[108] 25 марта, вечер, на Господи, воззвах, слава и ныне, гл. 6, самогласен.

[109] 8 марта, утро, канон, гл. 8, песнь 1,Иоанна монаха.

Богоматери и Захарии, *“Гавриилу, таиннику благодати и Девы обручителю честному”.*[110]

“Великое таинство, первое Ангелом неведомое и прежде века соблюдаемое, единому уверися тебе” (Гавриилу).[111] И на следующий день по Благовещении Церковь возносит хваление и мольбы Гавриилу Архангелу, празднуя его Собор и отличает особенными литургическими тонкостями наш устав в этот день. На вечерни на “Господи, воззвах” поется 11 стихир, то есть больше, чем когда-либо,[112] даже больше, чем в воскресенье, и присоединяется к 11 стихире стих: *“Творяй Ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный”,* ибо духа Своего служебного Гавриила посылает вестником и слугой к Деве Чистой, благовещать велию радость и тайну.

***

Безчисленно воинство Небеснаго Царя, величественней во много-много крат любой земной рати, тьмы тем их и тысящи тысящ. Как небо украшено звездами в ясную июньскую ночь, когда коростель поет среди колосьев, сверкают зарницы и пахнет цветущей рожью и пылью, так подобно мириадам звезд и Царство Славы украшено предстоящими Богу воинствами небесными, оставшимися послушными Господу духами.

Сияет неизреченным блеском и светом Престол Царя Славы, и предстоят Престолу Мария Дева и Иоанн Предтеча, — се дивный *“Деисус”*, — возносящие молитвы за весь мир и предстательствуют честные небесные Силы Бесплотные за человеческий род. Кто изочтет их? Кто опишет их? Никто! Разве может кто из мудрейших звездочетов переписать и сосчитать все звезды на ризе Господа Царя? Разве может кто из ученейших богословов исчести воинство Небесного Владыки?

В дивной гармонии, порядке и стройности предстоят Богу Небесные Силы. Божественный Дионисий Ареопагит тайнозритель, повествует нам о девяти чинах ангельских, и все они, упомянутые в Священном Писании, имеют свое назначение и цель, не до конца, впрочем, откровенные нам:

1 ряд: **Серафимы** (Ис. 6, 2), **Херувимы** (Иез. 9, 3), **Престолы** (Кол. I, 16).

2 ряд: **Господствия** (Кол. I, 16), **Силы** (Еф. I, 21), **Власти** (Еф. I, 21).

3 ряд: **Начала** (Кол. I, 16), **Архангелы** (1 Сол. 4, 16), **Ангелы** (I Петр 3, 22).

И богослужебные книги, разделяя небесную иерархию, воздают каждому чину по его значению и славе так:

“Престоли, первое исполняюще удобрение (т.е. построение войска, первые в рядах войска небесного) *и “Херувимы и Серафимы Божественными зарями несредственно светятся, Богодетельная священноначалия приемлюще поют: Слава силе Твоей, Господи”.*[113]

“Любовию божественною распаляема Господствия, Власти и Силы, чинови 40втории, немолчными усты Богоначальное песнословят Едино Существо и Силу.”[114]

“Управляются Архангельстии Чинове Духом и Ангелов и Началов со безчисленными воинствы: Едино Триипостасное Просветительное Существо почитати, светло учими суть”.[115]

Непосредственно все они предстоят Престолу Божию, исполняя великое служение любви, и все же каждый чин соблюдает свое служение. Так,

*“**Серафимы** — пылают божественныя любве пламенем и иных к любви Божией разжизают”.*

*“Через **Херувимов** и иным изливается премудрость, и поддается разумных очес просвещение к Боговедению и Бога познанию”.*

---

[110] Тогда же, ин канон, песнь 8.

[111] 26 марта, вечерня, на Господи, воззвах, гл1.

[112] Впрочем, на вечерни среды 5 недели Великого Поста поется на Господи, воззвах 30 стихир (6 обычных и 24 на канон св. Андрея Критского, по алфавиту).

[113] Октоих, гл. 1, понедельник, утро, канон, песнь 4.

[114] Там же, песнь 5.

[115] Там же, песнь 5.

*“**Престоли** и Богоноснии имеют Бога в самих себе несказанно и недоведомо”.*

***“Господствия** — так именуются, потому что, иже под ними Ангелом господствуют, сами свободне суще... учат же обладати чувствы, смиряти безчинныя в себе вожделения и страсти, плоть порабощати духу, господствовати над волею своею”.*

*“**Силы** — помогают человеком труждающимся и обремененным, укрепляют всякого человека в терпении, да не изнемогает в скорбех”.*

*“**Власти —** имут область на диавола, еже укрощати бесовскую власть, борющимся же со страсти и похотьми помогают в день брани их”.*

*“**Началам** — вручена есть вселенная, управление и хранение всех царств и княжеств, земель же и всех народов, племен и языков”.*

*“**Архангелов** — же служение есть пророчеств откровение”.*

*“**Ангелы** — же от всех чинов нижайшии суть и человеком ближайшии... тии меньшая таинство Божия и Его хотения возвещают человеком, добродетельно и право по Бозе жити наставляют.”*[116]

Во всех своих службах Ангелам Церковь останавливается более или менее подробно на этой гармоничной стройности и строгой распределенности небесной иерархии.

Ангельский собор славословит пришествие Слова на землю (Лк. 11, 14) Ангелы возвестили Его Воскресение и победу над смертью (Мф. 6, 28). При вознесении Христа на Небо ко Отцу Ангелы объявили ученикам Его о будущем Его Втором Пришествии во славе (Деян. 1, 10–11), когда они явятся на землю и архангельской трубой возвестят Его грядущую славу и Суд. От вечности предназначены они служить Ему, Ангелу Великого Совета. На иконе таинственно прообразуется Собор Ангельских Бесплотных Сил и посреде их, в круге, Предвечный Младенец, Ангел Великого Совета, десницей благословляющий и в шуйце держащий Евангелие, Слово Божие, Божию Премудрость.

Устами Начертанного Феофана Церковь говорит: *“Престолу предстояще светло Владычнему всесвятии Ангели, Отцу Собезначальна и Того Великого Совета Ангела, слово ми вдохнути вас поющу молитеся”.*[117]

“Совета Великаго Ангела Отца благоволением и Святаго Духа наитием во утробе Твоей имела еси, Богородице”.[118]

“Вся Премудростию сотворил еси Господи”... “И виде Господь яко вся добра зело”... Все прекрасно и совершенно сотворено Господом Богом; и видимый и невидимый мир, вся тварь. И все Ангелы сотворены Им по премудрому и прекрасному совершенному плану. Все сотворено Господом; *“яко тем”*, говорит Апостол, *“создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще Престоли, аще Господствия, аще Начала, аще Власти всяческая тем и о Нем создашася”.* (Кол. 1, 16). *41*

По существу своему совершенные создания Божии все же относительно бесплотны, относительно чисты духовно и все же не абсолютно совершенны, ибо абсолютно совершенен лишь Сам Бог. Так сказано, что Бог и *“во Ангелах Своих стропотно что усмотре”...* (Иов, 4, 18) и названы Ангелы *“служебными духами”.* (Евр. 1, 14). Ум их ограничен, ибо они не знают тайн Божьего домостроительства, им неведомо многое, ибо все знает Один только Бог. Но все же мудры они и совершеннее и святей нас. Ибо говорит царь-псалмопевец о человеке: *“Умалил еси его малым чем от Ангел, славою и честию венчал еси его”* (Пс. 8, 6).

Итак, великое служение совершают святые Безплотные Силы.

Служение мудрости. Предстоя Божию Престолу, Первоисточнику всякой Мудрости, они приемлют от Него все: и бытие, и свет и духовные совершенства и качества. Книги богослужебные так о сем говорят:

“Яко уми чистии Ангели, Великому и Первому предстояща Уму и божественнаго сияния

---

[116] Четьи -Минеи, 8 ноября.

[117] Октоих, гл. 1, понедельник, утреня, канон, песнь 1.

[118] Србльяк 4-х. (служба св. Стефану Щильяновичу), утреня, светилен, богородичен.

насыщаеми”[119]

Если только слабый и землеретный наш ум может вознестись от земли до представления о величии и совершенстве Божия Ума, Вечной Премудрости, Абсолютного Духа, то пусть вникает в эти слова. Божественный Ум, от вечности знающий все, предвидящий все и предустроивший от века все, весь план домостроительства нашего спасения, предрешивший все величайшие тайны: воплощения, искупления, преображения, — изливает Свой ум, Свое разумение, сначала чистым духам, Ангелам, а они, подобно зеркалам, принимают его; *“Отонуду разумение восприемлюще”,*[120] передают, когда нужно Божия повеления и откровения нам; открывают то, что становится ведомо им из Божиих тайн, приоткрывают тем, кто достоин знать Божию волю. Так, например, говорит песнь:

“Ум предвечный, свет состави вторый, Гавриила тебе, причастии божественными просвещающаго всю вселенную и юже от века открывающаго нам божественную и великую истинно тайну: во утробе воплощаемого девственней суща безтелеснаго, и бывша человека, во еже спасти человека”.[121] Как совершалось это просвещение Гавриила божественной и великой тайной, не дано нам знать, не открыто, но ведь этого уже все равно нам и не понять. Это уже такие тайны Божия величия, которые нам недоступны. Такова, значит, сущность ангельских умных сил и их способностей. Мудры они, и совершенней их ум, чем наш, ибо сказано: *“мудр Ангел Божий, чтобы знать все на земле”* (2 Цар. 14, 20), но не знают всего, что на небесах, неведома им Божия воля и *“многоразличная премудрость Его”* (Еф. 3, 10–11).

Служение святости. Предстоя Престолу Божию, Первоисточнику истинной святости и чистоты, они приемлют в себя и святость Божию и отражают ее нам, подобно отражению света.

“Лица Твоего доброту красную зрети сподобишася, служительныя Твоя светлости”...[122] ибо предстоять Самому Лицу Божию, еже есть святость. *“От Святаго Духа освящаеми Ангельстии Собори, на зло пребывают недвижными, еже к первому благому восхождению обожаеми”*[123] Да и как могут они быть подвизаеми (готовы) на зло, когда они принимают только доброе, только святое, ибо предстоят Самому Источнику Святости, Которому и поют: “*Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф”*. Посему и велика радость Ангелов на небеси о кающемся грешнике (Лк. 15, 7–10). Такова воля их — свята. Ибо и Господь называет Ангелов святыми (Мф. 25, 31; Мр. 8, 38) и Писание свидетельствует о кротости их (Иуд. 1, 9).

Великий Каппадокийский святитель Василий вещает: *“совершение Ангелов святыня и пребывание в святыне”*. (Книга о Святом Духе, гл. 16) [124] и далее... *“но святыня 42возможна не без Духа. Ибо Небесныя Силы не по природе святы, иначе они не имели бы никакой разности со Святым Духом”*. Поясняя это, святой отец говорит о совершенстве Ангелов чрез утверждение Духом (гл. 19), общение Духа и сравнивает это общение с возжиганием огня, напоминая таким образом богословствования своего великого современника св. Назианзина Григория.

Служение любви. Предстоя Престолу Божию — Первоисточнику Истинной Любви, они принимают в себя эту любовь, становятся сами полны любви и несут людям ее. Песнь так говорит:

“Отнюдь (то есть совершенно) *к Богу преклонишася любовью* (то есть пламенной любовью) *и божественными добродетелями воображаеми яве, о, Архангели славнии,*

---

[119] Октоих, гл. 4, утро, канон, песнь 1.

[120] Там же, песнь 4.

[121] 8 ноября, великая вечерня, на “Господи, воззвах”, гл. 4.

[122] Октоих, гл. 4, понедельник утро, канон, песнь 4.

[123] Там же, гл. 6, понедельник утро, канон, песнь 4. О сем же снова находим подтверждение у свят. Григория Богослова; (Migne. Patr. Craec. t.36, col. 321).

[124] Migne. Patr. Graec. t. 32, col. 133–136. И у св. Иоанна Дамаскина De fide orth. II. 3. M. P. G. t. 94 col. 872.

стоянием прилежным обстоите, зовуще победную песнь Зиждителю”.[125]

“Любовью теплою привезанием рачительным причащающееся первому Источнику, служительне предстоите, поюще немолчно едино существо Божества Безначальнаго, божественнии Архангели”.[126]

Вот в чем великое *нравственное* значение догмата почитания Бесплотных Сил. Предстоя и служа Богу Любви, они и верным помогают спастись, научая их любви и благодатно изливая им эту любовь. Сами они отражение Божественной Любви и, преподав ее нам, содействуют совершенству нашему, спасению и добродетельной жизни, сообщая благостное действие Божие нам через посредство Ангела Хранителя, нашего лучшего друга, побуждая нас уподобляться им.

“Первии невещественных лицы, богоначальствия зари, исходатайственными сияньми подъемлюще по чину их, прочим преподавают божественныя светлости и приносят нам сия любовным законом, по достоянию такожде, к сердечной комуждо чистоте с прилежанием”.[127] *“сия (Ангели) преставил еси всем верующим православно поющим Тя”*[128]...

Вот что вещают нам святые отцы, столпы Православия и благочестия: преподобный Исихий побуждает нас уподобляться духовному совершенству Серафимов, ради вкушения Божественной любви.[129] А святой Максим Исповедник поведает нам в своих *“Сотницах о любви”: “Святыя Силы, передавая между собою друг другу просвещение, передают и человеческой природе и сущую в них добродетель и сущее в них ведение; добродетель, т.е. Богоподражательную благость, по которой благодетельствуют и сами себе и между собой друг другу и низшим их существам, соделывая их боговидными; видение как то, или о Боге нечто выше”*[130]. И еще говорит: *“Святаго Бога, — разумею, Его благости и премудрости, причащается разумное и мысленное естество и самым бытием, и способностью к благобытию и благодатию приснобытно. Сею благодатию признает оно Бога”*[131]. О том же богомудренно вещает Симеон Новый Богослов, говоря: *“Как мысленные чины Небесных Сил освещаются Богом по порядку ,так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье и так во все: так и святые, будучи освящаеми святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святаго Духа, делаются равночестными с ними и подобными им”... И также указывает святой отец и на великое нравственное значение догмата: “...святые все последовательно составляют таким образом, некоторую златую цепь, каждый будучи особым звеном этой цепи, соединяющимися с предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, цепь, которая утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть”.*[132] О той же помощи во спасении говорит святая церковная песнь: “*Престолу предстоя Трисолнечнаго Божества, и богатно осияемь божественными*

светлостьми, испущаемыми непрестанно оттуду, сущия на земли радостно 43

ликующия и благохвалящия Тя, страстей мглы избави и просвещением уясни, Гавриле Архистратиже, молитвенниче о душах наших”.[133]

Но, кроме этого, попечение Божие о нас видится и в ниспослании Ангелов Своих со специальным назначением хранения и соблюдения. Каждому человеку от рождения дается Ангел хранитель, до смерти блюдущий его и ведущий по пути спасения. Мы молимся ежедневно утром и вечером о ниспослании нам ангела, просим об этом в ектинии, ему чтем канон перед причащением Святых Тайн, дабы он, тихий Хранитель наш, сохранил нас до конца. Он — лучший друг наш.

---

[125] Октоих, гл. 4, песнь 1.
[126] Там же, гл. 4, песнь 5.
[127] Октоих, гл. 2, понедельник, вечерня, на “Господи, воззвах”.
[128] Там же, гл. 1, понедельник утро, канон, песнь 7.
[129] Добротолюбие, т. 2, стр. 218. О трезвении и молитве гл. 201
[130] То же, том 3, стр. 218. 3 сотница, гл. 33
[131] То же, стр. 216. 3 сотница, гл. 24
[132] Добротолюбие, том 5, стр. 51. “Деятельныя и богословския главы” гл. 157
[133] 8 ноября, великая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 4.

“В мір посылаются к хотящим веровати Тебе якоже хранителие спасения благочестивых Ангели, соблюдающе, Спасе, рабы Твоя”...[134]

Даются от Бога и Ангелы-покровители церквей. *“Велия Ангел Твоих сила, Христе; безтелесни бо суще, мир протичут, сохраняюще церкви силою, яже от Тебе, Владыко, и Тебе молятся о вселенней”.* [135]

“Да посылаеши мирного Ангела, соблюдающа Вседержителю, стадо Твое”. [136]

О сих Ангелах хранителях Церквей говорит тайнозритель, сын Грома в своем Откровении (Апок. 1, 20; 2, 8–12, 18; 3, 1-14).

И хотя совершенны Ангелы и совершеннее чем люди (Пс. 8, 6) и хотя бестелесны и духовны и причащаются непосредственно Божьего Света, Премудрости и Любви, все же не должно им воздавать божеского поклонения (Кол. 2, 18; Откр. 19, 10), ибо Ангел сказал сыну Грома (Откр. 22, 8–9) поклонившемуся ему: *“виждь ни; клеврет во твой есмь и братии твоея пророков и соблюдающих словеса книги сея: Богу поклонися”.* Ангелам не должно воздавать божеского поклонения, и Лаодикийский собор (343 г.) своим 35 правилом изрек анафему тем еретикам, которые именовали и призывали Ангелов и воздавали им поклонение наравне с Богом, ибо сие есть идолослужение.

Ангелы бессмертны (Лк. 20, 36) и бесплотны.

Люди тоже бессмертны, но облечены в плоть.

Ранее то было тело греха и смерти, ныне это тело обожено Господом Спасителем, и нам дано всегда приобщаться Телу Его в невечернем Дне Царствия Его. Не только Свету, Уму, Светлости, Любви, но и самому Божественному Телу, ибо воплотился чтобы люди обожились. *“Христос обожает мя, воплощаяся, Христос мя возносит, смиряяся”.*[137] *“...Велия благочестия тайна: Бог во плоти явися, оправдася в дусе, показася Ангелом, проповедан бысть во языцех, веровася в мире, вознесеся в славе”.* (1Тим. 3, 16). И, о преславнаго чудесе, нам дано стать превыше ангелов, ибо мы единой плоти и единой крови, соплотяны и единокровны Христу, как говорят святые отцы.[138]

Так в день Вознесения, когда Церковь как бы сиротеет, когда Бог Сын возносится в лоно Бога Отца, Духа же Он еще не послал в мир. В этот день Вознесения Господня, вознесения нашей плотью, завершается спасение наше Иисусом Христом, Церковь поет:

“Взятся превыше Ангелов естество наше, древле отпадшее, и на престоле посажено бысть Божественном, паче смысла”.[139] В течение же 9 дней от Вознесения до Троицы, по церковному преданию, к Вознесшемуся Христу Спасителю приходили все девять чинов Ангелов, чтобы в каждый день, каждый чин поклонился обоженной плоти.[140]

Ранее мы были умалены мало чем от Ангелов, теперь же дается нам возможность

*44*каждому вознестись выше Ангелов, ибо Господь Спаситель принял образ человека, а не Ангела, ибо пришел спасти и дух и плоть. Христианство есть проповедь освобожденного духа и обоженного тела. Нам надо лишь, прибегая к предстательству Небесных Сил Бесплотных, просить их просветить нас Божественным Светом, Любовью, Святостью, Премудростью, чтобы нам добродетельное житие пожить, а самим почаще, как можно чаще, прибегать к спасительной тайне, к приобщению себя Божественному Телу и Крови.

Во время Евхаристической вечери, отрешившись от мира, *“всякое житейское отложив попечение”*, уподобившись мысленно им, мы должны помнить, что тайно изображаем Херувимов, предстоящих Престолу Божией Славы, которому предстоят *“тысящи Архангелов и тьмы Ангелов, Херувимы и Серафимы, шестокрилатии, многоочитии, возвышающиеся,*

---

[134] Октоих, гл. 3, понедельник, утро, канон, песнь 4.
[135] Там же, вечерня, на Господи, воззвах.
[136] Там же, гл. I, понедельник, утро, канон, песнь 9.
[137] Октоих, гл. 1, неделя. утро, канон крестовоскресный, песснь 1.
[138] Св. Кирилл Иерусалимский. cath. 22, I; св. Исидор Пелусиот, ер, 3, 195.
[139] Триодь Цветная, Вознесение, утро, ин канон, гл. 4, песнь 8. Иосифово.
[140] Там же, утро, синаксарий.

пернатии, и победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф”...

Предстательством чесных небесных Сил Бесплотных, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных, аминь.

Пустыннолюбная горлица (Вторник)

> “Чесо изыдосте в пустыню видети; трость ли ветром колеблему; но чесо изыдосте видети; человека ли в мягки ризы оболчены; се иже во одежди славней и пищи сущии, во царствии суть. Но чесо изыдосте видети; пророка ли; ей, глаголю вам, и лишше пророка... Глаголю бо вам: болий в рожденных женами Пророка Иоанна Крестителя никтоже есть: мний же во Царствии Божии болий его есть”...
>
> (Лк. 7, 24–28)

...В полутемной церковке при редком и тихом сиянии разноцветных лампад смутно выделяется темное дерево иконостаса. Длинные ряды икон святых отделяют алтарь от храма, небо от земли. Это лики святых, в коих дивен Бог, это праздники церковные, святые события истории домостроительства нашего спасения. В рамке темного дерева вырисовываются отдельные образа, писанные умелою рукою московского и новгородского изографа, искусные миниатюры с мельчайшим кружевным узором строгановских мастеров, затаенные и прикровенные догматические богословствования на досках православного религиозного сознания. В угловатых линиях, изгибах спин и ног, наклонах голов, в разноцветных хитонах одежд, замысловатых контурах и компоновках символических икон — и все сие по строгим правилам и прописям “Иконописного Подлинника”, по заветам великих Евангелиста Луки, Дионисия, Рублева и, — плоды постнических и молитвенных трудов бессмертных Ушаковых и Прокопиев Чириных, все они смотрят с высоты иконостаса на припадающих к ним, молитвенно и слезяще воздыхающих православных христиан.

И среди всех этих темных ликов и склоненных фигур выделяется образ *“большего в рожденных женами”*, того, кого святая Церковь особенно часто поминает и в своем богослужебном сознании называет *Пустыннолюбной горлицей*. И в живом ведении Церкви, в тайнах ее сознания, в том, что лишь приоткрыто в нашем литургическом богословии, в богослужебных книгах и ликах икон, вырисовывается этот образ, прекрасная картина жития величайшего Пророка. С иконостаса взирает худой, истощенный лик *“пустынного гражданина”*, держащего в руках купель с Предвечным Словом, Коего он был глас. В ряду праздников, снова в сложных компоновках видны его Рождество, Крещение Спасово, Усекновение его честныя главы, все глубокие и святые события, полные *45* догматического и нравственного значения для нас. Вверху иконостаса мерцает лампадка, чернеет темная синева купола, виден лишь строгий и великолепный лик Ветхого деньми, там в иконостасе снова предстоит склоненная фигура Крестителя, в одежде из верблюжьей шерсти со свитком: “Покайтеся!”, стоит ошуюю Господа Спасителя, а одесную Его — Матерь Его. Это “Деисус”. Напрашивается сравнение двух иконописных типов.

На Голгофском холме Страждущий и умирающий Господь, за грехи людей униженный, оканчивающий Свой великий подвиг сострадания и искупления человечества, и по сторонам Креста Его — Матерь Его и любимый ученик, тот, кто провозгласил миру о воплощении Слова от Нее, “*Слово плоть бысть”,* и ныне Ее, страждущую, приемлющий — святой Иоанн Богослов, тайнозритель, девственник... И другой ныне — это Деисус. Точно чудесный трехстворчатый складень: Господь Славы, Спаситель мира и по сторонам Его опять же Матерь Его, нетрудно Его носившая, без истления Его родившая и в Успении прославленная и Предтеча Его, тоже уже во Царствии Славы, тоже девственник, тоже Иоанн... Тот Иоанн, из богословов, рекший первый о Боге Слове, сей еще во чреве Матери взыгравыйся от Духа Святаго и сим, еще будучи во чреве, исповедавший Бога Слова... Два Иоанна — две иконы... Два предстояния: в страдании и во славе — Голгофа и Деисус. Потому и зовется икона эта

“Деисус”, что являются здесь Богоматерь и Предтеча как молитвенные посредники перед Господом за нас в Царствии Славы. И там, на Голгофе, Пресвятая Матерь, изживающая всю глубину Своего горя у Креста страданий Сына, и здесь Царица Небесная, предстоящая за грехи всех людей у Престола Царя Славы. И знаменательно еще и то, что в день чудесного явления Божией Матери во Влахернской Церкви Цареграда, когда Пречистая честным Своим омофором покрыла предстоящих в храме — явилась Она св. Андрею в сопровождении сих двух Иоаннов: Предтечи и Богослова, Крестителя и Тайнозрителя.

И *“мы Крестителя, яко в рожденных женами больша, достойно чтуще, величаем”...*

***

Краткие рассказы евангелистов-синоптиков о рождении, житии и смерти Крестителя Господня дополнены и объяснены в наших богослужебных книгах. Многие места темные и непонятные приобретают в них особое толкование и освещение. И при знакомстве с литургическим материалом сего вопроса и ближайшем изучении святых икон Предтечевых вырисовывается четко и ясно его образ, чувствуется вся его необходимость и законченность в философской системе Православия, в домостроительстве нашего спасения.

Прежде всего Предтеча Господень — центральное звено, связующее Ветхий и Новый Завет, лицо, стоящее на грани двух эпох, на рубеже двух культур, и посему особенно значительное и полное по своему содержанию. Нашим мысленным взорам представляется безотрадное, бесплодное, как пустыня, ветхозаветное прошлое человечества. Пять с половиной тысяч лет рабства греху, жизни без радости в ней, темная ночь, всецелое устремление к далекому Востоку, откуда должен воссиять Свет миру, должен зардеться рассвет и озарить исстрадавшееся человечество... По всем ожиданиям, приметам и чувствованиям это утро близко, оно должно вот-вот придти, ибо уже нету сил дышать и жить. Ночь тьмы объяла все, иго закона нестерпимо более, бремя греха уже совсем придавило к земле...

Великая, увлекательная и жуткая история ветхозаветного Израиля, история всеобщего отступления от Бога, всеобщего богоборчества, осквернения, убиения пророков и праведников! Земля напоена кровью и слезами, и среди ужаса и тьмы только несколько людей, несколько праведников, живущих еще по вере отцов своих, ходящих перед Богом, не забывающих завета Его. Изгнания, проклятия, падения, пленения, войны, несчастия всего народа, как гнев Господень над ним. И все же средь этого всего остается еще надежда, не угасла еще вера в Грядущего, в Предсказанного, в ожидаемого Мессию, Царя Израилева, вера в настоящего, мудрого, славного Царя, Который освободит Свой народ, воссядет на престоле Соломоновом и восстановит былое величие славы его. Исполняются седмины

*46*Даниловы, приближается срок, предвозвещенный пророками. Израиль ждет своего Мессию. Он уже чувствует предрассветный холодок занимающейся зари освобождения от закона, он предчувствует уже первое свежее дыхание ветерка, веющего с гор, дыхание весны. Прилетают первые птицы и щебечут в еще обнаженных садах Иудеи. Зима лютая, холодная, мертвая кончается. Наше богослужение чутко воспринимает все это: *“Яко горлицу, тя, весну истинную... предвозвещающую мирови... ублажаем присно”.*[141]

“Горлица пустыннолюбная яве возсия, божественную весну возвещающая, имже преста безбожия зима лютая, и Жениха друг искренний светло прииде Иоанн”.[142]

“Горлицу тя, Пророче, краснейшу, разумевше, славим, провозвещающу сущим в мире божественную весну”[143].

“Видим был еси посреде стоя ветхаго же и новаго, овому убо Пророче, престати творя, оваго же свет являя”.[144]

Такими прекрасными образами Церковь переживает появление этого величайшего в

---

[141] Октоих, гл. 4, вторник утро, канон Предтечи, песнь 4.
[142] 24 июня, малая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 4.
[143] Октоих, гл. 7, вторник вечер, на Господи, воззвах.
[144] Там же, гл. 6, вторник утро, канон Предтечи, песнь 9.

рожденных женами *“вселенскаго Апостола”*[145] и *“пророков главизну”*.[146] Вся жизнь Предтечева, запечатленная нам в святом благовествовании, иконах и богослужебных книгах, проникнута глубоким таинственным смыслом; в каждом событии многое и значительное раскрывается. В самой личности его, в его появлении в истории нашего спасения, Церковь видит именно только что указанную живительную весну, первое дуновение оживляющего ветерка с полей, первое свежее дыхание новой жизни. Посему Церковь чтит и ублажает память святого Пророка прекрасными и живописными сравнениями, видя в нем воистину прекраснейшего вестника жизни:

“Ластовица красная, славие [147] *честный, голубе предобрый, пустыннолюбная горлица,*[148] или *“доброглаголивая ластвица”,*[149] *“славие благогласный, голубице златая”*.[150] Поэтому-то и в богослужебном сознании Церкви память Предтечи Господня окружена такой особой любовью и почтением.

Июньская Минея под 24-м числом содержит в себе много прекрасных молитвенных кринов, вплетенных руками византийских искусных мастеров в венец похвальный Иоанна Крестителя. День Рождества Предтечи Господня издавна причислялся к великим праздникам, и уже в V и VI веках праздновался наравне с такими церковными торжествами, как Рождество Христово, Пасха, Пятидесятница и Богоявление.

В шестой месяц по зачатии заматоревшей во днех Елисаветы посылается Архангел Господень в град Назарет к Деве Чистой благовествовать Ей великую радость, и восста Сия, и торопится в горнюю страну, и входит в дом Захарии священника, встречается с Елисаветой. Встречаются две будущие матери: матерь рожденного в женах большего и Матерь рожденного от Девы; матерь будущего Пророка, его же отец уже стар, на склоне дней своих, и Матерь Того, Кого Она Отца не знает, ибо Отец Его Ветхий деньми родил Сего прежде времени без матери. Целование Елисаветы — снова древний иконописный колорит. Церковь поет:

“Виждь Елисавет к Деве Марии глаголющу: что пришла еси ко мне Мати Господа моего; Ты Законодавца и аз законоположителя; Ты Слово и аз глас, проповедающ Царство Небесное...”[151]

“Елисавет зачат Предтечу благодати, Дева же роди Господа славы; целовастася обе матери, и младенец, взыграя, внутрь бо рабы хваляще Владыку...”[152]

“Бога Слова познал еси, яко Пророк в матерней утробе и сея язык употребив богословиши в темне чертозе, обожаем Светом Неприступным...”[153]

“Познал еси Предтече, Ему же поклонился еси прежде Рождества и пелен Твоих, Христа Жизнодавца, и взыграньми показал еси сего Господа твоего нарекл, взаим взем матерний язык к пению Христа Бога нашего...”[154]

Зачатие его и рождение окружено особым таинственным сиянием. Необычно зачатие заматоревшей материю от престарелого отца, необычно взыграние его во чреве, просветление Духом и обстановка наречения имени тоже вызывает удивление. И все сие нужно, всему подобает быть, ибо предуказывает ему в истории нашего спасения необычное

---

[145] 24 июня, великая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 4, твор. св. Андрея Критского.

[146] Там же, утро, по 2 кафисме, седален, гл. 8.

[147] Славий (слав.) — соловей.

[148] Октоих, гл. 1, вторник, утро, канон, песнь 9.

[149] Там же, гл. 2. вторник, вечер, на Господи, воззвах.

[150] Вот такого рода указание встречаем мы в постановлениях одного из западных Соборов 506 года (Agathense); правило 21 гласит, между прочим: religuis festivitatibus, ut idi mls: sas teneat propter fatigatonem familiae, justa ordinatione permittimus, Pascha vero Natale Domini, Epiphania Ascentionem Domini, Pentecostem, et natalem S. Joannis Babtistae. (Mansi, applissima collecfio conciliorum. t. 8. col. 328. Paris et Leipzig, 1901).

[151] 24 июня, малая вечерня, на стиховне, слава и ныне, гл.8.

[152] Тогда же, малая вечерня, на Господи, воззвах, и ныне, гл. 6, Византиево.

[153] Тогда же, утро, 1 канон, гл.4, песнь 6, Иоанна монаха.

[154] Тогда же, 2 канон, гл. 4, песнь 8, Андреево.

место.

“Божию Слову, хотящу от Девы родитися, Ангел от старческих чресл происходит, великий в рожденных женами и пророков превысший подобаше бо божественных вещей преславным быти началом кроме возраста исчадие и без семени зачатие...”[155]

Великим и единственным в истории человечества явлением воплощения, страдания, искупления, воскресения, преображения и вознесения должно воистину предходить сверхъестественное начало. В таинственом видении его Ангела, в немоте его, в неплодстве матери, в рождении Предтечевом, нежданном плодоносии рождшей, в отверстии языка Захарии, — во всем сем видит Церковь глубокий смысл, который приоткрывает нам в своих книгах. В течение мертвой лютой зимы, темной ночи неведения истины, в *“законе сени и писаний”* человечество тщетно ждало от закона избавления от гнетущего ига греха и проклятия. Грех был сильнее закона, закон же лишь слабое вспомогательное средство против греха и все же необходимый воспитатель, пестун (Гал. 3, 24) во Христа, подготовка, но, о какая тяжелая! Только предреченное пришествие Царства благодати, только глаголы вечной жизни могли освободить Израиля от преданности греху, закону, проклятию смерти. Закон бесплоден... Закон бессилен... Посему и Захария престарелый, услышав таинственное вещание посланца Горних Сил, должен был умолчать, ибо он прообразует собой самый ветхозаветный закон. Сам закон доживал свой век, ему надлежало умолкнуть перед грядущим и уже вот-вот близким пришествием Мессии Избавителя.

“Молчание старчо, законного писания образ носит таин. Ибо пришедши благодати, Моисей[156] *умолча: подобаше по премудрости сокровищу явльшуся всем молчати...* [157]

И подобно этому в заматорелости и неплодности Елисаветы богослужебное наше сознание видит неплодность и пустоту церкви ветхозаветной, оплодотворенной и оживленной лишь пришествием Христа Спасителя: *“Елисавет прежде неплоды сущи, Христе, Церковь Твою проображаше, яже от язык,*[158] *и рождши преславно паки показует многочадну, неплоды явльшуся иногда.”*[159]

Ибо Церковь еще и так вещает: *“Процвела есть пустыня яко крин, Господи, языческая неплодящая Церковь пришествием Твоим, Христе, в немже утвердися мое сердце...”*[160]

Человечеству верующему, ожидающему тысячи лет обещанного избавления уже могло казаться, что его уже и не будет, что это избавление так и не придет. А вдруг? А если?... И колеблется уже вера некоторых, твердость убеждения слабеет. Усомнился и Захария, несмотря на свидетельство столь высокого собеседника, но как бы успокаивая его и утверждая его в вере, поет ему Церковь:

“Старче, не не веруй, Бог бо обещавает, яко в старости родиши сына, егоже о 48рождестве мнози возрадуются, той бо приидет силой Илиною...”[161] (Лк. 1, 17)

И действительно:

“Прииде бо воистинно, закону неплодствующу благодать...”[162]

“Сице явльшуся дати Отцу освобождение, Ему же и благовестися и родися глас Слова и Света Предтеча.”[163]

И как бы предчувствуется это избавление и обновление:

“Елисавет радуешися и Захария вещает паки: оба убо обновляются по старости Иоанновым абие гласом и просвещаются”.[164]

---

[155] 24 июня, утро, вечерня, на Господи, воззвах, гл. 4, Анатолиево.
[156] То есть Моисеев закон.
[157] 24 июня, утро, 2 канон, Андреев, гл. 4, песнь 1.
[158] То есть языческую.
[159] 24 июня, утро, первый канон, Иоанна монаха, гл. 4, песнь 3.
[160] Октоих, гл. 2, неделя, утреня, канон воскресен, песнь 3.
[161] 24 июня, утро, ин. канон, песнь 5.
[162] Тогда же, первый канон, песнь 5.
[163] 25 июня, вечер, на Господи, воззвах, гл. 4.
[164] 24 июня, утро, ин канон, песнь 4.

Умилительно взывает Церковь на утрени Рождества Предтечи на последней песни канона. Молитвенное наше устремление, следуя в богослужении за всей историей спасения человечества и следуя за Израилем от Чермного моря до дня Пришествия Света, доходит до воспоминания о Божией Матери, и после Ее возвышенного, но смиренного признания: *“Величит душа Моя Господа”,* признания, обращенного к матери того, чью память мы собрались праздновать, особенно нам становится осмысленно и значительно ожидание престарелыми родителями сына, предвестника Искупителя:

“Священниче, по старости бо сына, и по умервщлении удов рождаеши Предтечу...”

“...се бо Елисавет вопиет: по старости сына и по умервщлении удов рождаю Предтечу...”

“...се бо Елисавет сосцы питает, по старости сына и по умервщлении удов рождает Предтечу...”

“Слава давшему неплодной по старости плод, старцу и пророку сына, готовяща ему люди совершенны божественного Предтечу...”[165]

Церковь зовет всех к радости, потому и *“вся тварь светло твое рождение празднует”*[166] и *“возрадовася Иордан преславно, и играет научаяся Иоанна слыша, от неплодна рождена чрева, море же ликует водными играньми.”*[167]

В конце утрени, к моменту наибольшего молитвенного напряжения всей Церкви, четко звучит голос канонарха:

“О, преславного чудесе, из престарелыя матере, Божия Слова проповедник Иоанн днесь произыти тщится, связанный язык яснейше рождеством глаголати являет...”[168]

Действительно, преславно и велико чудо рождества Иоаннова — знамение новых времен.

“Закона и благодати посреди стоя, божественный Пророк, объявляеши всем яве, овому убо престатие, оному же просияние...”[169]

Значительное место Иоанново в икономии спасения. Он весь еще от закона, весь от Ветхого Завета, но им уже звучат сильные, мощные слова, ведущие к новому, от закона к благодати, от Моисея ко Христу, от отца его умолкнувшего Захарии к Тому, к Кому он идет, Которому уготовляет путь. Вслушайтесь в те поучения из Священного Писания, которые святая Церковь нам предлагает в сей день Иоаннова рождества. На вечерне чтутся три паримии Ветхого Завета. В первой (Быт. 15,15–17, 19; 18, 12–14; 21, 1–8) вспоминает Церковь ветхого деньми Авраама — отца верных, также ожидавшего до преклонной старости своей сына обетованного Богом, вспоминается неплодство Саррино, и в этом видится будущий прообраз Иоаннова рождения, видится неплодство греховного состояния Израиля. Во второй паримии (Суд. 13, 2–8; 13–14; 17–18; 21) снова указание на милость Господню, не оставляющую избранных Своих, снова повествуется о *49* неплодстве жены Маноя, о посещении ее Ангелом, обетование сына и посвящение его Богу. В сем таинственном обетовании и посвящении многое прообразует будущее рождение Предтечи. Заповедывает Ангел Господень явившийся Маною и жене его не оскверняться в пище и питие, ибо *“освящено Богу будет отроча из чрева даже до дня смерти его”... “От всех, ихже рекох жене твоей да сохранится елико исходят от винограда, да не яст и вина и сикера да не пиет”... За*поведывает Ангел рождающемуся отроку не есть ничего “*нечистаго”,* и бритва не коснется его главы. И был сей разговор у жертвенника, когда хотел Маной принести в жертву козленка и хлебное приношение, и Ангел поднялся в пламени жертвенника и стал невидим. И при чудном зачатии Предтечевом сказал Ангел пораженному немотою Захарии о рождающемся Иоанне: “*Будет бо велий пред Господом; и вина и секиры не имать пити и Духа Святаго исполнится еще из чрева матери своея”.* (Лк. 1, 15).

---

[165] 24 июня, утро, ин канон, песнь 9.
[166] Тогда же, светилен.
[167] Тогда же, ин канон, песнь 6.
[168] Тогда же, на хвалитех, гл. 8.
[169] Октоих, гл. 7, вторник утро, канон Предтечи, песнь 3.

Строгие предписания назорейского закона окружают рождение Иоанново, но совершенно особый смысл приобретает личность Предтечева, когда сравним ветхозаветное сие поучение с апостолом, который чтется тогда на литургии (Рим. 13, 12 — 14, 5), в котором проясняется особая связь Нового и Ветхого Заветов, видится, сколь много еще Иоанн принадлежит ветхому. Сегодня новозаветная литургия, еще вчера ветхозаветная вечерня. Ему заповедуется не вкушать от плода лознаго, не пить вина, сикеры и остерегаться нечистой еды. Свобода же и широта всеобъемлющего Апостола Павла вещает римской общине христиан: *“изнемогающаго же в вере приемлете, не в сомнение помышлений. Ов бо верует ясти, а изнемогаяй зелия да яст. Ядый не ядущаго да не укоряет, не ядый ядущаго да не осуждает. Бог бо его прият. Ты кто еси, судяй чуждему рабу... кийждо своею мыслею да извествуется”...* (Рим. 14, 1–5). По толкованию этого места святыми отцами, силен тот, кто все ест, и силен не потому, что все ест, но потому, что верует, что всякое создание Божие добро и *“ничтоже отметает.”* (1 Тим. 4, 4). А немощен тот, кто ест зелье, думая, что пища нас может поставить перед Богом (1 Кор. 8, 8). Есть ли грех в ядении или неядении, никто их вас решить не может. *“Бог бо его прият”,* а в осуждении уже грех... Здесь, конечно, Апостол не уничтожает поста как аскетического упражнения и средства в борьбе со страстями, но лишь отнимает у пищи самой по себе какую-либо силу нас поставить в те или иные к Богу отношения. Тут так ясно видна всеобъемлющая свобода Православия, возможность соединения строгой аскезы со свободой, постничество с приятием пищи в простоте и веселии сердца. Самсону и Иоанну Предтече, как сынам закона, еще нужна внешняя формальность в законе. Не вера, не благодать все освящающая, а *“мое”* отношение к закону. Господу Иисусу, идущему вслед Крестителя и Его Апостолу святому Павлу уже не нужно это отношение к пище, к закону, такое отношение к посту. Ничто не погано, все свято, все уже освящено, ибо *новая тварь радуется*. Христос благословляет брак в Канне, благословляет угощения, трапезы этих простых людей, Он посещает эти скромные пиры и не постится и уже не придерживается формального закона, ибо *“прейде сень законная благодати пришедшей”*. И все поучение Апостола Павла к римлянам, проповедь веры и благодати, а не дел закона, все же нашло в себе первый проблеск, первое предчувствие в личности Предтечевой, звавшего к покаянию: *“Покайтеся!”* — *“переменитесь”* к вере в Грядущего. Потому и поет ему Церковь: “*...и всем глаголал еси: ко Христу приступите верою и спасетеся”...*[170] Ибо *“сия есть победа, победившая мир, вера наша”,* как поучает нас святой Богослов, сын громов. (1Ин. 5, 4). Только веруй и спасешься. В третьей паримии (составленной из глав 40, 41, 45, 48 пророка Исаии) пророк предупреждает и самое рождение Предтечи, как гласа, вопиющего в пустыне: *“Возвеселися неплоды рождающая”.* Как всегда, ветхозаветное поучение не

*50*только украшает собой богослужение праздника, но еще придает ему особый, законченный вид...

И мы, собравшиеся в церкви, — *“Крестителя яко в рожденных женами больша достойно чтуще величаем”...*

Церковь величает св. Иоанна Крестителя в своих песнопениях как *“пророков предел и начало апостолов, земного ангела и небесного человека.”*[171] Потому *“пророков предел”*, что он воистину величайший из всех, больше Исаии и Иеремии, Давида и Моисея, Михея и Амоса и всех других, больше потому, что *“пророков превышши явился еси, ибо сам видел Проповеданнаго”.*[172] *“Начало апостолов”,* ибо он уготовал пути Господу и первый воскликнул то слово, которым началось Христово учение. Первый призвал к покаянию: *сей бо проповеда начаток нашего спасения, взыгравыйся во чреве и вопия в пустыне: “покайтеся!”, Царев воин и Предтеча благодати, Агнца провозвещая и Спаса моля о душах наших.*[173] *“Земнаго ангела,”* ибо действительно пожил на земле бесплотным житием, ибо

---

[170] 7 января, Собор Предтечи, утро, канон, гл. 2, песнь 3, Феофаново.

[171] 24 июня, вечерня, на литии, слава, гл. 5.

[172] Октоих, гл. 3, вторник, канон, песнь 5.

[173] 24 июня, малая вечерня, на Господи, воззвах, слава, гл. 8.

“всяку добродетель исполнил, всяку же злобу от сердца возненавидел, и стезю покаяния человеком показал.”[174] А таинственная Кассия-инокиня поет:

“Чистоту бо конечно и целомудрие целовав, имяше убо по естеству, бежа же еже чрез естество, паче естества подвизався...[175] *и небесного человека”*, ибо был он *“ангельскому и человеческому существу сопричастен.* [176] В образе Предтечевом мы, грешнии, имеем великий пример подражания, его личность для нас имеет особое нравственное значение. А в августе, в день Усекновения, Герман Патриарх поучает нас:

“Что тя наречем, Пророче: ангела ли, апостола ли, или мученика. Ангела зане яко безплотен пожил еси; апостола яко научил еси языки; мученика же яко твоя глава за Христа усечеся...”[177]

Родился великий Пророк чудесным образом, над ним исполнились все предписания законные и *“отроча же растяше и крепляшеся духом: и бе в пустынех до дне явления своего ко Израилю”* (Лк. 1. 80). Удаляется он *“от жизни мирской к жизни мировой”,* показует пример будущим Антониям и Пахомиям, *“о мире молитву творя”,*[178] о том мире, который носился в пучине грехов, жаждая избавления, милости, света освобождения. И действительно *“девство утверждается и целомудрие торжествует, пустыня веселится и мир празднует рождеством твоим, Предтече...”*[179] Он должен идти пред Искупителем от греха согласно пророчению Ангела (Лк. 1, 17). и *“духом и силой Илиною путь Господень исправить.”*[180] По рождении своем приуготовляется он в пустынного гражданина, в Пророка всего человечества. Церковь называет его между прочим и так: *“Захариино прозябение и пустыни доброе воспитание, покаяния проповедник, очищение согрешений”*[181], ибо... *“днесь секира, исковавшись, посечение предлагает душам неплодия...”*[182]

Церковь отмечает и строгое воспитание Предтечево и подготовку его к тяжелому подвигу его:

“Из чрева матерня исполнился еси Святаго Духа, Предтече, и сикера и вина не пил еси якоже рече отцу твоему Ангел, тем же нареклся еси велик пред Богом”.[183]

“Пустыня тебе гражданина непроходимая имяше, блаженне Предтече.”[184]

“Житию ангельскому поревновал еси на земле пророческое совершение, и Новаго Завета первомучениче...”[185]

“Еще жительствуя в телеси, житие безплотных показал еси...”[186]

Взгляните на икону Предтечеву и вспомните церковную песнь:

“В пустынях ходя, власы вельбужи, покрываем, в ових убо яко светосиянно жил еси царски: в ових же яко царску обнося красоту над страстями воцарился еси...”[187]

“И бе в пустынех — повествует святый евангелист-врач, — *“до дне явления своего ко Израилю”* (Лк. 1, 80). А явление сие было воистину величественно и прекрасно. Вот каков он явился:

“Небо одушевленное, добродетельми яко звездами украшенное, златосиянное и златозарное солнце, свещник благодати, сокровище Духа, Царствия великий проповедник,

---

[174] Октоих, гл. 4, вторник, утро, канон Предтече, песнь 3.
[175] 24 июня, вел. вечерня, на стих, слава, гл. 8, Кассии монахини.
[176] 25 июня, утро, канон, гл. 8, песнь 6.
[177] 29 августа, вел. вечерня, на литии, гл. 1.
[178] 24 июня, вел. вечерня на литии, гл. 1.
[179] Тогда же, утро, канон , песнь 4.
[180] Тогда же, на хвалитех, гл. 8.
[181] Тогда же, на Господи, воззвах, гл. 4.
[182] Тогда же, утро, ин. канон, песнь 6.
[183] 25 июня, утро, канон, гл. 8, песнь 7.
[184] Октоих, гл. 2, утро, канон Предтече, песнь 4.
[185] Там же, гл. 3, вторник вечер, на Господи, воззвах.
[186] Там же, гл. 4, вторник утро, канон, песнь 3.
[187] 29 августа, утро, канон Иоанна монаха, гл. 8, песнь6.

ветия богодухновенный, громогласный язык, труба великая, Предтеча да воспоется.”[188]

Еще раз по милости и неизреченной любви Божьего Промышления о людях посылается Израилю Пророк, еще раз в пустынях Иорданских зазвучал мощный и властный глас, вопиющий подобно гласу меди, обличающий, бичующий заматорелое в грехах человечество, зовущий к новой жизни, к перемене.

Больные и расслабленные, слепые и хромые, нечистые и одержимые слышат сей глас вопиющий. Израиль снова по милости Господней узрел забытый образ пророка. Человек, в верблюжью кожу оболченный, усменным поясом опоясанный, с лицом обветренным и загорелым, восстал на Иорданских берегах; и зовет, зовет Израиля, погибшие овцы Господни. Далеко раздается глас его, издалека видна высокая, строгая, худая фигура с развевающимися волосами, изможденными чертами лица, тонкими руками и проступающими ребрами. Таков он на иконе. Даже отверженным созданиям рода человеческого — прокаженным, последним из презираемых тварей, слышен его звенящий глас: *“Покайтеся!”* С какой верой обезумевший народ, потерявший было всякую веру, смотрит и на этого пророка. Может быть, этот?... А вдруг?... А что, если этот?... Ибо близки уже предреченные дни, в которые закончтся седмины Даниловы. С жадными умоляющими взорами, с горящими глазами встречают они его, следуют ему, веруют ему, покоряются, спускаются в быстрины Иордана, в прохладные воды речные, чтобы оставить там свои грехи, до греха Адама, смыть их в этой воде, веря этому гласу: *“Покайтеся!”,* но не понимая и не зная, что значит: *“Грядый по мне иже предо мною бысть”* (Ин. 1, 27). И не знают, что оставленные ими в воде грехи их приемлет Другой, Который вслед за ними пойдет в эту воду, чтобы принять все грехи на Себя.

Вспомните дивную, странную, особенную картину Иванова в Румянцевском музее в Москве, “Явление Христа народу”. Вспомните фигуру Иоанна, вспомните жалкие, жадные, верующие глаза нищих, бедных, больных, угнетенных, грешных, идущих в воду. Вспомните, как ярко выписана вода, веточка и этот мальчик, лезущий в воду, там, в левом нижнем углу картины. Вспомните отдаленную, как бы во мгле грядущую, фигуру *“Агнца Божия, вземлющаго прегрешения всего мира”.* Народ оставляет все свои грехи, чтобы отдать их Тому, Кто понесет их с любовью и со страданием через Иудею, к Голгофскому холму. И стоит тут же Иоанн... Для народа он видней, приметней, слышней со своим звучным голосом, внушительной, строгой фигурой ветхозаветного Пророка, к которому так привык и по которому так истосковался Израиль, приметнее Того, Другого, молчащего и медленно идущего там, в отдалении, на пригорке... О, как верит сейчас Иоанну этот народ, как его любит, как возлагает на него все свои упования и надежды о восстановлении земного

52величия царства. Так же как верил, любил и жаждал всех остальных пророков, бывших до него и потом, не поняв и не дождавшись от них того, о чем фантазировал, — избивал их камнями и убивал... Это все вблизи Иерусалима... *“О, Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камнем побивый, посланныя к тебе.”* (Мф. 23, 37). Велик образ Иоанна, идущего на проповедь. Церковь поет ему:

“Божественный храм был еси Бога Жизнодавца, всех блаженне, Пророче и Предтече и проповедник, Живущаго имел еси в сердце”...[189]

Наступает великий момент, момент величайший и единственный в житии Иоанна, и новый шаг на пути искупления Спасителем нас крещение Его во Иордане. Вот подходит к Иоанну и Тот, о Ком он вещает, Тот, Кому он не счел себя достойным развязать ремень от сандалий, приходит, чтобы приять крещение, то есть, чтобы на С*ебя* возложить бремя чужих грехов, *ибо в Себе* Он не имел греха.

“Видев Тя грядуща, Христе, к себе Предтеча, и крещение просяща, с трепетом возопи: что ми повелеваеши еже паче сил совершити, о Всесильный Господи, како рукою коснуся

---

[188] 25 июня, утро, канон, гл. 8, песнь 8.

[189] Октоих, гл. 5, вторник, вечер, на Господи, воззвах.

Тебе, рукою вся Содержащаго; Ты мя паче крести, раба Твоего”...[190]

Господь как бы говорит: “*...приступи, крести тлению Неподлежащаго и мир от тли изымающаго”...*[191]

В церковном, богослужебном сознании разговор Господа с Его Крестителем у берегов Иорданских, вкратце переданный св. евангелистом Матфеем, (3, 13–17), подробнее передается в стихирах на стиховне в день 7-го января, то есть на день Собора Предтечи:

“Яко виде Тя, Владыко, Иоанн Предтеча к нему грядуща, ужасен быв, яко благонравен раб со страхом вопияше: кое смирение Спасе, кая нищета, в нюже оделся еси богатством благости смирившагося человека”.

“Гряди ко Мне, таинственно Совершающему спасительное, Предтечи противовещал еси, со страхом послужи, Спасе всяческих и не ужасайся. Сокрушеннаго бо Адама грехом обновляя, крещаюсь яко человек: естеством нескверный Иорданскими водами, в нихже видиши пришедша Мя”.

“Солнце очищаемо, кто от земнородных виде, Иоанн противореченe, и Одевающаго небо облаки обнажая всего, и источники и реки Содевающаго в воды входяща: дивлюся несказанному смотрению Твоему, Владыко, не отягчи раба Твоего страшными повелении”...[192]

Тут проявляется великое смирение Предтечево, и премудрое и спасительное изволение Господне. Этот разговор немного напоминает дивный диалог благовещенского канона и в смиренных возражениях Крестителя невольно вспоминается смиренное недоумение и возражения Богоматери.

Но Предтеча, от чрева матери познавший Бога, тогда еще взыгравыйся при посещении Слова, смиренно, но смело исповедует:

...“аще и от Марии еси Младенец, но вем Тя Бога Превечнаго, по земли ходиши, певаемый от Серафим”...[193] И соглашается он на совершение своею рукою великого таинства, чтобы *“исполнить как подобает всякую правду”* (Мф. 3, 1). Сходит Господь Спаситель в помутневшие от людских грехов воды Иордана, сходит и *“преклоняет всех Преклонивший небеса”...*[194]

И при звоне всех колоколов на утрене, в торжественном сиянии церковной славы несется по морозному январскому воздуху до самых горних обителей, где прославлен великий Пророк, несется величание:

“Величай, душе моя, иже в пророцех великаго Предтечу”.[195] А затем Церковь хвалит и Самого Христа *“дланию раба рукоположеннаго.”*[196] И, о преславнаго чудесе!.. Совершается великое знамение, впервые человечеству открывается совершенно догмат Троичности Бога...

Ветхозаветный Израиль знал о Триедином Боге лишь по догадкам; смутно и неясно в Библии говорилось о том. При сотворении мира (Быт. 1; 26), при падении Адамовом (Быт. 3, 22), при смешении языков (Быт. 11, 6–7) Бог как бы в намеках приоткрывал великую истину Триединства Своего. Аврааму являлись прикровенно три таинственные Ангела, дивно запечатленные Андреем Рублевым на местной иконе Троицкого собора Сергиевой Лавры. Пророк Исаия слышал троекратное пение Серафимов, и только лишь теперь, на грани двух заветов, в момент начала искупительного подвига Христова, отверзаются опаловые облака, яркий солнечный луч озаряет Предвечного Божия Логоса, слышен глас Отца, Свидетельствующего, и Дух впервые сходит на воду, освящает естество ее, белым облаком

---

[190] 7 января, вечерня, на Господи, воззвах, гл. 1.
[191] Тогда же, там же.
[192] Тогда же, на стиховне, гл. 4.
[193] Тогда же, на Господи, воззвах, и ныне, гл. 6.
[194] Тогда же, на Господи, воззвах, гл. 2.
[195] Тогда же, утро, припев на 9 песни канона.
[196] Тогда же, утро, на хвалитех, гл. 1.

витает над простором Иордана.

В нашем богослужебном сознании прекрасно обозначен этот момент в кругу суточного богослужебного обихода. Это начало каждой утрени, момент непосредственно перед шестопсалмием. Вечерня начинается возгласом: *“Благословен Бог наш”*... так как это служба прообразующая преимущественно Ветхий Завет. И как в Ветхом Завете давались человечеству как бы намеки на истину о Троичности, так и на протяжении вечерни слышим эти намеки, то в *“Свете Тихий”*... то в каждом возгласе, кончающемся славословием Троицы. Утреня же непосредственно подводит к Новому Завету, в конце ее после богородичной песни рождается Свет, как бы воплощается Слово. По современному греческому богослужебному уставу в этот момент совершается проскомидия, прообразование рождения на дискосе-яслях Предвечного Младенца, Агнца, вземлющего грехи всего мира. Посему и служба сия, утреня, начинается ясным и определенным исповеданием догмата Святой Троицы: *“Слава Святей, Единосущней, Животворящей и Неразделимей Троице”*... и тоже впервые, ясно и определенно исповедуется так Святая Троица в Богоявлении, ибо тогда впервые человечеству явился Бог в величии Своем. На Голгофе же откроется путь в Царствие Божие, исповеданное разбойником на Кресте, и тогда в этой особой *Царской* службе — Литургии, Церковь скажет: *“Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа”* и на *“Блаженствах”* откроются Царские врата, ибо на вседневной утрени во время малого славословия врата не открываются.

Литургия — служба Искупления. С момента Крещения Спасителя как бы началась в истории человечества новая служба — утреня, чтобы со дня Голгофы начать в Церкви литургию.

Воистину ты велик, Иоанн, ты величайший из пророков, ибо ты стоял, *“крещая в быстринах Владыку”*...[197] Ты первый лицезрел страшную тайну Триединства Божия.

“Над Слово крещаемо, в виде голубине низходяща видел еси Духа Святаго и глас Отеч слышати сподобился еси, блаженне: Сей есть Сын Мой сопрестольный, Его же поет вся тварь”...[198]

Сподобляется Великий Иоанн и Церковь поет: *“храм был еси Божественныя Троицы”*...[199]

То, что было только предчувствием для ветхозаветных праведников, для Иоанна виделось уже *“не яко зерцалом в гадании, но лицем к лицу”*. То, чего боялся громко сказать и исповедать ветхозаветный пророк, ибо боялся искушения и соблазна многобожнической прелести для своего народа, явилось непосредственно самому Иоанну. Он — свидетель явления Святой Троицы человечеству...

54 И *“мы Крестителя, яко в рожденных женами больша, достойно чтуще величаем”*...

***

...И народ шел в пустыню к Иордану, и из пустыни заиорданской звучал глас его, сильный и властный. Народ и мытари воздавали славу Богу, веруя в Иоанна (Лк. 8, 29). И лишь гордые и прельщенные фарисеи и законники отвергали волю Божию, выражавшуюся в проповеди Иоанновой, и не следовали к нему. Быть может, некоторые из них и шли, но не принимали крещения (Мф. 3, 7).

Старозаветное, иудейское очищение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Наше крещение вводит в Церковь Христову, дает прощение грехов, смывает первородный грех Адамов, оставляя лишь последствия его на нас. Иоанново крещение не имело силы нашего христианского крещения, не могло давать спасительного действия людям, ибо искупление еще не было совершено Спасителем.

---

[197] Октоих, гл. 4. вторник утро, канон Предтече песнь 6.

[198] Там же, гл. 6, песнь 8, (о том же гл.4, песнь 8).

[199] там же, гл. 6, песнь 5.

Но крещение Иоанново было выше иудейского, оно было, по словам Иоанна Златоустаго (“Слово в день Богоявления”), как бы мостом между обоими крещениями. Оно не сообщало Святаго Духа, оно не давало благодатного прощения, оно *повелевало каяться*, но *не было властно отпускать грехи*. Но в нем был уже зов к покаянию, и это-то покаяние, эту перемену отвергли иудейские законники и книжники.

Глас Иоанна не был гласом, вещающим как кимвал, но гласом великого Пророка, восставшего от старых времен. И следуя словам Спасителевым, Церковь возвещает о нем: *“не был еси трость вражиих ветров колеблема духовеньми”,*[200] ибо действительно не был он *“скитающийся всяким ветром учения”* (Еф. 4, 14). Он уяснил нам Христово Царство.[201]

Голос его звучит и доходит до роскошных палат развратного двора сластолюбивого Ирода, кровосмешением дополняющего свои беззакония.

“Что тя наречем, Пророче, ангела ли, апостола ли или мученика... яко глава твоя за Христа усечеся.”[202] Иоанн Предтеча — мученик, первомученик за Христа. Глава его усекается ради Иродова беззакония.

“Новый Илия ты был еси, со дерзновением, Предтече, и царя обличая беззаконоваша и житие невещественно показуя нам, якоже он (то есть Илия) *преблаженне”.*[203]

Бесстыдными и сладострастными телодвижениями услаждает девица несытую похоть развращенных очей Иродовых гостей. Льются звуки заунывной, восточной, манящей и дразнящей музыки, влекущей или к беспредельной грусти и плачу, или к безудержной страсти, звуки, полные *“пьяного счастья и тоски безотчетной”...* Размеренно покачивается, извивается, как змея, танцует девица, и под все учащающиеся звуки и рыдание дрожащей струны она вертится при отблеске светильников и распаленных глаз, жаждущих греха гостей...

“Пляса ученица вселукаваго диавола”...[204]

“Убийством бо пианство Ирод раствори”... [205]

В службе Усекновения дивны и достойны особого похваления стихиры на вечерне, кончающиеся неизменно: *“но мы Крестителя, яко в рожденных женами больша, достойно чтуще, ублажаем”...* В непереведенном у нас из славянской Минее синаксаре говорится о том, как *“рука пятнающая себя убийством, отсекает мечом главу того, кто руку полагает на Главу Господню”...*

Тот, кто всем проповедовал близость новой жизни, звал к покаянию, к святости, кто сам пожил на земли, как Ангел безплотный, умирает *такою* смертью. Цена его жизни — награда за развратную пляску.

“Земной Ангел... блудному плясанию показуется цена”...[206] ибо он *“перстом первее показа Агнца, и языком второе Ирода обличил”...*[207]

За этим убийством величайшего Пророка те же люди убивают Бога: за смертью *55* праведника, как наградой за блудную пляску, следует смерть Безгрешного, как награда за зло обезумевшего человечества, за грех всего мира... И все сие ради нашего спасения! В народном сознании этот день отмечается особым, строгим постом.

Усеченный во главу спекулатором Иоанн Предтеча не оканчивает свое поприще совершенно, его миссия еще не завершена. Церковь замечает в своих песнопениях еще одно обстоятельство, растолковывающее слова Захарии при рождении Иоанна: *“И ты отроча, пророк Всевышняго наречешися... просветити во тьме и сени смертней сидящия”* (Лк. 1, 79). Церковь поет:

“Иоанне,.. сущим во аде душам послался еси проповедовати Грядущаго и тех спасти

---

[200] 29 августа, 1 канон, гл. 8, песнь 6, Иоанна монаха.
[201] Тогда же, ин канон, гл. 8, песнь 4, Андрея Критского.
[202] Тогда же, вечерня, на литии, гл. 4, Германа Патриарха.
[203] 7 января, утро, канон Феофанов, гл. 2, песнь 7.
[204] 29 августа, на Господи, воззвах, гл. 6, Иоанна монаха.
[205] Тогда же, утро, ин канон, гл. 8, песнь 1.
[206] 29 августа, утро, на хвалитех, гл. 8.
[207] Тогда же, ин канон, гл. 8, песнь 1.

всех прежде скончавшихся верных от Адама”[208], *“предварил бо во аде жизнь”...* [209]

“Предрекий Рождество Твое и Божественное страдание, в преисподних мечем бывает Пророк и вестник тамошняго пришествия Твоего, яко глас слово Иоанн взывая: мертвии — Животодавца, слепии — Светодавца, плененнии — Избавителя, Христа превозносите во вся веки”...

Ибо и ему, как ветхозаветному праведнику, надлежало сойти во ад и там ждать освобождения Христова. Но не только ждать...

Как предрек он Спасителю в рождестве и возвестил Его взыгранием матернего чрева, как предтек в пустыни вещанием своего гласа, как предварил Христа в страданиях за истину и правду, так предварил Его и в сени адовой, чтобы и там быть Его пророком, и там проповедовать покаяние и Его близкое пришествие. Ад уже трепещет, радуется земля и *“новая тварь ликует”*. В одежде из верблюжьих власов, подпоясанный усмяным поясом, с блюдом в руках, и на блюде его усеченная голова... Таков он на древней иконе!.. Таков Предтеча Христов в аду!..

“Молитвами, Господи, Крестителя Твоего и Предтечи Иоанна, помилуй нас, грешных, аминь!”

Крест – красота Церкви (Среда)

“Се бо прииде Крестом
радость всему миру...”

Жизнь есть борьба за вечное спасение, борьба за вечную радость и блаженство, борьба против зла и греха, неустанная, неумолимая, жестокая борьба с сатанинской силой. Мрачна ночь неведения и греха. Ощупью и неуверенно слабые и немощные, идем мы извилистыми, скорбными, потерянными на этой земле путями и тропинками. Бредем мы, странники, по странной земле... Мы — по ней, а она — по черному, бездонному, полунощному небу.

Как черным бархатом, покрыто все кругом глубокой ночью. Лишь далеко вдали, в глубине этого бездонного неба, светится и сияет видимый нашим умным очам, внутреннему сердечному зрению у подножия Небесного Иерусалима Крест Честный, Животворящий, спасительный миру. Блестит и изливает силу свою непостижимую, непобедимую и Божественную, изливает всему миру.

А мы бредем в этом мире по этому пути под своими крестами и крестиками, согбенные под игом скорбей и печалей, несем свои кресты к подножию того Креста, далекого, небесного, недосягаемого. Силой его ограждаемся, силой его укрепляемся в спасительной, томительной борьбе. Изнемогаем, скользим, падаем, подымаемся и все же идем по пути своего крестоношения.

“Непобедимая и непостижимая, Божественная Сило Честнаго и Животворящего Креста, не остави нас грешных!”

Крест Христов воспевает Церковь, Кресту кланяется, Кресту служит, Крестом венчается,

---

[208] Тогда же, там же, песнь 9.

[209] Богослужебный материал образа Предтечи Иоанна слагается из следующих служб:

а) Зачатие св. Иоанна Крестителя — 23 сентября.
б) Рождество св. Иоанна Крестителя — 24 июня.
в) Собор его — 7 января.
г) Усекновение честныя главы — 29 августа.
д) Служба всякого вторника в Октоихе, то есть 8 служб и отчасти дополнительно:
е) Богоявление — 6 января.
ж) 1 и 2 обретение главы — 24 февраля.
з) 3 обретение главы — 25 мая.

Крестом ограждается, Крестом освящается Невеста Христова. По всем нашим молитвенным книгам рассыпаны эти искорки, дивные молитвы и песнопения, зажженные верою в Бога и любовью к Церкви и красоте духовной. Каждую среду и пяток (день предания и распятия Христа) Церковь особо молится Кресту, каждое воскресенье соединяет эти непостижимые глубины, недоведомые, неуразумеваемые — Крест и Воскресение — в так называемых "крестовоскресных" канонах, ибо "Кресту поклоняется и воскресение поет и славит". Три дня в году нарочито превозносит и поклоняется Кресту, выносит Его народу (Крестопоклонная неделя, Воздвижение и День происхождения Честных Древ). В *"кресто-богородичных"* песнопениях Церковь молитвенно сострадает и прославляет Богородицу в Ее скорби и крестостоянии. А в Страстный и Великий Пяток у подножия Креста изливает свою скорбь и рыдания, смешивая их с вдохновенным полетом и творческой мощью своего духа. В эти последние страстные дни Церковь вдыхает дивный и благоухающий аромат страдания, смерти, любви и Воскресения.

Крест — это дивный символ и знамение, которым озаряется богослужебная жизнь. В ней отражены все моменты нашего религиозного сознания. Честному Кресту уделено видное место в церковном поэтическом творчестве. Через наши богослужебные песнопения постепенно проходит вся история рода людского, развертывается весь ход событий от древа райского до Древа Крестного, от изгнания из Эдема до победного и радостного восхождения в него, от грехопадения до искупления. Потщимся же с умилением сердечным и любовью трепетной рукой собирать эти рассыпанные по всем книгам, по всем дивным хранилищам, по всем дням церковного года крины божественного творчества, потщимся собрать их и увязать в венок во славу Креста. Проследим, как Церковь в дни крестные поклоняется и величает Его...

***

Влечет и манит, зовет и толкает к себе грех. Привлекает своей минутной сладостью, и ради ее совершает безумные и ужасные деяния человек. И тотчас же по совершении греха пустеет сердце, тоска наполняет душу и отчаяние, тупое, назойливое, беспросветное вселяется в мыслях. Совесть грызет, и так ясно и отчетливо преследует сознание *непоправимости* соделанного. С поразительным реализмом рисует Триодь момент грехопадения Адамова.

Адам согрешил... Влечение ко злу завершилось, грех стал реальностью, ощутимой со всем ужасом ее, безысходностью и непоправимостью. Впервые осознанное и испытанное чувство угрызения совести вползло в душу и грызет, и грызет... Чистота и незапятнанность совершенной природы невозвратимы и непоправимы. Человек согрешил, после чего все человечество тяготеет ко злу. Грех повреждает природу человека, влечет за собою изменение естества, грех становится космическим явлением. Так вещает Триодь:

"Солнце лучи скры, луна со звездами в кровь преложися, горы ужасошася, холми вострепеташа, егда рай заключися, исходя Адам рукама бия в лице, глаголаше: помилуй мя, падшаго". [210]

И вот под этим омраченным солнцем, окровавленными звездами и месяцем во тьме физической и душевной, средь трепещущей и содрогающейся природы сидит в отчаянии и неописуемых душевных муках Адам. Образно выражает это песнь, говоря о биении себя в лицо:

"Седе Адам прямо рая, и свою наготу, рыдая, плакаше". [211]

"Седе Адам тогда и плакася прямо сладости рая, рукама бия лице и глаголаше: Милостиве, помилуй мя, падшаго".

"Видев Адам Ангела изринувша и затворивша благословеннаго сада дверь, вздохнув вельми и глаголаше: Милостиве, помилуй мя, падшаго".

"Споболи, раю, стяжанием обнищавшему, и шумом твоих листвий, умом Содетеля, да

---

[210] Неделя сырная, вечер на литии, слава, гл. 6.

[211] Там же, на Господи, воззвах, слава, гл. 6.

не затворит тя: Милостиве, помилуй мя, падшаго”.

“Рай вседобродетельный, всесвятый, всебогатый, Адама ради насажденный и ради Евы заключенный, умоли Бога о падшем: Милостиве, помилуй мя, падшаго”. [212]

Этим воплем наполняется вся служба Недели сырной, как бы рефреном проходит он через все песнопения и побуждает и нас в молитвенном и сокрушенном шепоте вторить за изгнанным праотцом: *“Милостиве, помилуй нас, падших”.*

Изгоняется Адам из рая прикосновением к древу, становится у райских врат Херувим с огненным оружием, и человечество мучительно осуждено ожидать избавления и вселения в рай Древом Крестным.

“Древом Адам бысть рая изселен, Древом же Крестным разбойник в рай вселися”. [213]

Человечество подготовляется к подвигу Мессии Христа, подготовляется к подвигу креста и крестоношения, Церковный песнописец любовно и старательно ищет и собирает во всех событиях ветхозаветной жизни Израиля различные предчувствия и более или менее ясные предображения крестного образа.

Так в вольной жертве Исаака видится прообраз будущей вольной Христовой страсти (Быт. 22, 1–19).

“Да вообразит древле Исаак Твою страсть, связуется, Слове; разрешает же связанное овча в тойже образ”. [214]

В глубокой старости, под конец дней своего земного странствования, умирающий Иаков (Израиль) благословляет детей Иосифа — Манассию и Ефрема (Быт. 18, 13 — 20). И возлагает он правую руку на главу младшего Ефрема, а левую — на старшего Манассию, предвидя будущие судьбы потомков их. Скрещивая таким образом руки, предначертывает он крест, будущий далекий символ благословения.

“Древле в благословениих детей, Иаков тя предначерта, Честный Кресте”. [215]

“Пременя руце древле Иаков, прообразоваше Крест, благословляя отроки”. [216]

“На юныя главы положи длани иногда Иаков, Крест прописоваше”. [217]

“Прообразуя Крест Твой, Христе, Патриарх Иаков, внуком благословение даруя, на главах пременнно руки сотвори”. [218]

С личностью *“медленноязычнаго и гугниваго”* Моисея Церковь связывает ряд прообразов Крестного Древа. Стоит Моисей с народом богоизбранным перед пучиной Чермного моря, и мановением чудесного образа, проначертанием Креста, разделяется море и *“невлажными стопами” “пешеходит”* Израиль *“немокренную глубину”* (Исх.14, 12–29).

“Крест начертав Моисей, прямо жезлом Чермное пресече...” — звучит Воздвиженская катавасия.

58 Подобно тому, как в Мерре чудесно услаждает Моисей древом воды горького источника, Крестное, Животворящее Древо услаждает горечь греха (Исх. 15, 23–26).

“Меррския ослаждая прежде воды Моисей, знаменуя древом, тебе, Честный Кресте, имже сладость спасительную человеком искапал еси”. [219]

“Горести убийственныя, яже от древа, не оставил, Господи, Крестом бо сию совершенно истребил еси, сего ради и древом услади иногда горесть вод Мерры, прообразующе Креста действо”. [220]

Это же событие составляет и содержание первой паремии на Воздвиженской вечерни. И когда воевали Израильтяне с Амаликитянами, взошел Моисей с Аароном и Ором на верх

---

[212] Тогда же, утреня, икос, гл. 6.
[213] Святой и Великий пяток утро, блаженны, стих I, гл. 4.
[214] Октоих, гл. 2, пяток утро, канон, песнь 9.
[215] Предпразднество Воздвижения, 13 сентября утро, канон, гл. 4. п. 7.
[216] Октоих, гл. 6. пяток утро, канон, п. 6.
[217] Там же, гл. 2. среда утро, канон, п.6.
[218] Воздвижение, 14 сентября, вечер на литии, гл. 1. Андрея Иерусалимского.
[219] Предпразднество Воздвижения, 13 сентября утро, канон, п. 5.
[220] Воздвижение, утро, канон, п. 9.

холма, и там подымал Моисей крестом руки к небу, и побеждали тогда Израильтяне (Исх. 17, 10–16).

“Простер Моисей руки к высоте небесней, прообразоваше крест”.[221]

“Образ древле Моисей пречистыя страсти в себе самом прообрази, священных среди стоя: крест же вообразив, простертыма победу дланьми воздвиже, державу погубив Амалика всегубителя”. [222]

“Крестоявленно Моисей на горе руце простер к высоте , Амалика победи”. [223]

Проходит избранный народ около Едомского царства, малодушествуя и ропща на Бога. Посылает Господь наказание в виде ядовитых змей, и по велению Божию воздвигает Моисей медного змия в пустыне, и при взгляде исцеляются ужаленные люди. Змий сей прообразует Христа, воздвигнутого на Древе Крестном (Числ. 21, 4–9). Так вещает Церковь в своих молитвах:

“Змий, иже Моисеем возвышаемый на древо, Божественное возвышение проображаше Христово, льстиваго змия умертвившаго”. [224]

“Высоце на древе возвыси вопреки змия, яко писася, Моисей прописуя тя, Всечестное Древо”. [225]

“Возложи Моисей на столпе врачевство... и древу образом Креста, по земли пресмыкающегося змия привяза”. [226]

В Гаваоне под водительством Иисуса Навина снова Израильтяне становятся свидетелями чуда Божия. Подвижутся руки Навина, и заповедует он: *“да станет солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елон...* (Нав. 10, 10–12). Святой Григорий Синаит видит здесь снова прообраз Креста:

“Проображаше тайно древле Иисус Навин креста образ, егда руце простре крестовидно, Спасе мой, и ста солнце дондеже враги низложи противостоящия ти Богу: ныне же зайде на Кресте Тя зря, дондеже державу смертию разрушив, весь мир совоздвигл еси”. [227]

Вещает пророк-Царь: *“Возносите Господа Бога нашего и поклоняйтеся подножию ногу Его, яко свято есть”* (Пс. 98, 5), предвидя всемирное и великое Воздвижение Креста Господня.

“Днесь яко воистину световещанный глагол Давидов онем прият: се бо яве пречистых ног Твоих поклоняемся подножию”.[228]

“Днесь пророческое исполнися слово: се бо поклоняемся на место, идеже стояша ноги Твоя, Господи”.[229]

И снова вспоминает Церковь в крестных песнопениях другое пророчество Давида (Пс. 73, 12). *59*

“Спасение соделал еси посреди земли, Христе Боже, на Кресте пречистии руце простер еси, собирая все языки, зовущия: Господи, слава Тебе”.[230]

Церковь видит ясное прообразование Креста в трехдневном пребывании Ионы во чреве китовом:

“Воднаго змия во утробе длани Иона крестовидно распростер, спасительную страсть проображаше яве”.[231]

---

[221] Предпраздн. Воздвижения, 13 сентября утро, седален по 3 п., гл. 4.
[222] Воздвижение, 14 сентября утро, канон, гл. 8, п. 1.
[223] Октоих, глас 3, среда утро, на стиховне.
[224] Там же, гл. 2, среда утро, канон, п. 5.
[225] Предпразднество Воздвижения утро, канон, п. 7.
[226] Воздвижение утро, канон, п. 1.
[227] Канон Честному Животворящему Кресту (из правильника), гл. 4, творение св. Григория Синаита.
[228] Воздвижение, 14 сентября вечер на литии, стих, гл. 1.
[229] Воздвижение, 14 сентября утро, седален по 2 стихословии, гл. 6.
[230] Октоих, гл. 2, среда утро, седален по 1 стихословии.
[231] Воздвижение, 14 сентября утро, канон, п. 6.

И пророк Исаия вещает в третьей паремии на Воздвижение о той же славе подножия ног, предсказуя пришествие славы Ливановой — креста из кипариса, кедра и певка (Ис. 19, 13):

“Яко кипарис милосердие, яко же кедр веру благовонную, яко певк истинную любовь приносяще Господню Кресту, поклонимся...”, — зовет нас песнописец”. [232]

***

Но все эти символы, прообразы и указания древности — лишь слабые и неясные намеки для ветхозаветного Израиля. Это не могло помочь ему в слабых и неуверенных попытках борьбы с грехом и злом. Все это было неубедительно для сынов *“закона сени и писаний”*. Им всем было нужно знамение и чудо, хотя и не могло бы им показаться другое знамение, кроме знамения пророка Ионы. (Мф. 12, 39).

И вот далось и оно. Настало то время, когда небесные соединились с земными, когда Божественное снизилось до человеческого, чтобы поднять человеческое до Божественного.

Настают страшные дни, когда *“Крест водрузися на земли, и коснуся небеси”.* [233]

“Радуются с земными небесная, поклонению Твоему, Кресте, Тобою бо ангелом и человеком соединение бысть, Всесильне, вопиющим: Господи Боже, благословен еси”. [234]

Сам воплотившийся Господь спасает нас от смерти и греха, чего не в силах сделать был никто: ни ходатай, ни ангел...

“Ниже бо ангел, ни человек, но Ты Сам, Господи, спасл еси нас, слава Тебе”. [235]

Соединяется несоединимое, восполняется невосполнимое, совершается невозможное. Бездны вскрываются, разверзаются небеса, открываются новые дали. Всеми этими контрастами прекрасно играет искусный язык песнописца, и налагая смелые краски на свои иконописные образы.

Смиряется Бог, принимает образ раба, бесчестится Честный, умаляется Высокий. Безгрешный и абсолютно свободный от зла вселяется в грешный мир, им не заражаясь, и освобождает нас от греха. Спаситель совершает искупительный подвиг, совершает его в течение 33 лет, на каждом шагу страдая и скорбя за этот род, страдая сильнее нравственно, чем физически. Уже воплощаясь, Он начинает этот подвиг крестоношения, невидимый и неприметный для огрубелого глаза людей.

Потребовалось болезненное, ощутимое, чувствительное несение реального, физического Креста, чтобы хотя бы некоторые растрогались и сокрушились сердцем. Нужны были страдания Голгофы пред всеми людьми и римскими наемниками, чтобы дополнить невидимое ни для кого, кроме Небесного Отца и Его посланника Ангела, гефсиманское страдание души, страдание внутреннего человека. Нужен был Крест сравнительно краткой Голгофы, чтобы уяснить и уразуметь (да и то, к сожалению,

60

и до ныне лишь немногими) Крест всей Его жизни. Нужно страдание тела, чтобы понять раны сердца Его, прободение ребра и пролитие Честной Крови из гвоздинных язв, чтобы уразуметь истинное значение капель кровавого пота в борении гефсиманской ночи.

Крест есть лишь кульминация всего жизненного подвига, венчание всего пройденного пути. И он озаряет этот путь, путь не только от римского судилища до Голгофы, но еще от Вифлеемской пещеры, через все детство, Иорданское Крещение, пустынное искушение, через поля и нивы Галилеи, синагоги и храмы, дома униженных и гордых, фарисеев и мытарей, рыбачьи лодки и волны Генисаретского озера, через весь длинный, страдальческий путь...

Вифлеем... Гефсимания... Голгофа...

“Слава долготерпению Твоему, Господи, слава Тебе!..”

Резкие тени налагаются на картине этого пути, сильными контрастами легко оперирует

---

[232] Постная Триодь, среда, 4 седмица, утро, канон, гл. 4, п. 7. господина Феофана.

[233] Октоих, гл. 3, среда утро, по 1 стихословии, седален.

[234] Постная Триодь, среда, 4 седмица, утро, канон, гл. 4, п. 7.

[235] Октоих, глас 1, среда утро, седален по 1 стихословии.

византийское витийство.

“Всякия превыши чести Сый, Владыко, обесчеститися благоволил еси, поносную претерпев, Щедре, на древе смерть”. [236]

Венчается тернием Тот, Кто всю землю венчал цветами,[237] а человека славою;[238] праведный становится на неправедном суде и тем оправдывает прежде осужденного Адама; [239] Тот, Кто небо облачает облаками и тучками, на Кресте пригвождается по Своей воле нагим...[240]

Страшный Голгофский день... Любовь, *“распинающая и распинаемая”,* доходит до своего высшего выявления. Высочайший момент Христова подвига совершается на глазах немногих людей, нескольких еще не разбежавшихся и не до конца оставивших Его близких. Человечество, занятое своей личной жизнью, каждый своими мелкими житейскими дрязгами, скорбями и радостями, продолжало и в тот момент жить так же, как и столетия до того и столетия после того. Многие, очень многие *и не заметили* великого, премирного события, многим и не было оно открыто, многие не знали, многие *равнодушно продолжали свой путь.* Акт несравнимого смирения и завершения неземных страданий для многих остается неприметным и неважным, как и все бывшее до того...

В пещере лишь несколько пастухов пришли к Нему, в храме в сороковой день от лица целого современного Израиля только лишь старые Симеон и Анна встретили Его и... никто больше; в Иордане один лишь Иоанн свидетельствовал явление Троицы и приятие на себя греха людей. Только три ученика соприсутствуют ночному Фаворскому чуду, только три восходят в Гефсиманию, только Ангел укрепляет Его... Значит, так нужно!.. А где же люди?.. Человечеству было *не до Него...* И когда на Голгофе Он страдал за всех нас, человечество и не знало того.

В Риме так же в неге и довольстве продолжалась жизнь патрицианских дворов, так же паслись стада овец на палестинских лугах, так же люди жили заботами своего дома и семьи, рыбак тащил свою сеть, пахарь пахал, люди рождались, посягали, венчались, умирали, жрец приносил неведомым богам ненужную жертву, в то время как Голгофская Жертва приносилась за всю землю, за всех нас, за всю вселенную, когда рождалась в муках новая тварь, изменялась вся природа. Только она, кроме малого круга близких людей, почувствовала всю космичность и непостижимость Голгофы. Тварь воспринимает голгофскую муку, мучаясь сама. Как когда-то природа переживала космичность первородного греха Адама, так и теперь переживает космичность Голгофских мук.

“Распинаясь, тварь поколебал еси”. [241]

“Тварь изменися, Слове, распятием Твоим”. [242]

“Светити светила не терпяще омрачашася, на Кресте зашедше Тебе, Слове, земля же подвизашеся, и камение разседашеся, церковное благолепие раздирашеся посреде, гробы отверзахуся, мертвии возстаяху”.[243] 61

“Видевше Тя солнце на Кресте простираема, скры лучи сияти не могуще”. [244]

“Солнце угасе, плоть Твою якоже свещу возжегшу Ти на древе, Господи”. [245]

“Распятия Твоего солнце устыдеся”. [246]

---

[236] Там же, гл. 1, вторник, вечерня, на Господи, воззвах.

[237] Октоих, гл. 2. пяток утро, канон, п. 5.

[238] Там же, гл. 1, среда утро, канон, п. 1.

[239] Там же, гл. 1, пяток утро, канон, п. 6.

[240] Там же, гл. 1. среда утро, канон, п. 5.

[241] Там же, гл. 1, пяток утро, канон, п. 7.

[242] Там же, гл. 3, вторник вечер, на Господи, воззвах.

[243] Там же. гл. 2, вторник вечер, на Господи, воззвах; Постная Триодь, вторник, 4 седмица, на стих. самогласен, гл. 5.

[244] Октоих, гл. 4, пяток утро, канон, п. 5.

[245] Там же, гл. 5. пяток утро, канон, п. 6.

[246] Там же, гл. 2. среда утро, канон, п. 8.

Страшный Голгофский день... Померкнувшее солнце и луна, погасшие светила, разверстые небо и земля... Из разверстых глубин черного неба молчание и пустота покрывают все. Нет ни гласа Отца, свидетельствующего и благоволящего, ни снисхождения Голубя-Параклита... Из разверстых глубин черной земли готовятся выйти сонмы освобождаемых праведников, Голгофа становится раем, новым Эдемом, насаждается новое древо новой, истинной Жизни...

"Место лобное рай бысть: точию бо водрузися Древо Крестное, абие израсти Гроздь животный". [247]

"Древо в раи смерть прозябе, сие же Жизнь процвете". [248]

"Рай другий познася Церковь, якоже прежде Древо имущая Живоносное, Крест Твой, Господи". [249]

Изгнан был человек когда-то из рая после прикосновения к древу и теперь древом же снова входит в рай...

"От древа вкусив первый в человецех, в тление вселися... всему роду телотленен некий, яко вред недуга преподаде, но обретше земнороднии воззвание Крестным Древом, зовем: препетый отцев и нас Боже, благословен еси". [250]

"Адам... в рай вселяется паки, Тебе воспевая". [251]

"...клятву древа, Древом исцеливый". [252]

"Древо принесе тление в Эдеме родоначальнику: Крестное же Древо жизнь процвете на лобнем месте... и обрете рай, вопия Адам: о, Древо благословенное!". [253]

Невольно вспоминается другой его вопль с биением себя в лице руками: *"Милостиве, помилуй мя, падшаго".*

Страданием Своим и смирением Спаситель возносит усмиренного Адама,[254] Своими язвами исцеляет *"многолетния язвы"* праотца Своего по плоти,[255] древнее горькое вкушение его услаждается ныне вкушением оцта на Кресте,[256] смертию Христовой Адам оживляется.[257]

Несоединимые дали соединяются в Кресте, и с высоты его открывается высота отверстых небес, неудобовосходимая нашими помыслами, райские чертоги и глубины адовых бездн, неудобозримых ангельскими очима. Тут и мысль останавливается и сердце замирает, священный трепет охватывает, и великая тайна, тайна благочестия, венчается чудом. Мучительно и томительно время сопровождает и вмещает в свои рамки эти невместимые часы, когда *"тьма бысть по всей земле от часа шестаго до часа девятаго".* С высоты Креста слетает семь последних слов умирающего Господа, и ими запечатлевается тайна благочестия, тайна новой жизни, запечатлевается книга живота.

"Кресте Животворящий, ты еси книга живота, запечатленная силой седми 62словес умирающаго на тебе Животодавца": [258]

1. *"Отче, отпусти им, не ведят бо что творят".* (Лк. 23, 34).

2. И вслед за сим совершается великое чудо: оправдывается грешный, прощается злодей, верой своей побеждает все и первый входит в рай. Оправдывается не сотворивший ни одного

---

[247] Там же, гл. 5. среда, утро, по 1 стих. седален.
[248] Воздвижение 14 сентября, утро, на поклон. стих. гл. 5.
[249] Постная Триодь, неделя 3, утро, канон, гл. 1, п. 5.
[250] Воздвижение утро, канон, п. 7.
[251] Октоих, гл. 2. среда утро, канон, п. 8.
[252] Там же, гл. 5. пяток утро, канон, п. 8.
[253] Там же, гл. 6, среда утро, по 3 стихословии, гл. 4. Среда. Блаженны Литургии.
[254] Октоих, гл. 6, среда утро, канон, п. 8.
[255] Там же, гл. 5, пяток утро, канон, п. 7.
[256] Там же, гл. 1, четверг вечер, на Господи, воззвах, крестобогородичен.
[257] Там же, гл. 5, среда утро, канон, п. 3.
[258] Канон Кресту, гл. 4. (из правильника), песнь 7.

доброго дела, не имеющий никаких заслуг, ни своих, ни сверхдолжных чужих; прощается единой верой и раскаянием. Хулит один разбойник, и славословит и исповедует другой. *“Един же от обешенно, злодею хуляше Его, глаголя: аще Ты еси Христос, спаси Себя и наю. Отвещав же другий, прещаше ему, глаголя: ни ли ты боишися Бога, якоже в том же осужден еси, и мы убо в правду: достойная бо по делом наю восприемлева: Сей же ни единаго зла сотвори. И глаголаше Иисусови: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Си. И рече ему Иисус:* ***аминь глаголю тебе: днесь со Мною будеши в раи”.*** (Лк. 23, 39–43). Сие есть второе слово. И, о преславнаго чудесе!..

Крест Христов как бы мерило правды и Божией справедливости, как бы некие весы, стоящие на Голгофском холме. *“Трисоставный”, “троедревесный”,* из кипариса, кедра и певка. И се, при этих словах Христовых ровно стоящая нижняя перекладина его в момент сих исповедных слов разбойника благоразумного, как коромысло весов, подымается в его в сторону, показывая ему отверстый Крестом и исповеданием путь в райские обители вечной жизни, а хулящему злодею в адские теснины и пропасти небытия.

“Посреде двою разбойнику, мерило праведное обретеся крест Твой овому убо низводиму во ад тяготою хуления: другому же, легчащуся от прегрешений, к познанию богословия: Христе Боже, слава Тебе”.[259]

Посему-то и предано нам от древнего благочестия и предания отец именно такое, осмиконечное изображение Честнаго Креста.

3. И Матери Своей Пречистой и Приснодеве и любимому ученику девственнику обращает он третье слово: ***“Жено, се сын Твой”.*** **и** ***“Се, Мати твоя”.*** (Ин. 19, 26–27).

4. И далее вопль Его по человечеству: ***“Или, или, лима савахфани”***, (Мф. 27, 46; Мр. 15, 34).

5. ***“Жажду!”.*** (Ин. 19, 28).

6. ***“Совершишася”...*** (Ин. 19, 30).

7. ***“Отче, в руце Твои предаю дух Мой”.*** (Лк. 23, 46).

Таковы седмь слов, так Крестом запечатлевается тайна воплощения, так завершается искупительный подвиг всей жизни. Крестом изменяется все, обновляется мир, и начинается новая жизнь. Древом произошло изгнание из рая, древом вселяемся мы снова в него. Так говорит об этом Златоуст:

“Дева, древо и смерть были знаками нашего поражения: девою была Ева, так как тогда она еще не познала мужа; древом было древо рая; смертию было наказание Адама. Но вот, опять Дева, Древо и смерть — эти знаки поражения, сделались знаками победы. Вместо Евы — Мария; вместо древа познания добра и зла — Древо Креста; вместо смерти Адамовой — смерть Христова”.[260]

Побеждается смертию сама смерть, ибо смертию Христос смерть попрал. Вонзается смертоносное копие в сердце диавола и вместе с Христовым Воскресением воскресают праведники.

“Три кресты водрузи на Голгофе Пилат: два разбойника и един Жизнодавца, Егоже виде ад и рече сущим доле: о слуги Мои и силы Моя! Кто водрузив гвоздие в сердце мое, древяным мя копием внезапу прободе, и растерзаюся внутренними моими, болю, утробою уязвляюся, чувства моя смущают дух мой, и понуждаюся изрыгати Адама и сущия от Адама, древом

---

[259] Часослов 9-й час, по Отче наш... слава, гл. 8.

[260] “О кладбище и Кресте” M. P. G. t. 49 col. 396.

данныя мне, Древом бо сия вводит паки в рай”.[261]

“...враг плакаше стражда болезненно чувствы, глаголаше: древяно мя копие прободе посреде сердца моего; Христос вся от адских уз решит”. [262]

“Токмо водрузися Древо, Христе, Креста Твоего, основания поколебашася смерти, Егоже пожре желанием ад, отпусти трепетом”. [263]

“Точию водрузися Древо Креста Твоего, Христе, прелесть прогнана бысть и благодать процвете”. [264]

“Смерть умертвися и ныне пуста явися”. [265]

Водружается Крест Честный на Голгофском холме, на том самом месте, где погребен Адам. Крест водружается как раз над главой праотца, почему и под Распятием всегда иконописуется Адамова глава. Так, по древнему преданию, когда распались камни на Голгофе, в образовавшуюся расселину стекла Пречистая Кровь на Адамову главу:

“В Распятии же Господни, егда на Кресте Господь наш Иисус Христос предаде Дух Свой, и тогда раздрася церковная катапетасма [266] *и камение распадеся: тогда и той камень проседеся над главою Адамовою, и тою расселиною сниде кровь и вода из ребр Владычних на главу Адамлю, и омы грехи рода человеча”.* [267]

Сокрушаются вереи ада, князь мира уязвленный, крестом освобождает пленников Своих, и в Великую Субботу сошедший во ад Христос выводит за Собой в райские обители ветхозаветных праведников. Крестом разрушается адова твердыня, Крестом отверзаются райских чертогов двери.

“Рай отверзл еси Крестом Твоим, Владыко”. [268]

“Распинаешися и рай паки отверзается, и разбойник прежде всех радуяся входит: и умираеши, Иисусе мой, и враг льстец умерщвляется, умерщвленный же Адам оживляется, слава многому Твоему милосердию”. [269]

“Гряди, первозданная двоица, лика отпадшая горних, завистию человекоубийцы, горькою сластию древа древле вкушением, се Всечестное воистину Древо предгрядет”. [270]

“Где твое, смерте, жало, где твоя, аде, победа”.

И уступает страшный Херувим с огненным мечом свое место у райских врат. Входит в рай Христос Спаситель и вводит за Собой из адовых теснин праведников вместе с разбойником. И отныне райские двери охраняются не огненным оружием, но Честным Крестом:

“Не ктому пламенное оружие хранит врат Едемских, на тыя бо найде преславный соуз [271]*, Древо Крестное”.* [272]

“Тебе, приснопетое Древо, на немже простреся Христос, Едем хранящее 64обращающееся оружие, Кресте устыдеся: страшный же уступи, на тебе пригвожденному Христу, подающему мир душам нашим”. [273]

***

На Кресте приносится Жертва совершенная, Жертва исключительной Любви, прощения и смирения. На Голгофе, вблизи Иерусалима, на фоне панорамы Иерусалимского храма, где

---

[261] Постная Триодь, неделя 3, утро, канон, икос, гл. 7.
[262] Предпразднество Воздвижения 13 сентября, утро, седален по 3 песни, гл. 4.
[263] Воздвижение утро, по 1 стихословии седален, гл. 6.
[264] Октоих, гл. 5, среда утро, на стиховне.
[265] Воздвижение 14 сентября, малая вечерня, на Господи, воззвах, гл. 1.
[266] Завеса.
[267] Хождение игумена Даниила на Святую Землю (1106 — 1108).
[268] Октоих, гл. 2, среда утро, канон, п. 3.
[269] Там же, гл. 5, среда утро, канон, п. 3.
[270] Постная Триодь, неделя 3-я, вечер на Господи, воззвах, гл. 5.
[271] С греческого слово “уничтожение” переведено как “соуз”.
[272] Постная Триодь, неделя 3-я утро, канон, кондак, гл. 7.
[273] Воздвижение 14 сентября, утро, канон, гл. 8, п. 5.

приносилась жертва Богу в храме из мрамора и камня на жертвеннике, освященном кровью жертвенного животного, основывается новая Церковь, на новом жертвеннике, на Кресте из кипариса, кедра и певка. Святый Иоанн Златоуст говорит о ней так:

“Крест — жертвенник. Необычайная и небывалая жертва. В самом деле, Один и Тот же был и жертвой и священником; жертвою был плотию и священником духом. Один и Тот же приносил и был приносим плотию”.[274]

И от времен Христовых повторяется та же Жертва на престолах церковных. И от времен Златоуста повторяются его слова перед престолом: *“Ты бо еси приносяй и Приносимый, и приемляй и Раздаваемый”*[275]. А кровные жертвы, как уже ненужные и бессильные, не приносятся более.

“Окровавил еси Христе, персты Твоя, на Древе пригвождаем, иже приносимую бесом кровь древле, на пагубу приносящим преставил еси”.[276]

Посему и *“храма светлость раздирашеся”*. Во святом святых завеса церковная раздирается с верхнего края до нижнего и сим показует завершение ветхозаветных жертв, конец Моисееву закону.

“Завеса раздралась и Жертва принесена вне святаго святых”, — говорит Златоуст.[277] И далее:

“Крест Честной освящается Жертвою, становится украшением Церкви, державою и утверждением. Так как преступление произошло от древа, то поэтому Он пожелал пригвоздить эти начатки на древо, чтобы подобно тому как через древо произошло преступление, так через Древо же произошло и спасение”[278].

И от дня того, и древа того, нет более проклятых деревьев. Если проклято было древо из-за несвоевременного прикосновения к нему и вкушения от него первозданным человеком *(“неблаговременно причастно бывшее”),* то ныне новая тварь обновляется снисхождением Божиим, обожением нашей тварной природы и ожиданием новой, нетленной и просветленной, природы, новая тварь ликует, и древа в лесах и рощах шелестят своими листьями, легким ветром, *“гласом хлада тонка”* пригибаются, приходят, поклоняются и припадают ко Христу, Распятому на Древе. Самое естество древесное как бы радуется и величается, и Божественным распятием прославляется.

“Песнми да взыграют вся древа дубравная, тезоименитое Древо Креста зрящи, облобызаемое днесь”.[279]

“Да кропит вся земля радование, да веселятся древа дубравная, днесь обожена Всечестным Крестом”.[280]

“Да возрадуются древа дубравная вся, освятившуся естеству их”.[281]

***

65

“Крест — хранитель всея вселенная, Крест — красота Церкви, Крест — Царей держава”.

И через три столетия после Христа, равноапостольный Царь с праведной своей матерью обретают и воздвигают Честное Древо при множестве народа. И в воспоминание того всемирного воздвижения и ныне совершается в соборных храмах архиерейским служением сие воздвижение Креста. Под умилительное пение *“Святый Боже”*, сопровождаемое каждением и светильниками, медленно износится из алтаря Крест и на середине Церкви совершается чинопоследование воздвижения. Пятьсот раз звучит *“Господи, помилуй”*, то опускаемое то подымаемое в хроматической гамме. Вот совсем-совсем низко отстоит крест

---

[274] “О кресте и разбойнике” M. P. 49 col. 400.
[275] Молитва Херувимской песни на литургии Иоанна Златоуста.
[276] Октоих, гл. 2, пяток утро, канон, п. 8.
[277] “О кладбище и кресте”. M. P. 49 col. 396.
[278] О Честном и Животворящем Кресте. M. P. G. t. 49 col. 820.
[279] Постная Триодь, неделя 3-я, утро, канон, гл. 1, п. 9.
[280] Происхождение честных древ I августа, утро, канон, гл. 6, п. 4.
[281] Воздвижение 14 сентября , утро, канон, гл. 8, п. 9.

от земли, на одну лишь пядь отступая от нее, вот он снова поднимается выше и выше. Подымается согбенная фигура святителя, выпрямляются дикирии и трикирии, подымаются огоньки их в ровнях с крестом и возвышается он еще выше, вместе с голосами клироса подымаясь к небу и под высокое и торжествующее последнее троекратное *"Господи, помилуй",* осеняет крест всю вселенную, как когда-то руками Патриарха во дни Константина Царя. Тогда при воздвижении народ так же, как и теперь, вопиял *"Господи, помилуй"*. Являвшийся Константину Крест ограждает его державу, поборствует ему на враги, помогает наемникам его [282] византийским Василевсам Второго Рима и Московским Царям Третьего в их царских подвигах.

"Божественным судом предызбраннии, веселитеся, христианскии вернии царие, хвалитеся победоносным оружием, премше от Бога Крест Честный".[283]

Принимают они, Божии Помазанники, крест всего народа на себя, несут его на раменах своих, несут в течение всего своего подвижнического пути на Страшный Судный День, когда и ответят за него. Крест их утверждение, крест им держава и сила. Церковь в своих песнопениях, в живом опыте своего служения восхваляет, освящает и благословляет священную власть, Богом помазанную и ограждает ее державой Креста Христова, Крестом Царя Иудейского.

Крест охраняет и всю вселенную, всех нас грешных.

"Он есть для лежащих восстание, для стоящих утверждение, для немощных опора, для пасомых жезл, для обращающихся руководство, для души и тела спасение, ограждение всяких зол, виновник всяких благ, истребление греха, растение воскресения, древо жизни вечной", — как вещает св. Иоанн Дамаскин.[284]

"...Жезл силы, имже пасемся, оружие мира, егоже со страхом обстоят Ангели".[285]

Крест Честный найден в Иерусалиме и любезно всеми лобызается и почитается. На небесах же образу Креста совершается служение ангельских чинов. Мысленные полки бесплотных духов непрестанно кланяются таинственному и спасительному образу.

"Крест Пречестный, егоже обстоят чини ангельстии".[286]

"Ныне ангельския воинства копие носят Древо Честное, благоговейно окружающе".[287]

В древности, согласно церковному преданию, в Риме, к поставленному образу Креста трижды в год сходил Ангел с небес и кадил Крест.[288]

На земле люди веселятся Кресту, на небесах Ангелы радуются ему.[289]

"Крест — Ангелов слава и демонов язва".

Трепещут демоны, трясутся и злобствуют бесовские полки, в своей бессильной злобе и бесплодной, ибо Крестом прииде радость всему миру и погибель демонской силе.

66 *"На Кресте Тя пригвождена и уснувше ангельстии чинове видевше, устрашишася, Иисусе Всецарю, и побегоша абие бесовские полцы и сокрушишася вереи адовы и смерти мучительство низложися и иже во гробех мертвии воскресоша"*.[290]

"Ядовитую заушил еси змия злобу, заушен быв".[291]

И мы охраняемся силой Креста и побеждаем ею присно с нами борющегося *"князя тьмы и страстных сладостей родителя"*.

"Крест Твой ныне облобызающе умнаго Амалика побеждаем".[292]

---

[282] Напр. царю Мануилу в борьбе против сарацин. Праздник I августа.
[283] Воздвижение 14 сентября , утро, канон, гл. 8, п. 8.
[284] Точное изложение Веры Православной кн. 4, гл. 11.
[285] Предпразднество Воздвижения, вечерня, на стих., гл. 5.
[286] Воздвижение , великая вечерня на Господи, воззвах. гл. 6.
[287] Постная Триодь, неделя 3-я, малая вечерня на Господи, воззвах, гл. 6.
[288] Четья-Минея на 1 августа.
[289] Воздвижение 14сентября, вечер, на литии, стих., гл. 1.
[290] Октоих, гл. 5, среда утро, по 3 стихословии седален.
[291] Там же, гл. 7, среда утро, канон, п. 7.
[292] Триодь, неделя 3-я, утро, канон, гл. 1, п. 3.

“Подземных силы противныя Креста страшатся, начертаема знамения на воздусе”.[293]

“Падение есть бесом крестное стояние”.[294]

Вот это-то и есть неприемлемое, непонятное и непостижимое для рационализирующего ума, что велика и всемогуща сила Креста и его знамения. Крестное знамение — это не только воспоминание и привычка из далекого и забытого детства, это не просто жест и не только символ, не магическое, заклинательное мановение. Нет, это *реальная* сила, *реальное* оружие против врага. Если и есть что-либо страшное, если и есть вообще на свете что-либо опасное, то только сила зла, сила врага нашего и рожденное им зло и грех. Если и есть какое оружие и способ борьбы против него, то это молитвенное призывание имени Божия и силы Креста Его. Осени себя крестным знамением и этим самым оградишься от зла. Искушение ли, страх ли, бесовское наваждение, уныние, мечтание неподобное, похоть вредная — все сие погубит сила Креста. Не сомневаясь и с верой в Бога и в силу Креста ограждаем себя ею. Важно именно ограждение *крестным знамением*, а не просто какое-то беспорядочное и кощунственное махание рукой.

“Тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...”

“Иже Крестом ограждаемся, врагу противлямся, не боящеся того коварства и ловительства”.

Вот почему важно и безусловно необходимо учить этому детей, воспитывать себя, напоминать и следить за этим. Это вовсе не пустяки, не мелочь, не *“все равно”,* это не простое ненужное и мелочное обрядоверие, а известное и очень славное подтверждение веры.

Святой Иоанн Дамаскин так мудрствует: *“Крест дан нам в качестве знамения на челе, как обрезание Израилю; ибо через него мы верные различаемся и распознаемся от неверных. Он есть щит и оружие и памятник победы над диаволом”.* И мы верим в силу креста, верим безусловно, не по-современному, без *“если”*, без размышления в сердце своем, верим в то, что крестом мы можем все совершить. Иначе мы просто кощунствуем, кое-как болтая рукой перед собой, иначе мы не верим Церкви, иначе мы рационалисты.

Эта сила нам нужна в нашем пути подвижнического крестоношения, пути исповедания себя Христовыми учениками *“Крест есть щит веры, в немже можем вся стрелы лукаваго разжженныя угасити”.* Без подвига крестоношения нет христианства. *“А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми”* (Гал. 5, 24). *“Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе, возьмет крест свой и по Мне Грядет”.*

Идем, бредем, усталые, больные, слабые, грешные, неся кресты и крестики, странные, по странной земле, юродивые для мудрого мира, безумные для умных, *67* премудрые для безумных, мы, недостойные, изживающие свою жизнь. Идем и несем все кресты к тому Кресту, который сверкает вдали высоко, у стен невидимого Иерусалима Небесного. Там совершается поклонение ему, там лики Ангел и Архангел непрестанно кланяются ему, славословят его. Мы ожидаем тот день, когда явится на небе Крест — знамение Сына Человеческого и поведет после Страшного Суда праведников в райские чертоги. Ожидаем тот день и в ожидании несем свои кресты.

Непобедимая и непостижимая, божественная Сило Честнаго и Животворящаго Креста, не остави нас грешных!

Самовидцы Слова и слуги (Четверг)

“Верую... во Едину, Святую,
Соборную, Апостольскую Церковь”

---

[293] Воздвижение 14 сентября, утро, канон, гл. 8, п. 5.

[294] Октоих, гл. 2, среда утро, краегранесие канона.

В высоком иконостасе, живом памятнике неумирающей древней красоты церковной, в третьем ярусе, длинный ряд святых апостолов с обоих концов тянется к центральной иконе. Идут двенадцать, лик богоизбранный, свидетели жизни Божественного Слова, идут от обеих сторон, со слегка согбенными главами, с протянутыми руками. Склоненные фигуры выписаны царским изографом по древнему подлиннику, по преданию отеческому. Купно собранные, стоят они на другой иконе *"Собора святых двенадцати апостол"*. А с парусов главного купола четыре евангелиста, четыре благовестителя с символами своими, живые, как бы в образах вещающие, как бы в красках говорящие, поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие.

И в богослужебных книгах снова они, снова свидетели Слова, Его ученики, братья, сонаследники, *"сотаинники"*,[295] часто и на многих страницах вспомянутые и воспетые. В каждый четверг совершается память их и святителя Николая, а в лице их — память всего сонма всех святых святителей. Всем им — и двенадцати и семидесяти, — посвящены отдельные дни памяти. Празднуется их собор, и посвящаются им особые воспоминания и песнопения в нарочитые дни жизни Слова и их.

Следуя в течение всего церковного года шаг за шагом, день за днем по пути жизни Спасителя, с типиконом в руках по шершавым, закапанным воском листам Миней и Триодей, мы встречаемся с ними. То в весеннюю Неделю Антипасхи, слушая исповедание Фомино, то в Великий Четверг омывая свои души слезами умиления, как и Сам Спаситель в этот день умывает ноги их, то вместе с ними сиротеем в четверг Вознесения, то вместе с ними в день Троицы принимаем огонек Утешителя Духа, то озаряемся светом Фавора, то рыдаем и торжествуем с ними у одра Пречистой в Гефсимании в день Успения Ее, когда сам *"Источник Жизни во гробе полагается"*.

Вникнем же в то, что Церковь вещает нам в четверги Октоиха, во дни апостолов, в их святых иконах...

В Церкви все таинственно, у Бога все чудотворно. И мир этот, из ничего созданный, и жизнь, и рождение, и смерть, — все это чудо. И литургия, и освящение воды, и крещение, и пострижение, и брак, — все, все это чудо неисследимое, неуразумеваемое. И покаяние грешной души, и восстание падшего, и обновление унылого и безнадежного, умудрение немудрого, укрепление слабого. Все это таинственно и чудесно, ибо все сие совершается не по велению разума нашего, не по хотению нашей воли, а по благоизволению Божию, по благодати Духа Святого. Такова вся жизнь Церкви. *"Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющая"*, она чудотворит, она тайносовершает.

Совершается чудо преславное и великое. Господь избирает Себе учеников и слуг,

*68*сначала двенадцать (Мф. 10), потом и семьдесят (Лк.10, I). И вот, рыбаки и мытари становятся апостолами, некнижные — мудрецами, простецы — учителями и светильниками Света. Разве не чудо? Воистину тайна: простецы призваны открыть таинственные истины веры и наивозвышенной философии.

"Рыбарская трость любомудрых шатание, и витийския струи пренаверта, богомудрая учения, изображений догматы и таин благих ясно изложивше Евангелие"...[296]

"Господи, неизреченное таинство Твоего воплощения проповедаша немудрии, философов посрамиша, риторов рыбарие заустиша".[297]

Чудо — их призвание, чудо — весь путь их ученичества, чудо — и их просвещение. Ибо Сама Премудрость Божия их призывает и руководит через Господа Иисуса Христа, как через дверь входят они, Сам Дух Утешитель их научает воздыханиями неизглаголанными, и Его огнем они освящаются.

"Имуще Премудрость Самую учителя, умудристе, апостолы, вся концы".[298]

---

[295] Посстная Триодь, Великая Среда, повечерие, трипеснец, гл. 6, п. 4.

[296] 30 июня, вечер, на Господи, воззвах, гл. 4.

[297] Октоих, гл. 5, четверг утро, по 3 стихословии седален.

[298] Там же, Канон апостолам, п. 1. Сравни этот тропарь канона с каноном на Великий Четверг "Сеченное

“Дверь Сый, Иисус Бог наш и Господь, отверзи Свое апостолам познание”.[299]

“Некнижные ученики, Дух Твой Святый казатели яви, Христе Боже, и многовещанною связью языков, прелесть упразднi”.[300]

“...во апостолах возсия, Спасе наш, благодать Духа Твоего”.[301]

“...обновляет бо апостолов Утешитель, в них обновляяся таинственным обновлением разума”.[302]

“Петр витийствует и Платон умолче, учит Павел и Пифагор постыдеся: прочий апостольский богословляй собор, эллинское мертвое вещание погребает и мир совозставляет к службе Христове”.[303]

Дух Святый обновляет старое, немощное, и от сего ничего не остается. Вместо немощи — сила, вместо нищеты — богатство. Служением Слову и жизнию с Ним они проникают в глубину воплощения, от Него лично научаются сему:

“На земли воплощься, соделал еси ученики”.[304]

“Ученицы Спасовы, таин самовидцы бывше, Невидимаго и начала Неимущаго проповедасте, глаголюще: в начале бе Слово; не создани бысте прежде ангел, ни научистеся от человек, но от Вышния Премудрости”.[305]

Так столь трудно уразумеваемая и непонятная *“велия тайна благочестия”* им открывается и наглядно показуется.

И прияв крест Его и повинуясь подвигу крестоношения, они словом крестным побеждают безбожие и мудрость эллинскую и покоряют себе души, уловляют их в новые сети духовные.

“...Христовы язвы на божественном телеси вашем, яко утварь всеблаголепну носяще”.[306]

“Господи, апостолы спостигоша иногда убо сетями глубину морскую, иногда же высоту Царствия учения ради, ово убо (т.е. рыбачество) художеством непостижимую глубину испыташе, ово же верою неописанного Твоего недра достигоша и миру проповедаша безлетнаго Твоего Сына”.[307]

“Крестообразно распростерши мрежу веры двонадесятица божественных апостол Твоих вся языки уловила есть”.[308]

“Мир возненавидесте яже в мире и Христа возлюбисте”.[309]

Воистину все таинственно и чудесно в избрании и житии их. Весь путь их за Спасителем являет собою как бы дивный узор. Призывает их, ловцов рыб, чтобы уловлять человеков, приоткрывает книги божественной премудрости, поучает словом из уст Своих и Собою, Самим Божиим Словом, ведет от Иордана через всю Святую Землю, от их домов и рыбачьих лодок, через бурные ночи и тихие закаты к Кресту и Воскресению, через Елеон, Фавор и Сионскую горницу. Посылает их сначала в свой народ (Мф. 10, 5), а потом и во весь мир, *“почерневший мраком безбожия”.*[310] И *“во всю землю протече вещание их и прелестную объюроди мудрость немудрую”.*[311]

сечется”, нарочито же; 1 песнь, 1 тропарь 5 песни; 2 тропарь 9 песни по их особливой ясности и четкости учения о Премудрости (Софии) Божией, как единственно Сыне Божием, исключающем всякое суемудрие и празднословие наших дней.

[299] Октоих, гл. 5, четверг утро, Канон апостолам, п. 4.

[300] Там же, гл. 4, среда вечер, стихиры на стиховне.

[301] Триодь Цветная, Пятидесятница, стих. на литии, гл. 1.

[302] Там же, неделя вечер, стих. гл. 3.

[303] Триодь Постная, четверг, 3 седмица утро, трипеснец, гл. 6, п. 9.

[304] Октоих, гл. 3, четверг утро, Канон апостолам, п. 5.

[305] Там же, гл. 5, среда вечер, стиховна.

[306] Там же, гл. 5, четверг, утро Канон апостолам, п. 9.

[307] Там же, гл. 6, среда, вечер, стиховна.

[308] Там же, гл. 4, среда, вечер, на Господи, воззвах.

[309] Там же, гл. 2, четверг утро, Канон апостолам, п. 7.

[310] 30 июня утро, канон, гл. 4, п. 4.

[311] Октоих, гл. 4, четверг утро, седален по 2 стих.

“Не бойся, малое стадо!” (Лк. 12, 32). Сначала — малое стадо, потом — Вселенская Церковь. Посылает семьдесят, как агнцев (Лк. 10, 3) и двенадцать, как овец посреди волков (Мф. 10, 16) и снова чудо: *“богоизбранные овчата Пастыря Добраго”,*[312] сами становятся пастырями словесных овец:

“Яко пастыри суще словеснии
Яко агнцы Пастыря,
Яко овцы Агнца Избавителя нашего Христа
Боговидцы апостолы”.[313]

Потщимся и мы проходить следом за ними путь их служения, путь их духовного роста, проходить по Евангелию, по канонам и стихирам, по всем праздникам и дням церковного года, по живым воспоминаниям их жизни и проповеди. Живым потому, что и сами мы молитвенно переживаем и живем в Церкви этими моментами, молитвенно и тайнообразующе соприсутствуем и содействуем всякому празднику.

То неизвестные и незнающие *рыбари* Христа, то вдруг как призванные Им *слуги* Его, потом *ученики* и *апостолы*, потом *дети*, (Ин. 13, 33), затем *друзья* (Ин. 14, 14), потом *братия* (Ин. 20, 17). И Сам Пастыреначальник всегда с ними, и когда мы молимся с ними, то и Он посреди нас.

“Яко посреди учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир Твой даяй им, прииди и к нам и спаси нас”.[314]

Вот они по избранию своему: Андрей Первозванный, Иоанн (Зеведеев) Богослов, Петр (Симон, сын Ионы, Кифа). Филипп, Нафанаил (Варфоломей), Иаков (Зеведеев, “больший”), Матфей (Левий Алфеев), Фома-Близнец, Иаков Алфеев (“меньший”), Иуда (Левий, Фаддей), Симон Кананит (Зилот) и Иуда Искариот.

Но, кроме икон апостольского лика, в иконостасе и отдельно иконы собора их, и кроме четвергов Октоиха, Церковь выносит во дни памяти отдельных апостолов при пении полиелея икону каждого из них и ублажает его особыми, ему посвященными песнопениями. Вокруг икон этих мы снова молитвенно объединяемся с апостолами, наклоняясь над дивным филигранным узором и игрой красок, припадаем пред ними и из песнопений и молитв снова приносим неувядаемые венцы во славу их. Торжественны службы всех апостолов, но между ними особливо значительны некоторые.[315] Так, святому Апостолу и евангелисту Иоанну Богослову отправляется бдение, а праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла приравнивается по значению своему и важности к великим Господским и Богородичным праздникам, (как и праздник святого Пророка и Предтечи Иоанна). Ко дню первоверховных апостолов Церковь нас предуготовляет постом, на другой день по нем совершается *70*собор всех двенадцати апостолов.

Знаменательна память их, первоверховных, столь разных, но в то же время столь похожих и близких.

“Киими похвальными венцы увязем Петра и Павла, разделенные телеса и совокупленные духом”.[316]

Замысловаты и смелы сравнения их и параллели:

“Петр камень веры и Павел вития святых Церквей”.[317]

Петр принимает небесные ключи рая, Павел в рай восхищается, слыша неизреченные там глаголы (2 Кор. 12, 4),[318] Петр трижды отрекся и покаялся, Павел был прежде хульник и потом уверовал.[319] Церковь чтит и *“светлыя Петровы чудеса”* и *“честные знамения Павла”.*[320] Петр

---

[312] Там же, гл. 4, канон, п. 6.
[313] Там же, гл. 1, канон, п. 8.
[314] Там же, гл. 6, четверг, седален по 1 стих.
[315] Службы апостолам в Типиконе относятся к разряду полиелейных.
[316] 29 июня, великая вечерня на Господи, воззвах, гл. 2. Андрея Пиррского.
[317] Тогда же, на литии, гл. 2. Гераманово.
[318] 30 июня , утро, 1 канон, гл. 4, п. 5.
[319] Тогда же, вечер, на стих. гл. 4; утро 1 канон, гл. 4, п. 5.

“апостолов основание”, *“христиан начало”* и *“верховный ученик”*, Павел *“ловец язычников”*, *“светильник вселенной”*, *“апостолов исполнение”*.[321] Павел непосредственно Христом призывается к апостольству после Вознесения Христова, Петру же Христос первому из апостолов является в Своем восстании.[322] (I Кор. 15, 5; Лк. 24, 34). Различные по характеру, разные по образованию, по жизни и деятельности, по призванию к вере, все же они едины по духу своему, вера их объединяет в Едином Христе, вера их приводит к Единому краеугольному Камню, к подвигу, к крестоношению, к смерти за Спасителя.

“Кая темница не име тебе юзника, кая же Церковь не имать тя ветию: Дамаск великомудрствует о тебе, Павле, веде бо тя запята светом, Рим твою кровь приемый, и той хвалится, но и Тарс множае радуется и любит, почитая твои пелены; Петре — веры каменю, Павле — похвало вселенныя, от Рима сошедшеся, утвердите нас.”[323]

Они совершенно дополняют друг друга и идут единым путем. Недаром они, от Рима сошедшиеся, основополагают христианство там, основополагают, друг другу содействующе, без какого-либо оспаривания чести и власти, прав и приматов позднейшего честолюбия. Взаимодополнение их прекрасно выражается так: *“Благовествование Павла, есть граница примата Петра”*.[324]

***

С древней иконы смотрит лик седого и древнего старца, Апостола любви, любимого наперсника Христова, сына Грома, девственника Иоанна. Различно иконописное понимание его у латинян и у нас. Там он обычно представляется юношей нежной внешности, во всем окружении западного художества, в стиле католического, портретного, реалистического письма. Кисть же византийского и московского изографа представляет его старцем во дни Патмоса и Ефеса. Тщательностью вырисовки отличается только лик, он выписан тонко и любовно. Тело же, окружающая обстановка, прочие мелочи, признаны второстепенными и неважными. Декоративность в этой иконе отсутствует. Но прекрасно, темными вапами[325] выписан образ. Взор глубокий и далекий, умиренный и бездонный, один выражает все. Действительно, все остальное неважно, и даже мешает духовной устремленности взора старца. Он устремлен в ту неземную, иную совсем действительность, в ту иную реальность, из которой и сама икона, в бытие другого порядка. Приложенный палец к устам свидетельствует о том, *что* можно сказать и *о чем* должно умолчать. Над ухом Ангел, вещающий ему неизреченные тайные глаголы. Взор Иоанна во тьме прошлых веков провидит предвечное рождение Слова у Бога и в тумане грядущих тайнозрит и предрекает грядущие судьбы человечества: *“начало болезней и конец мира, в коей уже и времени не будет, как бы совершенно взор его умиряется в вечери брака Агнца. От совета Божия в вечность безначальную и до указания неизреченного наследия в вечности безконечной”*.[326]

Церковь и сему Апостолу уделяет особливое почитание и совершает дважды его память, знаменуя эти дни торжественными бдениями (8 мая — день Апостола и 26 сентября — преставление его). Данное ему первому великое звание Богослова, тайнозрение его и догматическое ведение его, любовь к нему Господа, его особая заботливость по отношению к Богоматери — все это наше богослужебное сознание прекрасно воплощает в своих стихирах и канонах.

Он, на вечери возлежащий рядом с Господом, полагает Ему на перси главу свою и как бы непосредственно напаяется духовного источника Божия Слова, почерпая оттуда эту

---

[320] Тогда же, утро, канон, п. 6.
[321] 29 июня, малая вечерня, на стих. гл. 2. подобен: Егда от древа.
[322] Тогда же, утро, канон, гл.4, п. 7.
[323] 29 июня , утро, ипакои, гл. 8.
[324] Протоиерей Сергий Булгаков. Сав. Петр. и Иоанн. Париж. 1926. стр. 41.
[325] Вапы — краски *(слав.)*
[326] Феофан Затворник. Толкование на послание Ефесянам, стр. 95.

премудрость богословствования:

“...на перси бо возлег, от них же почерпл еси премудрости догматы”.[327]

“Слово Единородное, тебе сказа, Безплотне Бога никомуже видети когда”.[328]

Из персей воплощенного от Девы Слова Божия он тайнозрит безлетное рождение Слова от Отца, узнает глубины Троичного бытия Божия, единосущия Ипостасей, исхождение Духа токмо от Отца и проявление Его в мире через Сына. Богословскому полету его мыслей и глубине его созерцания тайн Божиих соответствует и житие его. Свою веру и боговедение он воплощает и в жизни. Он находит применение догматам в своей нравственности. Недаром же именно им изложена беседа Спасителя с учениками Его, Первосвященническая молитва, это совершеннейшее изложение и нравственное объяснение догмата Святой Троицы (Ин. 17, 18 — 26).[329]

“Исполнь сый любве, исполнь бысть и богословия”,[330] характеризует Церковь его нравственно-богословский облик. Он совершенне соблюдает девство, и ему, как возлюбленному другу и девственнику *“Деву и Богородицу Христос Бог, распинаяся, предаде”*[331] и его *“яко в брата место прием, Своей Матери его возвести сына”.*[332]

Он сподобляется таинственного проникновения в даль и глубину сокрытых грядущих веков и слышит слова Спасителя: *“хощу да той пребывает, дондеже прииду”* (Ин. 21, 22). Церковь это воплощает в своем молитвенном переживании живой веры в евангелиста Иоанна, *“от земли переселяющагося и земли неотступающаго, но живуща и ждуща страшное Владыки Второе Пришествие”.*[333]

***

Из всех апостолов полагает начало мученичества брат Иоаннов, Иаков Зеведеев, *“первее убиваем”*[334] (Деян. 12, 1–2). (так называемый “больший”, не по возрасту, а по росту). Он вместе с Петром и Иоанном является свидетелем и избранным сотаинником особых чудес и моментов жизни Господа. Он свидетель Гефсимании, он соучастник Фаворского чуда. Вместе с братом удостаивается он наречения *“сыном Грома”* и, как огненный Илия восхотел, ревностью распаленный, попалить непокорных самарян, научается духу кротости и милосердия.[335]

И Апостолу Фоме, Близнецу “неверующему”, Церковь в своих песнопениях уделяет немалое молитвенное внимание, окрашивая его духовный облик оттенком особой любви и почитания, как бы заботливо защищая и ограждая его память от возможных, неосновательных упреков в скептицизме и маловерии, ибо эти упреки безосновательны. В евангельском повествовании святой Апостол встает перед нами как пытливый ученик с желанием разумной, обоснованной веры (Ин. 14, 5), как пылкое и горячее сердце

(Ин. 11, 16), поступок весьма сродняющий и приближающий аналитическую, разумную веру его к Петровой пылкой и горячей). Поступок Апостола по Воскресении Христовом все же не содержит скептицизма, а лишь подтверждает жажду разумно обоснованной веры в нем и посему Христос все же не отвергает Апостола, а дает ему возможность исповедания этой веры. Интересно, что отсутствие Фомы среди учеников во время явления Христа по Воскресении десяти апостолам (Ин. 20, 24–29 — пятое явление по Воскресении) снова повторяется по церковному преданию и в день Успения Богоматери, когда святой Фома опять-таки не присутствовал этому событию и получил подтверждение своей вере снова, по прошествии нескольких дней.

---

[327] 8 мая , малая вечерня на Господи, воззвах, гл. 2.
[328] Тогда же, утро, канон, гл. 8, п. 6.
[329] Архиепископ Антоний. Нравственное объяснение догмата Святой Троицы.
[330] Тогда же, великая вечерня на Господи, воззвах, слава, гл. 2.
[331] Тогда же, великая вечерня на литии, гл. 1. Андрея Пирра.
[332] Тогда же, утро, канон, гл. 8. п. 9.
[333] 26 сентября, малая вечерня на Господи, воззвах, слава, гл. 2.
[334] 30 апреля, утро, на хвалитех, гл. 8.
[335] 30 апреля, утро, канон, гл. 8, песнь 5.

Его кажущееся, на первый взгляд, по сравнению с пылкой верой сангвинического Петра, сомнение не есть маловерие, а наоборот, есть лишь тяготение к разумной и зрелой вере. Это отнюдь не скепсис, не рассудочная вера рационализма, не интеллигентское “разумничание”, а лишь обоснование разумной и сознательной веры. Вера не может быть неразумной, противной разуму, противной истине, ибо не бывает двух истин: одной — для ума, а другой — для веры, но есть Одна, Единая Истина.

И вот Фома испытует, чтобы не впасть в легковерие и суеверие, но и сам убеждается и всем нам дает разумное, прочное доказательство истины. *“Нет веры без знания, нет знания без веры”,* — говорит святитель Климент Александрийский. Знание основывается на вере; аксиома недоказуема, в нее нужно *поверить*, чтобы разумно *познавать*, доказывать на ее основании теоремы, и наоборот — всякая вера должна быть разумной, чтобы не стать легковесной, дешевым суеверием. Апостол любви вещает: *“Возлюбленнии, не всякому духу верьте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнозии лжепророцы изыдоша в мир”* (1 Ин. 4. 1; Евр. 11, 3). Церковь не воспрещает, а наоборот поощряет такую разумно обоснованную веру, и именно такая сознательная вера и есть основание богословствования. Церковь и отмечает это особое гносеологическое значение Фоминой веры, ибо Фомино *“неверие, веру известную роди”.*[336]

“Верным неверием твоим верных известил еси,[337] *яко Бога и Господа всея твари начен богословити, плоть понесшаго нас ради земных”.*[338]

“Всех неверие душегубное, неверование твое [339] *блаженне, исцеляет; ты бо несумненно гвоздей же и копия язвы испытал еси.*[340]

Важно отметить, что Церковь в своем литургическом понимании подмечает, так сказать, гносеологическую близость богословствования Иоанна и Фомы. Иоанн возлегает на перси Божественного Логоса, Фома осязает Его ребра, Иоанн оттуда почерпает глубокое смотрение богословия, Фома же сподобляется учить нас тайне Воскресения Христова.[341] Осязая ребро Спасителя, и, о чудо, не опаляясь, он почерпает *“неизследомую богословия пучину”,*[342] *“почерпает Божий разум”* от Самой воплощенной Божией Премудрости.

Прикосновение к ребру *“рукою любопытной”*[343] утверждает нас не только в Воскресении воплощенного Слова, но и в особых качествах Его прославленного Тела, прославленного в Воскресении, в Фаворском чуде, и дает нам как залог веру в состояние прославленности наших телес.

***

Близнец Фома своим *“верным неверием”* разумно обосновывает веру, дает гносеологически правильный подход религиозному сознанию. Филипп же Апостол своей жаждой лицезрения — созерцания Бога показывает нам другой характер религиозного ведения, *73* высшую ступень истинной веры. Его вопросом во время прощальной беседы Спасителя с учениками (Ин. 14, 7–10) *“покажи нам Отца и довлеет нам”*, он показывает особую устремленность и напряженность своей веры, желание как бы известных доказательств в религиозном опыте. Этот порыв в еще непросвещенном Духом сознании ученика так понятен, и это внесение некоторого эмпиризма в трансцендентное познание заслуживает краткий упрек Спасителя: *“толикое время с вами есмь и не познал еси Мене, Филиппе; видевый Мене, виде Отца, и како ты глаголеши: покажи нам Отца, не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне есть?”*

Сначала говорит Господь: *“аще бысте знали”* и далее: *“и не познал еси”,* а потом

---

[336] Триодь Цветная, неделя Фомы, вечер, стиховна, гл. 4.
[337] Упрочил, доказал.
[338] 6 октября, вечерня на Господи воззвах, гл. 4.
[339] Сомнение, недоверие.
[340] Тогда же, утро, канон, гл. 4, песнь 6.
[341] Триодь Цветная, неделя Фомы, великая вечерня, стих. гл. 4.
[342] 6 октября, утро, канон, гл. 4, п. 5.
[343] Тогда же, утро, 2-ой седален, гл. 4.

говорит: *“не веруеши ли?”* Снова сопоставление и различение знания и веры. Кроме того, просьба Апостола Филиппа о лицезрении Бога Отца имеет опять-таки важное значение для нашего правильного понимания веры и ее различных степеней высоты и совершенства. В вере разумной (не в рассудочности и рационализировании) не нужно и недопустимо эмпирическое смотрение, лицезрение. Оно есть знак несовершенной, слабой веры, желание доказательств, подтверждения правильности своей веры. Апостол и говорит, что *“Бога никтоже нигдеже виде”*. Но не только вполне уместно созерцание, но даже оно есть знак особо совершенной веры, особенного достижения в религиозном познании. Созерцание есть ступень и то совершеннейшая в религиозном опыте. (Cognitio immediata seu intuitiva Divinae tssentiae). И ответом Спасителя Апостолу Филиппу из момента веры исключается не созерцание, как благодатное достижение, как особый дар, а только лишь жажда эмпирического зрения, познания в категориях времени и пространства. Так и объясняет это богослужебная песнь:

“Деяние убо восхождение (достижение) истинного видения (чистого созерцания), видение же конец боголюбиваго деяния, блаженне положив, Христа молил еси Отчую славу показати тебе неизреченную.[344]

Возлежание Иоанна на персях Господа открывает ему недоведомую глубину догматов; *“неверование”* Фомы убеждает не только его, но и исцеляет *“душегубное неверие”* всех и показует нам тайну прославленного тела, благочестивое же дерзновение Филиппа научает нас тайне единосущия.

“Степень догматов благочестивых, твое тайноводство верным явися, тем бо (т. е. тайноводством) *Сына познахом соестественна и соединенна суща Родителю”*.[345]

Итак, в примерах Фомы и Филиппа нам не только указывается истинный характер веры, но и, благодаря им, нам вскрываются с Божия произволения особые догматические вопросы.

***

И всех их, учеников Слова, Его сотаинников и апостолов, прославляет Святая Церковь в песнях и иконах, словами и красками поет им и величает их. Прославляет она святого Андрея Первозванного — просветителя наших земель. Прославляет его, как *“Предтечевым светом воображеннаго, “Предтечевым гласом оглашеннаго”*.[346] (Апостол Андрей — ученик Иоанна Крестителя, Ин. I, 35). Прославляет его как “единокровнаго” брата верховного (Петра):[347] Андрея *желаемого Бога во плоти увидел*[348] и *“и обретает Желаемаго”*.[349]

“Поискал еси Христа, истиннаго Живота, и, взыскав, первый обрел еси, обрет же тайне приял еси, и прием Сего... и был еси сокровище жизни нетленныя”.[350]

74 Прославляет Церковь и Апостола и Евангелиста Матфея, *“евангелиста от мытарства”*[351] того, который *“мытарства иго отверг и правды игу припряглся”*[352] (Мф. 9. 9; Мр. 2, 14; Лк. 5. 27).

Поет и величает Апостола Матфея, *“исполнение двоенадесятых ученик”*,[353] которого Сам Дух избирает [354] (Деян. I, 26).

“Матфие Апостоле, лик божественный наполнил еси, из негоже Иуда испаде”.[355]

---

[344] 14 сентября, вечер, на Господи, воззвах, гл. 6. подобен: “Все отложше”.
[345] Тогда же, утро, канон, гл. 6, п. 3.
[346] 30 ноября, вечер, на Господи, воззвах, гл. 4.
[347] Тогда же, слава, гл. 4. Анатолиево.
[348] Тогда же, на литии, гл. 8. Маллакса.
[349] 30 ноября, утро, кондак, гл. 2.
[350] Тогда же, 2-й канон, гл. 1, п. 5.
[351] 16 ноября, утро, канон, гл. 4, п. 6.
[352] Тогда же, утро, кондак, гл. 4, п. 6.
[353] 9 августа, утро, канон, гл. 8, п. 9.
[354] Тогда же, песнь 3.
[355] Тогда же, вечер, на Господи, воззвах, гл. 1.

Греческий синаксарь (у нас не переведенный) в стихах говорит:

“Исходит Иуда, возвышаясь на петле,

Входит Матфий, возвышаясь на древо”.[356]

Величает Церковь и чтит и Симона Кананита, *“тезоименитаго ревности”* (Зилота),[357] Варфоломея, *“сообразнаго страстем Учителя”,*[358] распятого головой вниз, Иакова “меньшаго”, *“не яко Алфеева сына, но яко апостола Христова почитающе.”*[359] Наконец, почитает в лике двенадцати и Иуду Алфеева.

В службе каждого из них Церковь находит ряд примечательных слов и похвал для величания их подвигов, имеющих более личное, биографическое для них значение, посему нами здесь и не упоминаемых, как не столь характерных и для нас важных.

В один день с первоверховным, а также и купно в лике двенадцати, Церковь празднует память и “тринадцатаго Апостола” — Павла. Он и вне их лика, и в то же время и неотделим от них. Он дополняет их и, как уже выше указывалось, неразделим по духу и воспоминаниям с Петром.

***

Итак, Божиему домостроительству, Премудрость Его для проповедания Своего воплощения и откровения от века утаенных таинств избирает немудрых и некнижных простецов, обращает их и Духом Святым просвещает на подвиг проповедания и управления Церковью. Наше богослужебное сознание характеризует высоту их нравственного совершенства особым названием *“вторых светов Божией светлости”*.[360] Этот эпитет наше литургическое богословие по преимуществу усвояет ангелам как непосредственным предстоятелям Божьего Престола. Апостолы же им уподобляются, как по своему равноангельскому житию, так, главным образом, вследствие непосредственного предстояния и служения Самому Воплощенному Свету Христу.

Христос Господь, Источник живота, оставляет их как реки, напояющие всю подсолнечную.[361] Солнце правды испускает их как лучи просвещения. Краеугольный камень избирает их как камени веры, для созидания[362] и составляют они *“апостольское сословие”.*[363]

***

Каждый четверг Церковь празднует их общую память и купно с ними святителя Николая, в лице коих и почитается весь святительский (епископский) чин, и, таким образом, этот день является по преимуществу днем особого прославления Церкви. Здесь совершается как бы молитвенное переживание исполнения Церкви, ее соборности, кафоличности. Но, кроме того, замечательны и некоторые особые дни в течение года, связанные с памятью апостолов.

Великий и Страстной Четверг, день установления Таинства Евхаристии, день всеобщего соборования, освящения мира, омовения престола, день омовения ног. *“Сеченное сечется море чермное...”* — примечательный по глубине мыслей канон великого дня того. Особой важности воспоминания соединяются в этот день: и предание учеником, и Тайная Вечеря, и умовение...

“Днесь Иуда оставляет Учителя и приемлет диавола, днесь Иуда притворяет благочестие отчуждается дарования, сый ученик бывает предатель”...[364]

---

[356] Тогда же, синаксарь.

[357] 10 мая, вечер, канон, гл. 4, п. 9.

[358] 25 августа, утро. канон, гл. 4, п. 9.

[359] 9 сентября, вечер, на стиховне, гл. 5.

[360] 30 июня, утро, на хвалитех гл. 4.; 2 июня, утро, канон, гл. 2. песнь 5.; 19 июня, утро, канон, гл. 5, песнь 1 и многие другие.

[361] Октоих, гл. 1, четверг, Канон апостолам, п. 7

[362] Там же, гл. 4, четверг утро, седален по 3 стихословии.

[363] Там же, гл. 4, четверг утро, Канон апостолам, п. 9.

[364] Великий Пяток, утро, 4-й антифон, гл. 5.

“Ученик хлеб приемый, по хлебе отлучается”...[365]

“Лобызаеши и продаеши, Иудо, целуеши и не стыдишися лестию притекий. Кто, ненавидя, лобызает? Кто, любя, предает по цене?”[366]

Возлежат ученики с Господом на вечери. Говорит Господь о предателе Иоанну, лежащему пред ним и по временам главу склоняющему Ему на перси, и потому именно Иоанну, замечает синаксарь, что *“аще бо ведал Петр слово”*, (лежащий рядом, позади Спасителя), *“аки сый иных теплейший Иуду убил бы бяше”.*

И вот, Сама воплощенная Премудрость Божия открывает ученикам Своим великое таинство Своего вочеловечения, устанавливает таинство Евхаристии.[367] Великий и исключительный момент в догматическом учении о Церкви. Открывается самая евхаристичность Ее. Церковь — Тело Христово, мы — уды Его. Христос в Евхаристии дает нам Свое Тело ради приобщения, то есть соединения, крепкой внутренней связи, и только, приобщаясь Тела можно быть реальным членом Церкви. Вкушаем Тела и Крови, принимаем их в себя так, что они проходят во все составы наши, в кости, в утробу, в сердце, проникают все наше существо, освящают его, обожают и нас, приявших Тела, то есть самой Церкви, вводят в нее, “оцерковляют” нас. Церковь сама себя дает верным. Великий Четверг — установление Таинства Евхаристии, Великий Четверг — исполнение Церкви. Каждый Четверг — постоянное воспоминание сего же.

Церковь не есть лишь иерархия или клир. В Церковь входит и народ, “хранитель благочестия”, но именно лишь как *хранитель*. Управление же Церковью только в руках епископата, а не клира и мирян. Только епископы вещали и решали как полноправные члены соборов. Церкви глубоко чужд и не свойствен демократизм и плебисциты наших дней. Церковь не народоправство церковного народа, она не демократична. Церковью управляет соборное начало иерархов и только их. Но и собор не есть церковный парламент, как и Церковь не есть христианизированная демократия. В четвергах своих Церковь празднует память именно епископов (первых в лице апостольского лика и последующих в лице священноначальника Николая) и только их. Им выделяется особое место в чине церковном, в православной хеортологии (учении о праздниках).

Церковь движима и управляема и освящаема Святым Духом, и посему-то в тот же день Великого и Страстного Четверга совершается в Патриарших церквах после освящения Даров освящение святого мира. Им преподается благодать Святого Духа, как *“печать дара Его”* всем верным при вступлении на подвижнический путь крестоношения христианского (сразу по крещении, а не по наступлении семилетнего возраста, как мыслят западные еретики). Им помазуются Цари при вступлении на путь царского подвига крестоношения.

76 А на темной доске дивных древних писем, в иконе “Шестоднева”, в четверге его живописаны снова они, *“самовидцы Слова и слуги”,* вокруг Его, склоненного пред ними и умывающего ноги их.

В каждый Великий Четверг мы мысленно молитвенно переносимся в Сионскую горницу, вспоминаем Тайную Вечерю Спасителеву, установление спасительного и животворящего Таинства Святого Тела и Крови. В каждом таинстве умовения ног, совершаемом епископом посреди церкви, мы совершаем молитвенное воспоминание того же великого события; мы как бы сами переживаем с апостолами трепетные моменты того дня. Укрепляется взаимная молитвенная связь наша с ними и в каждой хиротонии, когда через возложение рук святителя с Неба сходит на главу посвящаемого огонь благодати Духа, через руки святителя как бы протягивается невидимая связь ко всем прежде почившим святителям и через них все далее и далее в глубину прошлых веков, к самим апостолам и к Самому Пастыреначальнику. При каждом чтении молитвы хиротонии “*Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая...”* восстанавливается та связь и от дня вот этой хиротонии

---

[365] Великая Среда, повечерие, трипеснец, гл. 6, п. 8.

[366] Великая Среда, повечерие, трипеснец, гл. 6, п. 4.

[367] Тогда же, песнь 9.

идет через тьму веков ко дню всеапостольской хиротонии, к сошествию огненных языков Духа, к Тайной Вечери, к *“евхаристии Церкви”*.

В Великий Четверг приобщаются апостолы Телу Христову, в Четверг Вознесения сиротеют. Херувимы удивляются, видя Бога, на облаках восходящего, апостолы рыдают, наполняясь скорбию, *“Отец ждет, Егоже в недрах имать соприсносуща”*.[368] Снова остаются одни ученики Его, ожидая обещанного Святого Духа. С ними и Церковь ждет, пятьдесят дней не слыша давно уже не петое *“Царю Небесный”*, чтобы в день Троицы получить Его в огненных языках.

И в день пятидесятый совершается это новое чудо. Церковь на земле основывается, апостолы посвящаются *“теловидным сошествием”* на них Святого Духа. Глаголятся странные языки, точатся исцеления, совершаются чудеса, служится первая литургия, воспоминание Великого Четверга, приносится Безкровная Жертва (Деян. 2, 46). Завершается чудо. Сперва призвание, потом приобщение тайне Тела и Крови и наконец посвящение, хиротония огненными языками. Сначала как бы наречение, потом и хиротония. Рыбаки, ученики, дети, друзья, братия. Агнцы, овцы, пастыри, епископы. Малое стадо — Вселенская, Соборная Церковь. Заканчивается и завенчивается исполнение Церкви.

“Божественная благодать всегда немощная врачующая, и оскудевающая восполняющая”.

“Молитвами святых апостол Твоих и святителя Николая, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных, аминь!”[369]

Не рыдай Мене, Мати
(Пятница)

Всё богослужение Святой Православной Церкви со всей вселенской чистотой и ясностью раскрывает догматический смысл и значение личности Пресвятой Богородицы; но литургическая концепция Пречистой Девы выявляется с особой полнотой и совершенством в тех песнопениях и чинопоследованиях, которые стоят в непосредственной связи со страданиями Ее Сына, с догматом искупления и моментом Воскресения. В устах православных песнописцев, создателей нашего богослужения, личность Божией Матери, Ее человеческие переживания и Ее сознание выступает с поразительной отчетливостью и яркой поэтической цельностью. Весь богослужебный материал Триоди Постной, равно как и некоторые песнопения Октоиха и Цветной Триоди, являются прекрасным примером церковного творчества именно в этой области. По так называемым “Крестобогородичным”[370] песнопениям Триодей и Октоиха, “Канону о Распятии и на плач Богородицы”,[371] “Похвалам” и “Канону утрени Великой Субботы”[372] вырисовывается с особой точностью и

[368] Триодь Цветная, Вознесение, великая вечерня на Господи, воззвах, гл. 6.

[369] Богослужебный материал освещаемого вопроса заключается в:

а) службе каждого четверга в Октоихе. б) Службах четвергов Триодей Постной и Цветной. в) 30 июня — Собор святых апостолов. г) 30 ноября — день святого Апостола Андрея Первозванного. д) 8 мая — день святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. е) 26 сентября — день преставления того же Апостола. ж) 29 июня — день святых первоверховных Апостол Петра и Павла. з) 14 ноября — день святого Апостола Филиппа. и) 11 июня и 25 августа — дни святого Апостола Варфоломея. к) 30 апреля — день святого Апостола Иакова Зеведеева. л) 16 ноября — день святого Апостола и Евангелиста Матфея. м) 6 октября — день святого Апостола Фомы. н) 9 октября — день святого Апостола Иакова Алфеева. о) 19 июня — день святого Апостола Иуды Алфеева. п) 10 мая — день святого Апостола Симона Зилота. р) 9 августа — день святого Апостола Матфия.

[370] Авторами крестобогородичных являются преподобные Феодор Студит (†826) и Иосиф Песнописец (†983).

[371] Канон, творение Симеона Логофета (†970), глас 6, поется на малом повечерии в Великий и Святый Пяток; поется в келлиях, посему Триодь Постная греческого издания его не содержит.

[372] Канон утрени Великой Субботы (“Волною морскою”), гл. 6, написан Марком монахом, епископом Идрунтским (1–6 песни), инокиней Кассией (ирмосы) (род. 810), и св. Косьмой — епископом Маиумским (6–9 песни) (†793). Марк монах или епископ Идруитский — автор известных в литургике так называемых

красочностью Образ Пречистой Девы Марии у Креста Сына Ее и Господа.

В этих песнопениях с особой поэтической красочностью, большим мастерством и напряженным благоговением описаны минуты невыразимого горя, человеческого, материнского страдания, переживания величайшей потери, некоторой оставленности, одиночества во всем мире. При чтении этих стихов с церковного клироса раздаются неутешные рыдания, точно устами Пресвятой Девы стенает вся Церковь Христова. В этих святых словах изображено все глубокое, просвещенное, озаренное сознание Божией Матери, Ее сознание, озаренное восполняющей силой благодати Святого Духа, Ее боговедение, проникновение в тайны всесовершенного бытия Божия. Кратко описанный в Священном Писании, как бы мельком очерченный образ Пречистой Девы, встает с поразительной яркостью и полнотой в Священном Церковном Предании, в этих немногих и таких знакомых песнопениях Великого Поста. Любовь к контрастам и неожиданным сравнениям характерна для византийского церковного творчества времен св. Феодора, Косьмы и Иоанна Дамаскина, облекает эти молитвенные воздыхания в особенно привлекательную форму и придает им исключительную живость и сочность красок.

В нашем религиозном мышлении образ Богоматери всегда связывается с каким-либо Ее праздником, либо с одной из Ее явленных икон. Земная же жизнь Ее от момента Сретения Ее Елизаветою и до Успения особо не отмечается в нашем религиозном сознании и библейско-историческом повествовании. Ее Личность в этот период всецело поглощается личностью Сына и Господа нашего. Несколько кратких замечаний евангелистов о Ней на протяжении всей проповеди Спасителя, момент Ее предстояния Кресту, ограничивают наши представления о Ее образе. Самый момент Голгофы заполняет собой все искупительные страдания Господа Иисуса, заслоняет чисто человеческое страдание Матери Его. Радость Церкви, радость Вселенной, всей твари о Воскресении заставляют померкнуть всю безконечную и опять-таки и человеческую радость Богоматери.

Литургическое переживание момента Голгофы со всей полнотой и доступной человеческому языку ясностью обрисовывает образ Божией Матери, с любовью и благоговением подходит к самым сокровенным страданиям Богородицы и дает нам верное понятие того, о чем умолчали в Священном Писании святые апостолы, но что сохранило в себе живое церковное ведение.

***

Церковные песнопения Великого Поста о Богоматери переносят нас непосредственно к моменту страданий Спасителя и предшествовавших сему событий. Настроение и переживания Пречистой Богородительницы вырисовываются ярко на протяжении всех

*78*этих событий. Ког*да “поведоша Его на пропятие и задеша Симона Киринейска понести Крест Его”*, то за ними всеми шла и группа жен, и среди них *“усердно последоваша”* Пресвятая Дева. События ночи и утра, суда у первосвященников и Пилата, оставление Господа всеми учениками, все это было в Ее сознании и памяти. Она вспоминает огненного Кифу и возглашает про себя:

“Страха ради иудейска, Петр скрыся, и вси отбегоша вернии, оставльше Христа”.[373]

От усталости и страданий этой ночи подкашивались ноги, казалось — не было более сил идти, следовать за Господом. А Он все шел вперед, подводя страждущую вселенную к ожидаемому и близкому последнему моменту на всем тяжком пути искупления, к крестным страданиям. Агнец, взявший на себя грехи всего мира, торопится на заколение, на язвы за грехи наша, на муки за беззакония наша. И Агница вопрошает Его:

“Чесо ради скорое течение сие, Долготерпеливе, течеши неленостно; Иисусе вожделеннейший, Безгрешне, Многомилостиве Господи, даждь Ми слово, Рабе Твоей”.[374] Святой Сладкопевец Роман вещает нам далее о переживаниях Богородицы:

“Марковых глав”, особых правил нашего Устава.

[373] “Канон о Распятии и на плач Богородицы”, гл. 6.

[374] Четверток, 2 седмица, вечерня, на стих. крестобогородичен, гл. 5.

“Како идеши, Чадо, чесо ради скорое течение совершаеши?”[375]

Как бы вопрос и недоумение рождается в сердце Ее:

“Еда (разве) *паки другий брак есть в Кане Галиллейской, и тамо ныне тщишися, да от воды им вино сотвориши? Иду ли с Тобою, Чадо, или паче пожду Тебе? Даждь Ми слово, Слове, не молча мимоиди Мене, чисту соблюдый Мя”...*[376]

И шествует Агнец к заколению за весь мир, не на новый брак грядет, но на страдание; не к тому, чтобы сказать: *“что Мне и Тебе, Жено, не у прииде час Мой?”,* но чтобы прославить всех в час этот; не от воды вино сотворить, но от пречистого ребра Своего кровь и воду излить, излить кровь Свою Нового Завета, во оставление грехов многих людей. И рыдает Пречистая, следуя за Ним (Лк. 23, 27–28).

И *“пришедше на место, нарицаемое Голгофа, еже есть глаголемо Краниево место, даша Ему пити оцет с желчию смешав: се вкушь, не хотяше пити”* (Мф. 27, 33–34).

И от горечи желчи, Пресвятая Богородица, *“уязвляшеся сердцем горце”.*[377] *“Бе же час третий и распяше Его”* (Мк. 15, 25).

На Голгофском холме стояла Пречистая, и на глазах Ее римские наемники с еврейскими законниками совершали казнь Того, Кто пришел освободить их от клятвы законной. Пригвождали пречистые руки Его и ноги ко Крестному Древу и сие водружали.

“Слава долготерпению Твоему, Господи, слава Тебе!..”

“Гвоздьми Тя Кресту пригвождена Мати Твоя, Слове, зрящи, гвоздьми печали горькия пронзает и стрелами душу”...[378]

И вспомнилось тогда пророчество старца во храме, в сороковой законный день (Лк. 2, 35).

“Увы, Симеоново совершися пророчество: Твой бо меч пройде сердце Мое, Еммануиле!..”[379]

“Меч пройде, о Сыне, Мое сердце, и терзает Владыко, якоже древле Симеон Мне предрече, но возстани и спрослави, Безсмертне, Матерь и Рабу Твою, молюся”...[380]

И встают перед очами рождение в Вифлеемской пещере и ясли. И вспоминаются Ею те первые минуты земной жизни Того, Который уже рожден прежде всех веков от Безначального Отца, те первые минуты Ее Материнской радости, когда Она, по выражению церковной песни, *“Ему приникше, рабски поклонися”*[381] в пещере Вифлеемской. Рождение преславное и пречудное, Рождение, в коем, как и до и после него Она пребыла Девою, Рождение браконеискусное, безболезненное, чудесное... и вот теперь чудо новое и таинственное Ей является:

“О, преславного чудесе, о таинства новаго, о ужаснаго начинания! — Дева глаголаше, на Кресте Тя виде. Его же неболезненно породи”[382] и далее глаголет Она: *“не презри Мене, Щедре, молча, Тя странно рождшую, Боже Всещедре!”*[383]

“Что чудное и изящное... Болезни, ихже не имех внегда родити Тя, Сыне, острии касаются сердца Моего”.[384]

“Болезни избегше в Рождестве Твоем, ныне болезненно уязвляюся”...[385]

Контраст смерти Безсмертного, страданий Безстрастного, смерти всем жизнь

---

[375] Святой и Великий Пяток, утро, икос, гл. 8.

[376] Там же. Сей икос с кондаком представляет собой лишь пролог и 1 строфу дивной песни св. Романа Сладкопевца, под названием “Плач Богоматери”, ранее целиком употреблявшийся при богослужении.

[377] Святой и Великий Пяток, вечерня, на Господи, воззвах, гл. 2.

[378] Святая и Великая Суббота, утро, непорочны, похвала 91.

[379] Тогда же, похвала 121.

[380] Вторник ваий, вечерня, на стиховне, крестобогородичен, гл. 1. о том же см. и Пятница ваий, утро, по втором стихослов. седален Господина Иосифа, крестобогородичен, гл. 4.

[381] 6 декабря, великая вечерня, на Господи, воззвах, и ныне, гл. 6.

[382] Вторник, 1 седмица, вечерня, на стих. крестобогородичен, гл. 8.

[383] Четверток, 2 седмица, вечерня, на стиховне крестобогородичен, гл. 5.

[384] Пяток, 2 седмица, вечерня, на стиховне крестобогородичен, гл. 8.

[385] Понедельник, 4 седмица, утро, трипеснец господина Иосифа, гл. 8, п. 1, богородичен.

Подающего, подмечены и переданы с особой свойственной церковной поэзии VIII–IX веков тонкостью и жизненностью. Византийское церковное искусство здесь превосходит себя, в этих песнопениях безсмертные святые песнописатели достигают эпогея своего творческого дара.[386]

“Дева и Матерь, Твоя, Христе, на древе зряща. Тя мертва простерта, плачущи горько: Сыне Мой, — глаголаше, — что страшное сие таинство, всем даруяй живот вечный, волею на Кресте како умираеши смертию поносною”...[387]

“Содержай всю тварь на древо вознесен еси, и умерщвлен всем даруяй живот”...[388]

“Чадо, како страждеши естеством безстрастный, всяко хотя род человеческий от тли свободити”...[389]

“Жизнь, како умираеши?..”[390]

“Како осужден, хотя всем судити, видится висяй славы Господь”...[391]

“Гроздь зрелый, како на древо обесился еси. Солнце Славы, како взялся еси... сияние солнца омрачая, Спасе, Страстию Твоею”...[392]

“Мановением Твоим колеблеши видимый мир, Распинаемый, пребываеши же висимый”...[393]

“Како, Жизнь всех, приобщаешися смерти, оживити умершия хотяй яко благоутробен”...[394]

“Что Ти воздаде еврейский беззаконный собор безблагодатный, многих и великих Твоих даров, Сыне, наслаждейся”...[395]

В сознании обрадованной Марии радость заменяется горем, вместо тихой улыбки благодатного озарения, слезы капают из Пречистых очей Ее. Песнописец говорит:

“Жрет Тебе (то есть, приносит Тебе в жертву) *жертвы слезныя Рождшая Тя, Христе”...*[396]

“О, сладчайшая Моя Весно”...[397]

И после воспоминаний всей жизни Господа, всех Его чудес, Каны Галиллейской, Сретения Симеоном Богоприимцем, Рождества нетрудного и безболезненного, вспоминает Дева и Матерь тихий, мартовский, светлый день Благовещения, день обрадования, чудесного посещения посланцем Вышних Сил Архангелом Гавриилом.

“Вопияше, кричащи, плачем рыдающи: сицевая ли Ми Гавриил радости приносяше Благовещения, Чадо; отъыди исполнити неизреченный совет и божественное смотрение”...[398]

“Где, Сыне Мой и Боже, Благовещение древлее, еже Ми Гавриил глаголаше: Царя Тя, Сына и Бога Вышняго нарицаше”...[399]

80 Невольно вспоминается момент той весенней радости Благовещения и сопоставляется со скорбью нынешней весны. Так понятен и близок вопрос “где радость Благовещения?” Неужели же Благовещение было к смерти и только к смерти? Церковное

---

[386] О том же безболезненном рождении говорится и в других песнях, так например: среда, 3 седмица, утро, на стих. крестобогородичен, гл. 2; пяток, 2 седмица, утро, по 3 стихословии, седален, гл. 5; пяток, 4 седмица, утро, канон, гл. 8, п. 1. Канон о Распятии, п. 3; Великая Суббота, похвала 76 и другие.

[387] Среда, 1 седмица, утро, по 2 стихословии, седален, гл. 2, крестобогородичен.

[388] Тогда же, на стиховне, крестобогородичен, гл. 8.

[389] Понедельник, 4 седмица, утро, трипеснец господина Иосифа, гл. 8, п. 8.

[390] Вторник, 4 седмица, утро, трипеснец господина Феодора, гл. 8, п. 9.

[391] Среда, 4 седмица, утро, Канон Кресту, господина Феофана, гл. 4, п. 1.

[392] Тогда же, там же, п. 5.

[393] Тогда же, там же, п. 9.

[394] Пяток, 4 седмица, утро, по 3 стихословии, седален, гл. 4, крестобогородичен.

[395] Среда ваий, утро, по 3 стихословии, седален, господина Феодора, гл. 3.

[396] Святая и Великая Суббота, похвала 89.

[397] Тогда же, похвала 147.

[398] Среда, 4 седмица, утро, ексапостиларий, крестобогородичен.

[399] Канон о Распятии, п. 7.

сознание тонко схватывает все это. Литургическое переживание этих двух моментов так ярко и выразительно. Невольно сопоставляешь эти два момента жизни Пресвятой Девы: Благовещение — первую радость пробуждающейся весны, голубое “богородичное” облачение, лазурные тона в церкви, — и Великую Пятницу. Толпы молящихся в весенний, благодатный день, торжественная всенощная при сиянии свечей в переполненном храме и сегодняшнее краткое замечание устава об этой “плачевной” службе: *“повечерие же поем в келлиях”*; радостный перезвон всех колоколов, медный гимн всех церквей: *“Благовествуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!”*, и сегодняшнее заунывное, строгое *“клепание в било”* и келейное пение *“Канона о Распятии и на плач Богородицы”*. На шестой песни раздается трогательно-знакомый погребальный ирмос: *“Житейское море воздвизаемое зря, напастей бурею”*.

Образ Пресвятой Девы Богородицы становится таким законченным, полным, ярко выписанным. Самые переживания Богоматери, Ее душевные муки и горе описаны в этих богослужебных стихах с такой ясностью и реализмом, что как бы видится перед глазами этот Образ безграничного страдания, видится с поразительной отчетливостью каждое выражение Ее, каждая тень печали на Пречистом Лике... Встают в памяти все дивные наши иконы снятия со Креста, погребения, все древние московские, киевские, хилендарские плащаницы, икона Божией Матери “Страстная”. Чисто человеческое страдание, полное реализма, совмещается в дивной гармонии с божественным осиянием благодатного образа. Песнописец в таких ярких красках рисует эти моменты, словами такого реализма описывает скорбь.

“Дево Нескверная не терпяще утробнаго уязвления власы терзающе, глаголаше...”[400]

“Предстоящи... безсеменно Рождшая Тя и не терпящи зрети неправедно страждуща рыдаше с плачем и вопияше Ти: Како страждеши естеством Безстрастный, Сладчайший Сыне”...[401]

“Пречистая воздыхала еси слезящи, и вопияла еси горько: увы, Мне, Чадо Сладчайшее”...[402]

“Болезненно вещаше: увы Мне Чадо Мое, что сие сотворил еси: красный добротою паче всех человек, бездыханный, беззрачный являешися, не имея ни вида ниже доброты, увы Мне, Мой Свете. Не могу спяща зрети Тя, утробою уязвляюся и лютое оружие (собственно — меч) *сердце мое проходит”...*[403]

“На Кресте Тя видяще пригвождена... уязвляшеся Матерним милосердием (состраданием), *Сына бо позна Своего”...*[404]

“Уязвляшеся сердцем горце и стенящи болезненно из глубины души, лице со власы терзающи; тем же и в перси биющи, взываше жалостно: увы Мне, Божественное Чадо, увы Мне, Свете мира, что зашел еси от очию Моею, Агнче Божий”...[405]

“Сына Моего и Господа Моего лишена бых: увы Мне, болезную сердцем”...[406]

“Хотела бых с Тобою умрети, не терплю бо без дыхания мертва Тя видети”.

“...ибо зашел еси, Сыне Мой, от очию Моею”...[407]

А на девятой песни канона, песни всегда посвященной Ей, Царице Небесной, и о Ней, и о радости Ее повествующей, на столь знакомый погребальный ирмос слышится:

“Радость Мне никакоже отселе прикоснется, не оставлю Его Единаго, зде же умру и

---

[400] Вторник, сырная седмица, вечерня на стиховне, крестобогородичен, гл. 1.

[401] Среда, сырная седмица, утро, по 2 стихословии, крестобогородичен, гл. 2.

[402] Среда, 3 седмица, утро, на стиховне, крестобогородичен, гл. 2.

[403] Неделя, 3 седмица, утро, стихира самогласна на поклонение Кресту, слава, гл. 8. творение Льва Деспота, так же поется в среду 4 седмицы на вечерни.

[404] Пяток ваий, утро, трипеснец господина Феодора, гл. 8, п. 5.

[405] Святой и Великий Пяток, вечерня на Господи, воззвах, гл. 2.

[406] Канон о Распятии, п. 1.

[407] Тогда же, там же, п. 6.

спогребуся Ему”.[408]

На утрени Великой Субботы, в ранний предрассветный час, вспоминая погребение Спасителево, слышим мы дивные похвалы Пречистой:

“О, Божие Слово! О радосте Моя, ныне терзаюся утробою Матерски”.[409]

И взывает Дева ко всей природе и всей вселенной:

“О, горы и холми, и человеков множество, восплачитеся и вся рыдайте со Мной, Бога вашего Материю”.[410]

Спаситель висит, пригвожден на Древе, человечество в безумии своем и отвержении от Бога дошло до крайнего предела. Пять с половиной тысяч лет ожидаемый момент избавления от клятвы и от закона наступил и... соединился с еще большим отпадением от Бога, с предательством и Богоубийством. На Голгофском холме, на самом месте погребения Адама, Новый Адам обновляет Своим страданием и смертью человечество, освобождает Адама от челюстей ада, основывает на Кресте Церковь Свою, скрепляет Ее Кровию Своею Нового Завета. Тело Свое, подобное нам во всем, кроме греха, *“заимствованное от Девы”,*[411] распинается на Кресте, чтобы освятить нас, приобщить Себе. Ныне уже отдельные члены Церкви приобщаются Телу Его (которое и есть Церковь). Совершается Жертва Искупления и Евхаристии. Людям показуется сокровенный и таинственный момент *евхаристичности* Церкви.

“Пригвоздися Жених Церковный”, — говорит песнь.[412]

В смерти Его всеобщая жизнь и избавление от смерти, от уз тела тленного.

“Якоже лев, Спасе, уснув плотию, яко некий скимен (львенок) *мертв возстаеши, отложив старость плотскую”.*[413]

Всеми оставленный Спаситель Своими страданиями заканчивает весь тот необъемлемый и непостигаемый подвиг искупления, который совершался Им от момента Его рождения и в течение всей Его земной жизни. Он заканчивает искупление греха всех. В безмолвии всей природы, благоговейном и страшном молчании и страдании всей твари видимой и трепете невидимых Бесплотных Сил переживает Пречистая Матерь оставление Свое Сыном, сиротство Свое, одиночество...

“Словом Слово паче слова Рождшая, Пречистая”[414]*взывает к Сыну Своему и Господу всех: Не остави Мя Едину, Тя Рождшую, Иисусе Мой Сладчайший”.*[415]

Безмужно рождшая Сына Своего лишается ныне Его и вопиет:

“Увы Мне, безчадствуюся безмужная”.[416]

“Где зашел еси, вселюбезнейший Иисусе Мой, Сыне Мой, и Господи; не остави Мя Едину, Христе, Рождшую Тя”.[417]

В ответ на эти рыдания и мольбы, на скорбь сиротства отвечает Ей Сын Ее и

82 Господь, указывая на любимого и оставшегося верным ученика: *“Жено, се сын Твой”*, и потом ученику: *“се Мати твоя”*. *“И от того часа поят Ю ученик во своя си”.* (Ин. 19, 26–27). Тот самый ученик, которого любил Господь, *“друг Христов”,*[418] проникший в ведение богопознания, первый из трех богословов, тот, который умом своим узрел воплощение Слова от Девы и указывает нам весь смысл этого центрального момента Православия: *“Слово плоть бысть”.* Святой Критянин Андрей поет:

“Да вопиет Иоанн, сказуя учении божественными воплощение Твое: Слово плоть бысть

---

[408] Тогда же, там же, п. 9.
[409] Похвала 66.
[410] Похвала 69.
[411] Среда, 4 седмица, Канон Кресту, господина Феофана, гл. 4, п. 4.
[412] Святой и Великий Пяток. Царские часы, 9 час. Тропарь, слава, гл. 6.
[413] Похвала 38.
[414] Суббота сырная, утро, канон, гл. 8, п. 5, богородичен.
[415] Пяток, 3 седмица, утро, по 3 стихословии крестобогородичен, гл. 1.
[416] Среда, 5 седмица, утро, по 3 стихословии крестобогородичен, гл. 2, господина Феодора.
[417] Там же, на стиховне, крестобогородичен, гл. 8.
[418] Кондак святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову.

из Девы непреложно и пребысть естеством Бога, якоже бе, не отступив Отеческих Его недр”.[419]

После того, как уже *“вся совершишася”* и Господь *“предаде Дух”,* вся вселенная пережила момент неизреченного изменения. Космичность момента искупительной смерти с особенной подробностью и реальностью схвачена в православном литургическом сознании. Ряд песнопений говорит о том, и уподобляет этот момент по своему необъемлемому значению разве только с таким же космическим переживанием момента грехопадения человечества.

О погребении же Спасителя и плаче говорит все повечерие Великого Пятка и половина субботней утрени. Снова в ярких красках и реальных образах изображают эти минуты Симеон Логофет, Марк Идруинтский, и св. Косьма Маиумский.

“Плачущи глаголаше Браконеискусная к благообразному (то есть Иосифу Аримафейскому): *потщися, Иосифе, к Пилату приступити и испроси снети с древа Учителя твоего”.*

“Видев Пречистую горце слезящу, Иосиф смутися и, плача приступи к Пилату: даждь ми, вопия с плачем, Тело Бога моего”.[420]

“Растерзаяся и рыдая, и дивися вкупе с Никодимом, снят Иосиф и ***уцеловав*** *Пречистое Тело, рыдаше, и стеняше, и поя Его яко Бога”.*[421]

“Песни Иосиф и Никодим надгробныя поют Христу, умершу ныне, поют же с ними и Серафимы”.[422]

“Приимши Его с плачем Мати неискусомужная, ***положи на колену****, молящи Его со слезами, и облобызающи горце же рыдающи и восклицающи”.*[423]

“Чадо Мое Возлюбленное, нага и уединена, и вонями помазана Мертвеца”.[424]

“Зрящи Тя без славы и без дыхания и безобразна, и плачуся, держащи Тя”.[425]

“Мvроносицам глаголаше: срыдайте Ми, и сплачитеся горце: се бо свет Мой сладкий и Учитель ваш гробу предается”.[426]

***

Но наряду с этими песнопениями, исполненными слез и скорбных восклицаний Божией Матери, наши православные святые песнописцы касаются и иных моментов Ее переживаний у Креста Сына Ее. Вместе с разъяснением важности и догматического значения голгофских страданий и вместе с раскрытием таинственного смысла воспоминаний Страстной Седмицы, сошествия во ад и освобождения сущих в нем, богослужение Постной Триоди и нарочито последних дней поста отмечает с особой проникновенностью и смелым полетом творческого поэтического дара богосознание и догматическое ведение Самой Пречистой Девы, Ее, если можно так выразиться, богословское понимание момента.

Наши песнописцы вкладывают в уста Пресвятой Богородицы исповедание христианских догматов, лишь спустя 3–4 века Церковью открыто изглаголанных в символах. Этим показуется богопросвещенное сознание Богоматери, просветление Ее Духом Святым еще до дня Пятидесятницы. Многое еще прикровенное от учеников и апостолов открылось в некоторой мере Ее Пречистому уму.

Озарение Духом Святым в светлый день Благовещения облагодатствовало Ее ум и положило на него особый отпечаток боговедения; безмужное зачатие и безболезненное рождение вселили в Нее не только сознание себя Честнейшею Херувим, но и Матерью

---

[419] Св. и Великий Четверток, малое повечерие, трипеснец св. Андрея Критского, гл. 8, песнь 5.
[420] Канон на Распятие, п. 4.
[421] Тогда же, там же, п. 5.
[422] Похвала 95.
[423] Канон на Распятие, п. 5.
[424] Тоже.
[425] Там же, п. 6.
[426] Там же, п. 7.

Божьей, и именно Богородицею, а не только Христородицею. На протяжении всей земной жизни Сына Ее Она сознавала Его не только Сыном Своим, не только Учителем и Пророком, но и Господом и Богом Своим, и у Креста Его Она, *“вопияше Матерски: Сыне Мой и Боже Мой, Сладчайшее Мое Чадо, како терпиши страсть поносную*[427] *и “како покрывается гробом неописанный Бог”.*[428]

Божия Матерь видит в страданиях Господних не только страдания и смерть, но понимает и все искупительное значение их; Она понимает, что эти крестные муки суть продолжение и завершение, завенчание всего искупительного подвига, который Он нес в течение всей Своей земной жизни.

“Неправедно како страждеши, хотяй избавити сущия от Адама земнороднии”...[429]

Умными очами Своими Она взирает и разумеет небесную славу величия Господня. “*Егоже трепещут всяческая, яко Создателя и Бога, Долготерпеливе, слава Тебе”...*[430]

“Видимый Мною, видим был еси Ангелом, Неприступне Иисусе, Сыне Мой”...[431]

“Единородне Сыне, покажи славу Твою, всех спасение”...[432]

“Не остави Мя Едину, Единородне, Отцу Соприсносущный”...[433]

“Како прославляемый яко Бог от Ангел, от беззаконных ныне человек, Сыне, хотяй, распинаешися; пою Тя, Долготерпеливе”.[434]

Но величайшее Ее смирение показуется в этих песнопениях ясно и неизменно. Все они чужды обожения Богоматери, превозношения Ее до высоты, равной Триединому Богу, нездорового сектантского мистицизма, латинской “Мариолатрии”, как все сие было чуждо и Самой Пречистой Деве. Божией Матери не приписывается абсолютное божеское разумение и понимание всего. Она не одарена божественным разумом. Она по своему смирению, избранию и святости, облагодатствованный человек и Божия Матерь. Со свойственным смирением, напоминающим известный диалог в благовещенском каноне, песнь говорит от лица Девы Богородицы:

“...не поемлю высоты таинства, и глубины великих судеб Твоих”.[435]

А в других песнях выступает опять богоразумение Богоматери. Рыдающи взывает Она: *“како Тя немолчно ангельскими песньми славословимаго дети еврейския Пилатову судищу, Сыне, представиша; песнословлю Твое, Слове, многое и неизреченное благоутробие”.*[436]

Смысл сего песнопения и его контрастные тона особенно резки и ярки. Богоматерь “умным” оком видит горнюю славу Триединого величия Божия, “*еяже ангели не могут терпети”* и в безпрестанных гласах пений величают сияние этой славы; [437] и как контраст сему великолепному и непередаваемому человеческим языком хвалению и славословию в ушах Пречистой раздается резкий и фанатический, беспощадный и злобный крик еврейских детей у Пилатова судища: *“распни Его, распни Его!”*

Особенно ярко видится проникновение в догматическое тайноразумение в этих словах:

“Зрящи Тя, Христе, Всенепорочная Мати, мертва на Кресте простерта вопияше: Сыне Мой, ***Собезначальне Отцу и Духови,*** *кое неизреченное смотрение Твое сие, имже спасл еси пречистых рук Твоих, Щедре, создание”.*[438]

---

[427] Пяток сырной, утро, на стиховне, крестобогородичен, гл.6.

[428] Пяток, 3 седмица, утро, по 3 стихословии, крестобогородичен, гл.1.

[429] Среда, 3 седмица, утро, на стиховне, крестобогородичен, гл.2.

[430] Среда, 4 седмица, утро, по 2 стихословии, крестобогородичен, гл. 6, господина Иосифа.

[431] Тогда же, Канон Кресту господина Феофана, гл. 4, п. 4.

[432] Тогда же, там же, п. 8.

[433] Октоих, гл. 1, среда вечер, на Господи, воззвах, ины стихиры Богородицы.

[434] Пяток, 4 седмица, утро, по 2 стихословии, крестобогородичен, господина Иосифа, гл. 4.

[435] Тогда же, там же, канон, гл. 8, п. 4.

[436] Пяток ваий, утро, по 3 стихословии, крестобогородичен господина Феодора, гл. 8.

[437] То же выражено и в других песнопениях, например: Великий Пяток; на вечерне на “Господи, воззвах”, гл. 2 и др.

[438] Среда, 4 седмица, утро, по 3 стихословии, крестобогородичен господина Феодора, гл. 1.

“Тления Тя кроме родих из чрева (то есть без истления Тя родила) ***прежде век Егоже Отец роди****; и како тлееши, человецы терзают Тя, Сыне”*.[439]

Просвещение и разумение сокровенных тайн бытия Божия, неизвестное еще ученикам (ибо их ум не был еще *“отверст разумети Писания”* в то время — Лк. 24, 45) и в самой Святой Церкви раскрытое лишь изволением Святого Духа устами святых отец на Соборах IV века, было раскрыто и известно Пречистой Деве. Да и могла ли Предызбранная от всех родов, Введенная во Святая Святых, Воспитанная во храме от юности Своей, Обрадованная Ангелом, Зачавшая по Предвечному смотрению Отца и наитием Святого Духа и Родившая безболезненно и неизреченно Сына, могла ли Она не проникнуть в некоторые тайны Троичного Ипостасного Бытия, Она, Рождшая Ипостасное Слово? И далее, столь мало и кратко раскрытый в нашей догматике момент сошествия в ад и лишь слегка обрисованный на древних покоробившихся досках московских писем, получает известное раскрытие в литургическом сознании Православия. И опять-таки сущность сего ясна и открыта умному взору Пречистой Девы:

“...неправедно како страждеши, хотяй избавити сущия от Адама земнородныя”...[440]

“...како в худом гробе полагаешися, мертвыя повелением возставляй во гробех”...[441]

“...ни от гроба Твоего востану, Чадо Мое, дондеже и Аз сниду во ад: не могу бо терпети разлучения Твоего, Сыне Мой”...[442]

“...не косни, Животе, в мертвых”...[443]

“...приими с Тобою... да сниду в ад с Тобою и Аз, не остави Мене Едину: уже бо жити не терплю”.[444]

Но Сын Ее, претерпевый страдания, смерть и сошедший во ад, не низводит Ее с Собою туда, но воскресши из ада и вознесшись через сорок дней на Небо, предуказывает Ей место одесную славы Своей. Не в ад с Ним нисходит Она, но, Преображенная, на Небо восходит. Посему Ее Успение — не только Успение, но и воскресение и вознесение Божией Матери.

“Ангели Успение Пречистыя зряще, удивишася; како Два восходит от земли на Небо”.

Видя все происшедшее на Голгофе и сострадая по человечеству невыразимыми муками и скорбью, Божия Матерь до конца понимает смысл страданий и видит за тридневною смертью воскресение для вечной жизни всего человечества. В литургической концепции Постной Триоди сознание этого Божией Матерью выявляется впервые на четвертой, Крестопоклонной неделе Великого Поста:

“Но возсияй возстания Свет, любящим Тя”.[445]

Это характерно отметить, ибо с Крестопоклонной недели особенно усиливается ожидание Воскресения и Пасхи: *“Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим”.*

Крест связан с Воскресением. Без Креста и Голгофы нет Воскресения. Посему Церковь в своем богослужебном понимании и толковании премудро установила: каждое воскресение на утрени поется крестовоскресен канон и канон Кресту на неделю третью Великого Поста, Творение господина Феодора Студита, гл. 1., в котором звучат ирмосы пасхального канона: *“Воскресения день, просветимся, людие”...*

Итак, Божия Матерь ожидает Воскресение Сына, но это ожидание переплетается с чисто материнским горем сиротства.

“Потщися убо возстани, яко да вижу и Аз Твое из мертвых тридневное Воскресение”.[446]

“...воскресни и утоли Мою болезнь и печаль, можеши бо, Владыко, елика хощеши и

---

[439] Пяток, 4 седмица, утро, канон, гл. 8, п. 9.
[440] Среда, 3 седмица, утро, на стиховне, крестобогородичен, гл. 2.
[441] Канон о Распятии, п. 8.
[442] Тогда же, там же.
[443] Похвала 125.
[444] Канон о Распятии, п. 7.
[445] Понедельник, 4 седмица, утро, трипеснец господина Иосифа, гл. 8, п. 9.
[446] Святой Великий Пяток, вечер на Господи, воззвах, гл. 2.

твориши, аще и погреблся еси волею”.[447]

***

Ответом на все эти дивные и величественные песнопения звучит в утренний час Великой Субботы девятая песнь канона:

“Не рыдай Мене, Мати...”

Это не радостный гимн *“Христос Воскресе”,* ни торжествующий и величественный: *“Воскресни, Боже, суди земли”.* Это неведомое никому из нас, никому не открытое, нигде, ни в одном Евангелии, ни в апокрифе не записанное, но лишь понятое Церковью, ею услышанное, принятое и запечатленное в таинственных словах молитв и песен, от нас не скрытое, но и не раскрытое вполне и до конца. Этот тот глас, что слышала в сердце Своем Божия Матерь, в сердце не только Матери Христовой, но и Богородицы. Это были *тайноизреченные глаголы.*

“О, како утаилася Тебе есть бездна щедрот, — Матери втайне изрече Господь, — тварь бо Мою хотя спасти, изволих умрети, но и воскресну и Тебе возвеличу, яко Бог небесе и земли”.[448]

“Да человеческое обновлю сокрушенное естество, уязвлен есмь смертию, хотя плотию; Мати Моя, не терзайся рыданьми”.[449]

“Адама и Еву свободити, — Мати, не рыдай, — сия стражду”.[450]

“Не рыдай Мене, Мати, зряще во гробе, Его же во чреве без семени зачала еси Сына: возстану бо и прославлюся и вознесу со славою, непрестанно яко Бог, верою и любовию Тя величающия”.[451]

И как бы ответом на это звучит глас Богоматери:

“По Воскресении Твоем, Спасе, помилуй всех нас”.[452]

Зачинается пост жалобными рыданиями и воплями Богородицы у Креста, вся Триодь исполнена картин скорби, горя, страдания Ее и страдания всей твари. В последний же день Страстной Седмицы, на утрени Великой Субботы, к концу канона, к моменту наивысшего молитвенного напряжения Церкви, в девятой песни, песни Богородицы, звучит торжественный, может быть, даже самый торжественный и значительный по смыслу из всех Богородичных ирмосов:

“Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе”.

Молитвами, Господи, Пречистыя Твоея Матере, помилуй нас. Аминь!

Вечная память (Суббота)

86

“Чаю воскресения мертвых
И жизни будущаго века, аминь!”

Современный культурный человек покорил запредельные вершины. Он проник туда, где раньше никто не бывал и не предполагал побывать. Своим пытливым и любознательным разумом он стремится к еще более далеким, туманным, и неизведанным областям. *Гордым оком* окинул он почти покоренный ему мир, мир, поверженный к его ногам, мир, послушно повинующийся его желаниям, и *несытым сердцем* вожделеет он еще больших побед. И улыбается ему его сияющее счастье. Все дальше и дальше идет он по пути прогресса и цивилизации, захватывая новые пространства. Он — царь природы, он покоряет ее и хочет не

---

[447] Канон о Распятии, п. 9.
[448] Канон о Распятии, п. 9.
[449] Похвала 85.
[450] Похвала 161.
[451] Канон Великой Субботы на утрени, п. 9, ирмос.
[452] Канон о Распятии, п. 9.

только играть с нею, но и повелевать ей, управлять, диктовать ей свои законы. И все ему удается... Все новые и новые открытия совершает человек, живущий разумом и рассудком и забывающий о душе и сердце. Он побывал всюду, не оставил ни единого уголка Земли неисследованным, проник даже на ее полюса, чтобы убедиться в существовании мнимой, воображаемой точки, измерил глубины морские, обыскал дно океана, ища там предполагаемые затонувшие материки, проник в толщу планеты, взыскуя в ней то живительное начало, которое умертвив зерно, взращивает его в плодоносный злак; поднялся выше облаков, желая преодолеть законы тяготения...

Но в немощи своей он все же опускается на лоно той же любящей матери-Земли, из которой создан и в которую возвратится.

При помощи хитроумных и сложных приборов выискивает он новые светила на узорной порфире *Одевающагося светом яко ризою*, выпытывает у Него законы, по которым создан мир и вращаются в стройной гармонии небесные звезды. Он обыскал все небо, узнал о существовании светил, удаленных от нас на миллиарды верст. И кажется, что вот-вот ни одного уголка *этого* неба он не останется неисследованным... И при всем совершенстве своих телескопов он в них не увидел Бога, Чей Престол Небо и подножие ног — грешная земля, ибо *Бога никто никогда не видел*.

Человек изучил законы жизни человеческого тела, даже пытался и душу его как-то подчинить законам. Его дерзновение идет все дальше и дальше. Не доверяя Господу, он хочет поправить “ошибки природы” и выискивает новые способы получения новых животных видов. Он бьется над получением новых, дотоле не существовавших и в Божием плане попечения о нас не указанных злаков, хочет изменять природу, даже повлиять на Божию волю. Он хочет, страстно хочет урвать для жизни хоть один часок, хоть один день, пытается искусственно омолодить старость, борется со *всем*, что мешает ему быть хозяином *этой* жизни. И он *открыл* почти все, *знает* почти все, *может* почти все. Он не может лишь преодолеть пределов двух пограничных столбов своего земного пути: создать новую жизнь и отдалить или упразднить смерть.

Но даже самую маленькую клеточку материи не может оживить человек своей волей. Благодаря своим знаниям, он исследовал состав животных тканей, может даже смешать, *сделать такую же*, во всем подобную ткань, но оживить ее, вдунуть в нее дыхание жизни он не может. Так же непобедима и загадочна для него грозная, щелкающая костяшками смерть, которая всегда стоит перед ним, стережет его, не поддается никакой науке и опыту... Безсилен и смешон перед нею культурный человек!

Наделенный от Бога разумом, человек вот уже семь с половиной тысяч лет пытливо ищет Истину, тяготеет к Абсолютному. Создавались философские системы, *87* вырабатывались новые направления, ум напряженно работал, тщась выдумать новое и познать сущность вещей, хотя знал, что этой сущности вещей (Ding an Sich) нам никогда не постичь. Смелые, заманчивые и на первый взгляд такие гениальные системы всех философских школ и направлений уничтожались и забывались перед каждой новой системой, шедшей им на смену, и в свою очередь предназначенной к скорой смене и забвению, чтобы остаться лишь предметом изучения последующих поколений и чтобы подтвердить то, что история философии есть история заблуждения человеческого разума. И ни одна из этих блестящих и заманчивых философских систем в своих спекуляциях, все же при всем своем совершенстве не могла ответить на эту мучающую человечество проблему: *“почему и что же есть смерть?”*

Человеческий ум безсилен это разрешить. Смерть сильней его. Смерть безмолвно делает свое дело...

Тяжело, мучительно, невероятно больно подходит невоцерковленное сознание к этой загадке. Для неверующего ума смерть жуткий и мрачный момент, это, по словам Достоевского, *“темная баня, полная пауков”*. Страшные антиномии становятся перед гордым и могущественным разумом, антиномии жизни и смерти, свободы и смерти,

совершенная их непримиримость. С понятием жизни связано так много: манящие перспективы, радости бытия, светлые горизонты, свобода, творчество, ощущение своего “я”, законченность своей личности, ощущение себя маленьким мирком — словом, жизнь манящая, прекрасная, полная всего. И этому противопоставляется мрачная, пустая мысль о смерти, всепоглощающее ничто, абсолютная тьма небытия, уничтожение всякой личности, помрачение всякого света. При одной мысли о смерти, чувство физической боли щемит усталое сердце, напряженно стучит в голове, подавляет всякую радость. Достоевский прекрасно это выразил, говоря о *боли страха смерти*.

Страшный призрак смерти стоит во дни и в нощи пред великим человеком, покорившим себе все, ставшим *как боги*, и постоянной мыслью о себе напоминает человеку его близкий конец, как бы человек ни гнал эту мысль. Нужно или победить идею смерти, или же, провозгласивши, что *“там ничего нету”*, этим жалким и слабым паллиативом усыплять вечно грызущую мысль о близком часе, за которым пустота. Нужен крематорий, чтобы сжечь самую мысль о смерти со всеми ее остатками. Этой пустоты не восполнит ничто, ни одна из созданных человеческим разумом религий, ни одна философская система еще до сих пор не дали удовлетворяющего наш ум и сердце решения о том, *что* по ту сторону смерти. И тут одинаково жалки, ничтожны и пусты ответы всех мыслителей: и нирвана, и переселение душ одинаково не радуют ум и сердце. Выхода нет. Философия и наука, оккультизм и теософия, пантеизм и безбожие равно не могут разрешить загадку этого сфинкса. Жалок человек!.. Одинок!.. Без Бога!.. Без ответа!..

***

Зайдем же, читатель, в маленькую церковку в поздний вечерний час. В голубых клубах кадильного дыма, в погребальных песнопениях, в звуках *“Со духи праведных”*, в склоненных до земли фигурах, в белых крестах на могильных холмиках все же найдете вы ответы на все эти вопросы. Не философские спекуляции изощренного разума даже самых гениальных философов, ни отрывки древнейших индийских учений, — не там, а в православной панихиде и в Богослужении родительской субботы все объяснено. В холмиках наших православных погостов мирно почивает тихая, успокаивающая мысль, тихая, постоянная *“память смертная”*.

В нашем богослужении наиболее рельефно сосредоточено все наше мировоззрение. Церковь не только высказывает отдельные мысли своих философов, учителей и отцов. Церковь *молитвенно переживает* свои самые сокровенные мысли. Для христианина проблемы смерти не существует. Ясно и определенно звучит исповедание Веры Православной: *“Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века, аминь”*.

88 Да, Православие — миросозерцание аскетизма, но радостного и светлого аскетизма. О, человечество, воспитанное в духе сатанинского ницшеанства и позитивизма! Как жаль, что не понимаешь ты, что может быть радостный и светлый аскетизм! Не мрачное и брезгливое отвержение материи и плоти, а *радость подвига,* в которой вся жизнь есть лишь действенное выявление своего аскетического мировоззрения, стремление к будущему *“сонаследию со Христом”*. В свете невечернего дня Его Царствия момент смерти теряет эту ощутительную боль страха. В безбожном же мировоззрении остается неразрешимая проблема и пустота.

И снова антиномия — свобода и смерть. Человечество находится под гипнозом свободы, оно грезит призраком этой свободы, понимая ее как вольность и самость, и ему кажется, что оно действительно достигло ее, освободив себя от уз мнимого рабства. Оно забыло истинного Бога, оно захотело освободить себя от покорности Царю и послушности Богу и Церкви и в погоне за вольностью и самостью поклонилось ложным богам. Восставши против тех, к кому Бог повелел не прикасаться (Пс. 104, 15), оно отдало себя в рабство слепым вождям и в храмах новому богу, в капищах вольности и бунта поклонилось этому богу, став рабом его и потеряв истинную свободу Духа. У такого человечества нет выхода, ибо грозный облик смерти стережет всех.

В смерти нет свободы, нет вольности. Она подчиняет всех общему закону неизбежности конца. Страшны ему слова: *“человек, яко трава дние его, яко цвет сельный тако отцветет, яко дух пройде в нем и не будет и не познает к тому места своего...”* (Пс. 102, 15–16). И действительно, тогда вместо тихой “памяти смертной”, “*сердце мое смятеся во мне и боязнь смерти нападе на мя; страх и трепет прииде на мя и покры мя тьма”* (Пс. 54, 5–6).

“Если же боишься смерти, — говорит преподобный Феогност, — *то ты еще не срастворился любовию со Христом, Которого плотию насыщаешься”*[453]. Когда боишься, то не существующие для оцерковленного сознания мысли теснятся около этой антиномии: *“Ведь весь смысл и правда постигается и утверждается нами свободно. Метод познания Истины тоже свободный. Но вот стоит новый факт — смерть. Она неизбежна, в ней нет свободы. Как же ее познать и ею овладеть? Тоже свободно? Раз она неизбежна, то как же совместить это с принципом всеобщей свободы? Продолжать считать себя свободным, приняв и жизнь, и смерть, и самого себя, свое бытие? Так же свободно идти навстречу, не боясь и не борясь? Но что же тогда смерть, как не последнее и неизбежное смирение?”*

Да, по необходимости приходится принять смерть свободно и смиренно, ибо не приять ее мы не можем. Ведь принимаем же мы жизнь, в приятии которой мы в такой же мере несвободны. Если мы говорим “Господи, зачем же смерть?”, значит мы можем воскликнуть тогда: “зачем же мне жизнь?”...

При такой постановке вопроса может произойти или приятие и утверждение как смерти, так и жизни смиренно-свободным духом христианина или бунтарское, непокоривое рационалистическое неприятие. В аскетическом миросозерцании Православия не существует мучащей проблемы приятия или неприятия. Православие познает духом состояние смерти как свободное, ибо дух, единожды освобожденный, уже не может быть пленен. *“Аще Сын вы свободит, воистину свободны будете”. “Познаете Истину и Истина свободит вы”.* А Истина-Христос освободит нас от всего, даже от смерти, ибо смертью победила саму смерть. Познанием этой Истины Смерть превращается в тоненькую грань, еле заметную межу между жизнью духа здесь и его жизнью в будущем веке. И тогда перед православным сознанием открываются необъятные горизонты. И тогда от этой антиномии не остается и следа. Если это антиномия между смертью и свободой, как она теперь понимается, то есть *между вольностью и самостью,* то, конечно, победит смерть. Она сильнее нашего самостного, бунтарского, гуманистического “Я”. Ежели же это борьба между смертью и свободой духа, то смерти уже нет, она уже побеждена и уничтожена; смерти духа и не может быть, ибо дух не может умереть *никогда*.

И тогда звучит величественная во вся времена *“Вечная память!..”*

***

89

В свете нашего религиозного сознания тает, как воск от лица огня, безрассудная, чисто животная боязнь смерти, и исчезает, как дымок в предрассветном морозном воздухе тьма неведения, пустоты и бесцельности. Радость наполняет всю жизнь православного христианина, приятие всей жизни, со всеми ее природными совершенствами и кажущимися несовершенствами, и победа, и борьба над страстями и грехом. Ощущение радости бытия не как животный культ плоти, а как постоянная память о Боге Животодавце и Промыслителе, радость о Господе, радость о каждом дне жизни нашей, даруемой нам от Бога, радость о том, что солнце сияет, сирень цветет и заливается жаворонок, кувыркаясь в небесной лазури, и я *живу*, как часть единого Божьего мира, прекрасного, дивного, гармоничного. Постоянная память о Боге, благодарность Ему за эту жизнь, за все, *“о всех явленных и неявленных благодеяниях бывших на нас”.* И рядом — строгая, величественная память смертная. Это не мрачная мысль, не безнадежная боязнь пустоты и страшной *“бани с пауками”*, и не назойливое желание хоть как-нибудь освободиться от этой надоевшей жизни, а что *там* — все равно. Нет, это лишь момент перехода к другой жизни, жизни будущего века. Смиренно

[453] Добротолюбие, том 3, стр. 420, 19.

принять эту мысль, примириться с ней, потом привыкнуть, а там и полюбить, и всегда ее иметь в себе. И тогда — так легка и жизнь и смерть. Всему этому нас учит православная панихида, поминальная *“родительская суббота”*.

Даже находящиеся вне Церкви нехристиане и инославные проникаются и умиляются величественностью нашей панихиды, и именно русской, а не какой-либо другой, пусть даже и православной, ибо как много дают человеческому сердцу наши русские обиходные напевы, так прекрасно гармонизированные. Да и все содержание этих служб особенно ярко выявляется во всей полноте и красоте именно в русском богослужебном обряде.

Сама подготовка христианина к смерти дает ответ на многие вопросы. Надо отметить громадную чуткость, художественность и знание души человеческой во всех этих песнопениях и обрядах. Творцы заупокойных песнопений, а особенно величайший св. Иоанн Дамаскин, отобразили в них эту смятенность и подавленность человеческого духа, отметив чисто физический страх, сожаление о манящей и оставляемой милой земле, содрогание при мысли о смерти, боль страха смерти. И с этими заглушенными рыданиями близких людей, этих *“плачущих, болезнующих и чающих Христова утешения”*, с содроганием от прикосновения к мысли о смерти, соединили они величайшие по глубине философские мысли, раскрыли полноту церковного осознания смерти, жизни будущего века в прославленном теле.

Подготовка к смерти православного христианина совершающаяся в течение всей жизни, венчается предсмертными переживаниями. С момента рождения Церковь Православная заботливо охраняет весь путь христианина и перед смертью напутствует его с чисто материнской нежностью. В этих предсмертных напутственных песнопениях ясно звучит и тревожное настроение самого умирающего и его душевное томление перед неизвестностью. На одре лежит человек перед лицом смерти, стоящей тут же...

Различны настроения умирающего православного человека и современного, свободного, “культурного” человека. У последнего, прожившего в мирском и суетном плену безбожной культуры, позади жизнь, полная светлых надежд, больших и малых достижений и побед. Это страницы, исписанные чьей-то рукой, это ряд знаков препинания: много запятых, точек с запятой, много двоеточий, много загадочных и нерешенных вопросительных знаков, несколько восклицательных, еще больше недоговоренных полунамеков, многоточий, празднословия и пустоты, и вот наконец последняя точка. На память приходит когда-то случайно, неизвестно зачем сделанное добро, случайно, ибо веры в Того, в Чье Имя оно делается, в течение жизни не было и нет. Впереди что-то мрачное и пустое, неизвестное, о чем всю жизнь некогда было думать, что отгонялось ежедневными заботами, что было

неинтересным и казалось так еще далеко. Впереди какая-то дыра в темное или “*нечто*”, или “*ничто*”...

Совершенно иначе ощущается тайна смерти православным человеком. Позади сознание грехов, раскаяние в них, сознание себя неключимым рабом, живущим лишь по милости своего Господа, благодарность Ему за безконечные милости, за те яркие моменты, которыми освещалась жизнь, моменты, в которые все темные уголки становились светлыми и ясными. Это полянка средь темного леса, покрытая яркими цветами: белыми, красными, синими — разноцветными и освещенная ярким солнечным светом, таким, что вся душа, со всеми ее закоулками, просветилась на всю жизнь. Эти дни чистой, духовной радости, листья, омытые дождем слез покаяния, — не забудутся никогда...

Таково прошлое... Господи, прости!.. Впереди одна надежда на Божие милосердие, любовь и благость. Впереди вера в светлые, райские обители, пение ангельских ликов и сонаследие Христу.

И окинется взором все прошлое:

“Каплям подобно дождевым, злии и малии дни мои летним обхождением оскудевающе,

помалу исчезают уже; Владычице, спаси мя...”[454]

Близка смерть, уже постепенно отмирают одна за другой части бренного, когда-то красивого тела!

“Устне мои молчат и язык не глаголет, но сердце вещает”...[455]

“Вси телеснии ныне органи праздни зрятся, иже прежде мало движими бяху”...[456]

“Яков (то есть каков) *живот наш есть, цвет и дым и роса утренняя воистину. Приидите убо, узрим на гробех ясно, где доброта телесная, где юность, где суть очеса и зрак плотский”?..*[457]

Зрится перед покойным путь неизвестный, далекий, и от лица его Церковь вещает:

“В путь бо иду, имже никогдаже шествовах”...[458]

На заглушенные рыдания предстоящих близких Церковь тоже находит ответ:

“Почто мене рыдаете люте... смерть бо есть всем успокоение”.[459]

К чему слезы, если мы православные, то есть, если мы верим так, как нас учит Церковь, если впереди светлая надежда на участие в вечери брака Агнца. Ведь смерть — упокоение от житейских тревог и треволнений, ибо там покой, там то, что так тщетно и безрассудно искалось здесь всю жизнь, там та тишина и мир, ничем не прерываемый. Впереди надежда на участие в блаженстве, надежда на ***бесконечное*** Божие милосердие, превозмогающее всякий грех. Только не отступай от Бога, не отвергай Его благодатной помощи в покаянии и прощении.

“Аще бо и согрешихом, Спасе, но не отступихом от Тебе”...[460]

Впереди каждого из нас так величественно спокойна, так неумолима и неизбежна смерть. Святитель Московский Филарет сказал: ***“Есть одна встреча верная, неминуемая: это встреча со смертью”.***

Как величественна наша панихида, как умиротворяюще действует она на наше смятенное сердце. Издавна знакомы нам эти слова, сами собой эти молитвы звучат в ушах, и если даже не за кого помолиться, все равно самому хочется стать и присоединиться к этому молитвенному, успокаивающему напеву.

К сожалению мы, незнакомые с уставом и не любящие его, обращаем панихиду, которая есть по существу своему обычная субботняя утреня с кафизмами, каноном, стихирами, в коротенькую десятиминутную требу. Каждому хочется отстоять ***“свою”***, ***“отдельную”*** панихиду, и потому служат их в наших приходских храмах десятками, выпуская прекраснейшие и утешительные песнопения, сокращая ее, вместо того чтобы в положенные дни исполняться глубоких смыслов заупокойной утрени с непорочными и заупокойной литургии.

Но вслушаемся хотя бы в то, что поется на коротенькой панихидке, и многое *91*
станет проще и умереннее в смутных мыслей о смерти.

“Благословен еси Господи, научи мы оправданиям Твоим”...

Что я?.. Когда-то великий и могущественный человек, а ныне *ничто*. *“Погибшее овча аз есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя!”* Пред мысленным взором проходят лики святых, поживших благочестно и богоугодно и нашедших источник вечной жизни и вход в райские обители. Что же я? Что могу я грешный, недостойный, погибающий? Как могу я хоть в отдаленности уподобиться их участи? Кто научит меня как оправдаться перед Великим Богом?

“Благословен еси Господи, научи мя оправданиям Твоим”...

---

[454] Канон молебный при разлучении души.., гл. 6, п. 1.
[455] Там же, песнь 6.
[456] Последование погребения мирских человек, на целование, подобны, гл. 2.
[457] Там же.
[458] Последование погребения священников. Самогласен Дамаскинов, гл. 2.
[459] Там же, блаженны, гл. 2.
[460] Суббота мясопустная, утро, эксапостиларий.

Лики святых, Божия Агнца проповедавшие, и сами как Божии агнцы закланные, преставились к жизни вечной, нестареемой, присносущной. У благочестно пожившего православного христианина впереди есть надежда на жизнь нестареемую и присносущную. И в словах тропарей бесстрашно звучит мысль о вечности. Обычно давит и гнетет эта страшная мысль о безконечности, ибо мы ее не можем принять и постичь с нашей человеческой точки зрения, нашим ограниченным умом, мыслящим в границах времени и пространства и отмеривающим безконечные небесные дали на тысячи и миллионы километров и время вечности на тысячи лет. А там времени уже больше не будет, как поклялся Ангел (Откр. 10, 5–6). А вечность нестареемая так умиротворяет, так успокаивает, как самый день Света Невечернего. И далее доносится с клироса тихое пение двух-трех старческих голосов:

"Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим"...

Зовет Господь последовавших Ему и приявших по глаголу Его крест, как ярем благий и бремя легкое, зовет придти наследовать уготованных православным христианам почестей и небесных венцов, и замирает голос, поя о далеких от земли обителях *"почестей и венцев небесных"... "научи мя оправданием Твоим"...*

Кто я? Что я? При всей своей грешности и ничтожности образ есть неизреченной Твоей славы, аще и язвы ношу прегрешений. По *Своему* образу и подобию создал меня Господь. Я как бы тень, отображение Его горней славы, Его совершенного Лика. И несется этот вопль исстрадавшейся в юдолях земной печали души, тянущейся к Вечному Свету из темных подземелий греха и зла. *"И вожделенное отечество подаждь ми, рая паки жителя мя сотворяя"*. Вот оно, мое отечество, вот моя истинная и вечная родина — Рай, откуда я выгнан за прегрешения, выгнан временно и снова стремлюсь к райской прохладе, *"взыскую грядущаго града, и имея зде пребывающаго"* (Евр. 13, 14).

"Господи, научи мя оправданием Твоим"... "возведи древнею добротою возобразитися"... Стать снова совершенным наследником Божиим, отложить язвы прегрешений и упокоиться навсегда в вечном блаженстве невечернего дня. Успокоиться не для темной, пустой нирваны, буддийского *"абсолютного ничто"*, а для вечной жизни в обителях мира, тишины, света, где нет болезней, нет печалей и воздыханий.

"Усопшия от житейския нощи, дне невечерняго сыны покажи".[461] Эта жизнь — ночь, там будет настоящая немеркнущая жизнь.

Именно в смерти ощущается вся важность, значительность и полнота Божьего творения, все величие человека как венца Божиих созданий.

Современная гуманистическая культура гордится званием "человек" и, часто повторяя это слово, вряд ли понимает всю глубину и ответственность призвания *быть 92человеком*, и тем опошляет это слово. Сознательно нужно прожить, по-православному жизнь, чтобы искренно молить Бога о вожделенном Райском Отечестве, чтобы действительно со всей душевной глубиной сказать перед смертью: *"Ныне отпущаеши раба Твоего..."* и дать ответ, добрый ответ на Страшном Судище Христовом о правильно прожитой человеческой жизни, о правильном понимании призвания человека, то есть того создания Божия, в которое Он не погнушался воплотиться и спасти мир.

В Москве, на Новодевичьем монастырском кладбище, около самого собора, почти под его стеной, в кустах сирени находится один дивный могильный памятник. Поставлен он давно, на нем следы великолепного русского empire'а, он полон того особого аромата *"дней Александровых прекрасного начала"*. Неизвестно кому он поставлен, чьи бренные останки покрывает, даже в кладбищенской конторе ничего уже не помнят и не знают о нем. Это белая усеченная колонна с плитой из белого же мрамора, и на урне надпись *"Был человек..."* — и больше ничего.

Понимали ли те, которые ставили этот памятник и им увековечивали прах своего близкого, понимали ли всю глубину смысла этих слов, не гуманистический, не ницшеанский

---

[461] Постная Триодь. Суббота мясопустная, утро, канон господина Феодора, гл. 8, п. 1.

смысл их, а православную глубину? Быть человеком, значит быть рабом Божиим, то есть, победив свою самость и вольность, свое рабство греху, стать рабом Бога в истинной свободе Духа.

Трудно быть человеком, сохранить свою христианскую свободу, трудно прожить так, чтобы с миром сказать: *"Ныне отпущаеши",* трудно умереть по-православному, то есть непостыдно и мирно, прямо глядя в глаза смерти, не вызывающе, а смиренно и спокойно, с сознанием полного своего ничтожества, но с надеждой и верою в великое Божие милосердие и любовь Его. Так спокойно и сознательно умереть дано немногим; это особый дар Божий, дар и удел немногих праведников и святых, преподобного Серафима, старца Оптинского Амвросия, игуменьи Екатерины, основательницы Леснинского женского монастыря, скончавшейся в Сербии в 1925 г., недавно почившего епископа Ионы.

Особый дар — не знать, что есть страх смерти.

Этот страх, чисто физический подчас, эта боль всегда непосредственно связывается с предощущением нравственной ответственности, возмездия за свои грехи. У всякого, даже неверующего человека этот страх имеется и гнетет его в виде непосредственного предчувствия, точно страх наступающей ответственности. Хоть и отгоняется мысль о каком бы то ни было суде и о будущей жизни, ей нет места в философской системе современного человечества, а все же назойливая мысль и появится и начнет грызть сердце, точно червь. У православного христианина эта память о нравственной ответственности всегда сопровождает самую мысль о смерти. За всю жизнь у многих просто не хватило времени подумать о будущем, далеком на первый взгляд, но таком неотвратимом и неизбежном. Частенько ведь является мысль о том, что где -то, неизвестно где, а все же есть то место на земле, где будет моя могила, и где-то растут дерева, из которых будет сделан гроб мой. И все ближе подходя к смертному часу, лежа на одре, видишь злопышащие лица демонские, лица отвратительных духов злобы поднебесных, так и ждущих разрешения потащить за собой бедную душу по мытарствам, потащить в расселины зла, смрада греховного и тьмы небытия.

В келейном правиле мы молимся к Владычице Царице Небесной предстать нам Милостивой и Милосердной и *"во время исхода моего окаянную мою душу соблюдающи и темныя зраки лукавых бесов далече от нея отгоняющи".* Боится их в час смерти православная душа, страшится мук после смерти, как бы преддверия вечных мук, о коих праведное решение воздано будет в Страшный день, после которого уже нету помилования.

Что же ожидают люди вне Православия в момент смерти? Слепое небытие? Или же путь в нудную, серую, пустую нирвану? Или скучную и противную цепь перевоплощений? Но для чего? Нам это дико и непонятно. Но удивляться нечему. Если нет православного ответа на вопрос об искуплении от греха, если нет учения о спасении мира, неизбежно приходится искать выхода в перевоплощении или, другими словами, в спасении и искуплении *"своими средствами"*, как у теософов: без Бога, без Спасителя, без благодати.

Нам это не нужно, у нас есть другое утешение, великое и могучее. Утешение не желанием моей души воплотиться в оболочку другого грешного человека или птицы, зверя или бабочки для очищения ее страдания, а вочеловечением Самого Бога, Его страданиями, но и моей молитвой, моим покаянием и спасительной, Безкровной святой, Евхаристической Жертвой. Так спасаемся мы, православные христиане.

Но, конечно, все это для рационализирующего ума современного человека непонятно, невесомо, неизмеримо формулами, и ни в одной позитивной науке о том не учат...

***

В Мясопустную субботу люди готовятся приступить к одному из немногих сохранившихся обычаев милой старины, к обильному вкушению блинов. Не к постным подвигам готовят они себя, не понимают, почему эта суббота Мясопустная, почему дальше будет Сыропустная... В эту субботу Церковью совершается поминовение всех от века усопших. Это одна из *родительских* суббот. Пред мысленным взором Церкви проходят миллиарды и миллиарды усопших отцов и братий, все те, кому и имен не знаем, которые уже

не имеют здесь, между нами, близких, кои бы их помянули в своих молитвах, которых уже забыты и род, и племя, все: русские и немцы, и иудеи, и елины, и белые, и черные, и красные — все без славных отличий своего земного “человеческого достоинства”, всех их поминает Церковь, никого не забыла, и все они предстанут взору Церкви. И под этим общим, собирательным *“всех”,* поминает она своих от века усопших чад, и богатых и бедных, и бельцов и монахов, и царей и простолюдинов, — всех, кто уже от нас отошел. И о всех их совершается заупокойная утреня-панихида, поминаются все: и убиенные, и усопшие, и утопшие в морях, и убитые дикими зверями, и поеденные птицами и рыбами, и умершие в горних расселинах, в трущобах непроходимых, в лесах — всех поминает священник; кого по именам, а тех, кого не помянул *“неведением, забвением, или множеством имен”,* поминает в общем молитвенном воздыхании о всех. И наутро о всех же совершается заупокойная литургия, в **Крови Спасителевой омываются грехи всех поминавшихся.** Великое облегчение для ожидающих своей участи душ усопших от этой молитвы. Точно просиявают их лица, точно меньше тяжесть содеянных грехов, точно не так назойливо грызет червь раскаяния в мрачных закоулках чертогов тьмы и греха.

На утрени в монастырях, да и в тех приходских церквах, где устав церковных блюдется паче нежели леность и небрежение прихожан, читается замечательный синаксарь на этот день. Объясняет нам Церковь, почему нужна молитва, какова польза от нее душам; устав святых отцов и учителей своих вещает она. Звучат нам в монотонном чтении с клироса свидетельства св. Дионисия Ареопагита, Григория Двоеслова, Иоанна Златоустаго, Григория Богослова, Макария Великого и других.

“Макарий, мужа нечестива еллина суху лбину на пути, мимоходя обрет вопрошаше: аще ныне когда во аде утешение чувство имут. Тая же отвеща: многу тем ослабу имеют, внегда за усопших молишися, отче...”

Многие из нас не знают содержания святоотеческой литературы. Патристика — история христианской литературы и философии, кою бы мы должны были знать паче всех других европейских и языческих литератур, погребена в забытии и запустении в современных семинарских программах. Читать Святых отцов в подлинниках мы не умеем, ибо упразднены ныне древние языки как ненужный, мертвый балласт. Так идемте же в Церковь! Все, что нужно для спасения нашей души услышим мы с клироса или амвона. В стихирах, канонах, тропарях, паче же в синаксарях, прологах, и Четьи-Минеях собраны истины, данные нам Церковью, нами не познаваемые и сокровенные под толстыми переплетами желтой кожи.

Вот слушайте, о чем вещает святой Афанасий, столп Православия: *“аще бо грешен умерый, да разрешиши его прегрешения, аще ли праведен, да мздам приложение 94будет”,* и далее звучит голос чтеца: *“Яко же иного помазуяй мvром, он себе прежде благоухает”*[462]...

Велика сила молитвы! Этими молитвенными воплями Церкви ослабляется сила адова и облегчаются души в том неопределенном состоянии, в каком они до Суда пребывают. На проскомидии таинственно прообразуется на дискосе Небесное Царство, торжествующую Церковь: Агнца Божия, одесную Его “*Царица в ризах позлащенных одеяна”,* девять чинов святых: и святители, и апостолы, и преподобные, и мученики, и безсребренники (а по греческому богослужебному уставу вынимаются частицы и за Безплотные Небесные Силы). И к этим чинам святых, к сияющим небесной красотой ликам, просиявшим на земле православных христиан, к ним подходят и частицы, вынутые за всех-всех усопших, скончавшихся в вере и надежде вечного живота, и они, эти прообразующие их частицы Евхаристического хлеба, омоются вместе с частицами святых в Честной и Животворящей Агнчей Крови, и этим грехи всех этих, когда-то поживших людей, очистятся, и души облегчатся от своих мучений.

Верим ли мы в это, верим ли, люди православные? Верим ли, ибо это нельзя уразуметь,

---

[462] Триодь, Суббота мясопустная, утро, синаксарь.

это не понять, это можно только верой приять? ***“Господи, верую, помоги моему неверию!”*** Велика сила молитвы даже нашей, нас, грешных, грехом смердящих. Будем же молиться за наших усопших, да и за нас помолятся после нашей смерти, которая вот-вот уже рядом, уже близка. Не венками и не мраморными памятниками, не пышной бутафорией погребальных бюро подобает украшать прах близких покойников, а горячей молитвой за их вечный покой.

“*Никтоже сам себе помощи может, разве благая дела и общая верных молитва”*.[463]

Легко будет тогда умирать, когда будет сознание того, что за меня, грешного, будет возноситься молитва и святая Евхаристическая Жертва приноситься будет в мою память; так от лица покойного вещает Церковь:

“Истинная любовь никогдаже не умерщвляется, темже молю всех знаемых, и другов моих: помяните мя пред Господом, яко в День Судный обрящу милость на Судищи оном Страшном”. [464]

Кроме этих мучений и власти ада, еще нечто смущает нас в смерти: неизвестность *той* нашей жизни. Мы верим, что жизнь духа, здесь заканчивающаяся с моментом телесной смерти, продолжится и после нее; собственно, даже и перерыва не будет, ибо умрет только тело, а душа, как жила до последнего момента земной жизни, так и будет продолжать жить от первого момента загробной жизни и до Страшного Суда.

Но какова будет эта жизнь, не знаем мы. С понятием жизни связываем мы земные образы и понятия: потребность движения, изменения, *“тяготения к другому”*. Будет ли все это там? Спаситель засвидетельствовал (Мф. 22, 30), что “*в воскресении бо не женятся, ни посягают, но яко же Ангели Божии на небеси суть”*. Безплотность жизни по воскресении, духовное состояние прославленных телес достаточно объяснено в Священном Писании и Самим Спасителем и Апостолом Павлом, но само состояние душ до Суда нам не открыто. На кое-какие особенности указывают наши Минеи и Триоди, опять-таки утешительный и успокаивающий ответ нашей душе слышится с церковного клироса. Тут умолкают нищенствующие и слепые гадания философов и религиозных учителей. Не говоря уже о простом материализме, отвергающем всякую духовную сущность, не найдем мы ответа и ни в одной другой философской системе или религии. Неприятие Личного Всемогущего и Вечного Бога не дает признать личную загробную жизнь.

А в Православии властно и определенно звучит это исповедание, и именно важно здесь то, что каждая душа как личность, как жила здесь на земле своей особой жизнью, отдельным “я”, в оболочке своего тела, и опять-таки как отдельная личность, не растворяясь ни в каком пантеистическом безформенном абстракте будет жить *жизнью будущего века*. До Суда — в предвкушении воздаяний, а после Суда — уже в прославленном и преображенном теле, в полной мере участвуя в райском блаженстве. Мятущаяся душа наша в этом *95* личном воздаянии и жизни, не каком-то проблематичном “существовании”, но именно в жизни находит себе великое утешение в православном понимании смерти.

Особенно тяжела в момент смерти разлука. Один уходит неизвестно куда, и так хочется удержать, спросить: зачем, почему, неужели же навсегда, а что же все, что было, все безцельно и не нужно, да?... Умирает, уходит недоговоренное, не совершившееся. Многое ожидалось и так и не дождалось своего часа, что-то имелось и уже потерялось... Личные связи особенно тяжело рвутся пред неумолимым гробом и ликом смерти. Мать и дитя, муж и жена, два друга, жених и невеста... Счастливо прожитые годы или неисполнившиеся мечты, долгожданное и не сужденное — все это пропадает. Неужели же все это пусто и не нужно, неужели же все дым и тень и сон? Неужели же это все, земное, никогда не будет иметь своего значения там?.. Смерть не дает договорить всего. Самое важное самое главное в жизни как раз и не успеваешь сказать. Две молодые, две юные души, радующиеся этой жизни, жаждущие яркого солнца и небесной лазури... и не дается им на этой земле успеть сказать самое важное. Жизнь разводит их, и смерть на необозримую вечность разлучит их. На *том*

---

[463] Последование погребения священников, канон, гл. 6, п. 9.

[464] Там же, самогласны Дамаскиновы, гл. 3.

свете, на том далеком свете, что же будет, неужто и там окажутся разлученными они и на всю вечность?..

“На том свете только мы многое друг другу расскажем... Да, впрочем, там и говорить-то не надо будет, а просто подойдем и посветим друг другу душами, тихо так и ясно. И пусть тогда будем ***здесь*** *мучиться, здесь все пусть будет...”,* — случайно подслушался мне этот шепот, этот вздох двух молодых весен, вздох нераспустившейся весны, и так хочется самому верить в их тихую и ясную мечту о светящих друг другу душах. Так же хочется по-детски верить, как верили и они. И это не только бред, детское мечтание и лепет. Это занимает и наших больших мыслителей. Послушаем, что откроет нам Церковь в своих поэтических молитвах. В чине погребения священников поется:

“Камо убо души ныне идут; како убо ныне там пребывают; желах ведати таинство: но никтоже доволен поведати. Еда (то есть, разве) *и они поминают своя, якоже и мы оныя; или они прочее забыша, плачущыя их и творящия песнь: аллилуиа”...*[465]

“Еда есть там видети братию, еда есть там вкупе рещи псалом, аллилуиа”...[466]

И дальше вещает тот же чин:

“Аще помиловал еси, человече, человека, той имать тамо помиловать тя, и аще которому сироте ***сострадал*** *еси, той избавит тя тамо от нужд. Аще в житии нага покрыл еси, той имать тамо покрыти тя и пети псалом, аллилуиа”.*[467]

“Аще помиловал...— имать помиловати тя”...

Совсем как поют калики перехожие и странники:

“Милости не будет там,
Коль не миловал ты сам”...
Ой горе, горе мне, горе мне великое”...

И на эти смятенные вопросы осиротелых и оставленных и умирающих тот же синаксарь Мясопустной субботы устами отцев Церкви вещает:

“*Афанасий в слове о усопших глаголет: яко и даже до Общаго воскресения дадеся святым друг друга познавати и свеселитися; грешнии же и сего лишаются”...* И далее приводится свидетельство божественного Златоуста: *“ведомо же буди, яко познают тамо друг друга вси яже знают же и яже никогдаже видеша”.*

Но как же? Ведь до Суда души пребывают без тела. И снова отвечает Златоуст: *“зрительным же оком душевным”*[468], *“подойдем и посветим друг другу душами, тихо так, ясно”...*

Где найдем мы еще такое утешение? Нигде. Только в Святой Православной Церкви. Только под Покровом Царицы Небесной. Ну так что же плачем, что оплакиваем?.. 96Разлуку?..

“Почто мене рыдаете люте... смерть бо есть всем упокоение”... [469]

***

Но кроме этого страха мучения и разлуки, наша душа еще мятется и другим предчувствием и боится еще и другого. Это страх самой смерти тела, страх разложения, распадения его. Это ужас пред тлением и разрушением нашей телесной храмины. Страшны те болезни, когда человек заживо начинает предаваться тлению. Сознание постепенного отмирания отдельных частей нашего тела ужасно для нас чисто с биологической стороны. Мы привыкли в теле видеть прежде всего прекрасное создание Божие, полноту природного совершенства. Помимо чисто чувственного момента в поклонении телу, эстетическое чувство видит и ищет в теле прекрасных линий и форм. Вся гуманистическая культура представляет собой в огромной степени культ человеческого тела. Псевдовозрождение воскресило многое из чисто античного в поклонении

---

[465] Последование погребения священников, икосы, гл. 8.
[466] Там же.
[467] Там же.
[468] Суббота мясопустная, утро, синаксарь.
[469] Последование погребения священников, блаженны, гл. 2.

телу. Скульптура в этом отношении достигла поразительных результатов, начиная от Микеланджело и завершая Родэном. Вот потому-то так непривычно и больно современному гуманисту осознание смерти как распадения и тления этого когда-то прекрасного тела.

Да и не только с точки зрения одного гуманизма ужасен этот распад и тлен. Сама наша природа, наше сознание естественно противится этому, и даже уже оцерковленное сознание с трудом может в себе побороть этот страх перед распадом и гниением. Часто не столь ужасно видеть самое мертвое тело, сколь небрежное, нелюбовное отношение к нему. Поэтому так ужасна обстановка смерти в тюрьмах, при смертной казни, в больницах, при массовых эпидемических случаях смертности. Грубое, неряшливое обращение с телом покойника еще более усугубляет неизлечимую боль страха смерти. И для неоцерковленного сознания смерть столь ужасна, неумолима и безобразна, ибо вся духовная сторона ее, весь таинственный смысл для него не существует.

В каноне же *“На разлучение души от тела”* так слышится:

“Растерзаемы соузы, раздираемы законы естественнаго смешения и составления всего телеснаго, нужду нестерпимую и тесноту сотворяют ми”...[470]

С поразительным реализмом рисует нам картину разложения св. Иоанн Дамаскин:

“Яко цвет увядает, и яко сень мимо грядет и разрушается всякий человек”.[471]

И далее:

“Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробех лежащую по образу Божию и подобию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида, како предахомся тлению, како сопрягохомся смерти”.[472]

“Наги кости человек, червей снедь и смрад”...[473]

“Во гробы вникнем: где слава, где доброта зрака, где благоглаголивый язык, где брови, или где око: вся прах и сень?... ”[474]

“Се уже язык умолче, се уже и устне престаша. Здравствуйте, друзи, чада, спасайтеся, братие, спасайтеся, знаемии, аз бо в путь мой шествую; но память творите о мне с песнею: аллилуиа”...[475]

“Страшное смерти таинство: находит бо всем в безгодии; естество растлевается, нуждею, старцы взымает, игумены, книжники, учители суетная мудрствующая таит, епископы, пастыри”...[476]

Перед этой неумолимой реальностью смерти все стирается. Вся свобода и вольность, вся мощь и крепость человеческая ничто перед гниющей храминой нашего тела, перед гробом, обшитым дорогими тканями, украшенным серебром и золотом, но содержащим бренные останки нашего тела, через несколько дней имущего стать пищей червей и массой смрада и нечистоты. И как тогда жалка попытка хоть временно сберечь кости в цинковых гробах и цементируемых склепах! Не удержишь, человече, не убережешь от тли!

“Не уповай, душе моя, на телесное здравие, и на скоромимопроходящую красоту: видиши бо яко сильнии и младии умирают, но возопии: помилуй мя, Христе Боже, недостойнаго”.[477]

Но почему все же тление, смерть тела? Потому что грешен человек. Тело не источник греха. Но от нашей злой воли и привычки грешить оно превращается в сосредоточие греха, наполняется грехом и поэтому этот сосуд греха должен истлеть. *Земля еси и в землю отыдеши...*

Синаксарий Мясопустной субботы объясняет нам на этом основании очень

---

[470] Канон при разлучении души от тела, гл. 6, п. 6.
[471] Суббота мясопустная, утро, на хвалитех, слава, гл. 2.
[472] Последование погребения мирских человек, самогласен Иоанна монаха, гл. 8.
[473] Там же, блаженны, гл. 6.
[474] Суббота мясопустная, утро, на хвалитех, гл. 8.
[475] Последование погребения священников, икосы, гл. 8.
[476] Там же, на халитех, гл. 6.
[477] Канон покаяный, гл. 6, п. 7 (из правильника).

вразумительно молитвы Церкви и поминовения покойника в 3, 9 и 40 дни его смерти:

“Третины убо творим, яко в третий день человека вид изменяется. Девятины, яко тогда все растичется здание, храниму сердцу едину (то есть все уже начинает разлагаться кроме сердца). *Четыредесятины же яко и самое сердце тогда погибает. И рождение бо сице происходит: в третий бо день живописуется сердце, в девятый же составляется в плоть, в четыредесятый же в совершенный вид воображается”.*

И опять-таки только христианское, православное мировоззрение дает правильный и посему успокаивающий и умиряющий взгляд и на этот вопрос и направляет нас по пути еще более горячих молитвенных воздыханий. Но сначала обратимся к тому взгляду, который господствовал в этом отношении в Ветхом Завете, посмотрим, что заповедано Богом Моисею:

“Скажи им; да не оскверняют себя ***прикосновением*** (в оригинальном тексте этого слова нет) *к умершему от народа твоего”.* (Левит 21, 1). Также не разрешено иудею прикасаться к людям из народа своего, и только прикосновение к близким родственникам не считалось оскверняющим и поганящим (ст. 2–3). Для первосвященника же всякое прикосновение даже к умершему отцу или матери считалось оскверняющим (ст. 2), что и было позднее подтверждено (Числ. 6, 7). Пророк Иезекииль подтверждает ту же заповедь Божию, запрещая подходить к мертвому, чтобы не сделаться нечистым, делая, впрочем, те же исключения, что и книга Левита (Иезек. 44, 25). То же находим и у Премудрого сына Сирахова (34, 25). Единственно только праздник пасхи избавляет от очищений в случае осквернения прикосновением к мертвым телам. И тогда они должны были в четырнадцатый день нисана совершать Пасху по установленному обычаю. (Числ. 9, 10–12). Таков ветхозаветный закон: мертвое тело нечисто, прикосновение к нему сквернит человека, и нужен длительный и сложный церемониал, чтобы очистить человека от этой скверны. Оскверняется не только человек, коснувшийся трупа, но и все кругом него становится нечисто: и шатер, и сосуды и все в шатре. (Числ. 19, 2). Новозаветный закон принес с собой и новый взгляд. Для Моисея всякое прикосновение к телу мертвеца оскверняло, труп считался источником нечистоты и тления, в мертвом теле виделось постоянное напоминание о первородном грехе, его смертных последствиях.

Древняя философия видела в теле и в материи источник зла, от какого должна освобождаться душа перевоплощением. Это было основой философского оправдания гностицизма и манихейства. Христианство принесло новый взгляд на тело и материю. Тело не является темной и скверной темницей души. Кроме необходимости борьбы со своими страстями и похотями, распинанием их, Христос принес радостную весть о
98 воскресении и телес наших. На Фаворе Он показал нам прославленное состояние человеческого тела в Его будущем Царствии, весть о вечной жизни не только душ, но и телес. Поэтому христианство — это религия прославленного тела. Моисей запрещает прикасаться к трупу, видя в нем напоминание греха первого Адама. Апостол Павел учит о прославленных телах, о напоминании искупительного подвига нового Адама — Христа, об обожении наших телес Его воплощением.

И посему в православном богослужении тело покойника уже больше не считается оскверняющим и нечистым трупом, которого все чураются. Требник всюду называет тело покойника *“мощами”.* Теперь это *мощи*, которые нами благоговейно, любезно лобызаются и почитаются как тело, обожествленное Христом Господом. Ибо если покойник, *“несумненно в Отца и Сына и Святого Духа веровал, и Троицу во Единице, и Единицу в Троице почитал”,* то есть, если он был членом Церкви Православной, одним из удов Христова Тела, и в причастии Святых Тайн *уснул*, то значит тело его достойно почитаться мощами, предназначенными к прославлению в День Суда. И потому таким строгим кажется взгляд Церкви на самоубийц, кои сами себя отделили от общения с Церковью: о них Церковь не молится. Для христианина тело — храм Святаго Духа. *“Не весте ли яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас”.* (1Кор. 3, 16) и дальше: *“Телеса ваши храм,*

живущего в вас Святаго Духа суть, егоже имати от Бога и несте свои". (1Кор. 11, 19). Омывшись водою крещения и утвердившись печатью Дара Духа Святаго, мы почитаем свои телеса как святыню. Почитаем не как античный предмет поклонения культа тела, но как храм Святаго Духа, и как члены Христова Тела, Церкви (1Кор. 6, 15), ибо в своих телесах мы должны прославить Бога (1Кор. 6, 20).

Апостол Павел поучает нас о воскресении наших телес вместе с душами, о прославлении их в будущей жизни: *"Яко плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследует. Се бо тайну вам глаголю: вси бо не успнем, вси же изменимся, вскоре во мгновении ока, в последней трубе: вострубит бо и мертвии восстанут нетленнии и мы изменимся, подобает бо тлению сему облещися в нетление".* (1Кор. 15, 50–53). Перед нашими мысленными очами всегда образ Господа в прославленном Теле, имущем кости и плоть (Лк. 24, 40), но в то же время преодолевающего непроницаемую материю и входящего в горницу *"дверем затворенным"* (Ин. 20, 19). Посему и близок нам августовский день Преображения, в который снова и снова открываются необъятные горизонты. Тело греха становится телом прославленным. Смерть побеждается воскресением, тление — преображением; нетленные телеса наших святых угодников становятся мощами как залог нашего будущего прославления телес. Всякая философия умолкает перед Православием, ибо все бедно и нище перед необъятным простором безсмертных чертогов рая, перед неуразумеваемой глубиной Христовой Истины:

"*Петр витийствует и Платон умолче; учит Павел, Пифагор постыдеся; прочий апостольский богословяй собор, еллинское мертвое вещание погребает".*[478]

Вот и наш чин погребения весь наполнен этой верою в нетленную плоть. Он не является мрачным и скорбным погребальным чином, каким кажется с первого взгляда, ибо в нем раскрывается радость, гимн будущего бытия нетленного, и хочется невольно вспомнить: *"Христос воскресе!",* хоть и *"доброта лица согни и юности весь цвет увяди смерть",*[479] но все же зовет Церковь: *"Приидите вси любящии мя, и целуйте мя последним целованием"...*[480] *"Приидите, последнее целование дадим, братие".* Хоть и *"яко цвет увядает и яко сын мимогрядет и разрушается всяк человек, паки же гласящей трубе и мертвии, вси яко в трусе возстанут к Твоему сретению, Христе Боже..."*[481] и далее: *"Христос воцарися, распныйся и воскресый, нам дарова нетление плоти, той воздвизает нас, и дарует воскресение нам и славы тыя с веселием вся сподобляет".*[482]

И действительно, подумаем-ка хорошенько, что же умерло и что тогда воскреснет? Не тело ли? Значит, для тела и будет воскресение.[483] Смерть производит только *изменение* тела, субстанция же его продолжает существовать, и она, по обетованию Божию, будет восстановлена к жизни.[484]

Вот где ответ и утешение нам на наш вопрос и скорбь о распадении и тлении тела! Это лишь временное тление и распадение, необходимое, чтобы снова ожить, но уже для вечного, нетленного жития в невечернем дне Христова Царствия.

"Всемудрый Павел предрече яве преставление, всех научаяй, яко мертвии воскреснут нетлении, мы же изменимся Божиим повелением; тем страшно и труба она возгласит, от века спящий от сна восстановит. Но упокой, Боже, его же приял еси со святыми Твоими"[485]...

Как сильно в современных людях предощущение общего конца, и как удивительно откликается на него наше богослужебное сознание, в котором ярко выражается

---

[478] Постная Триодь, 3 седмица, четверток утро, трипеснец господина Феодора, гл. 6, п. 9.
[479] Последование погребения мирских человек, подобен на целование, гл. 2.
[480] Там же.
[481] Суббота мясопустная, утро, на хвалитех, слава, гл. 2.
[482] Там же, гл.8
[483] "О началах" , II cap. X. I. 100–101
[484] Там же, III cap. VI. 5. 154.
[485] Последование погребения священников, блаженны, гл.2.

эсхатологический момент.

“Се и стихии: небо и земля изменяются и ***вся тварь*** *в нетление облечется; разрушится тление и погибнет тма в пришествии Твоем: имаши бо паки приити со славою, якоже писано есть, воздати коемуждо, яже содела”*[486]...

И снова мысль тянется к августовскому празднику, к Преображению, где на горе ученикам показывается Царство Небесное (Мф. 16, 28) и прославленный облик человека. Стоящие Моисей и Илия показывают, что Господь в славе Своей обладает живыми и мертвыми, а Сам Спаситель, Который светом Своим всю вселенную освятил[487], показывая нам *“началообразную доброту зрака”,*[488] зовет к Своему Царствию. *“Днесь на горе Фаворской преображся, началообразное показуя, лучами облистался”...*[489], *“...показуя светлость Воскресения”,*[490] ибо омраченное первородным грехом человеческое естество Адама было здесь в Божественном Теле Спасителя преображено, прославлено и показано уже как чистое и обоженное.

“Смешение наше преобрази, Спасе, Божественною Твоей плотию сообластав тому и отдаждь первейшее достояние нетления”.[491] И мы веруем, что и мы облистаемся *“божественными изменении”.*[492]

Только призадуматься... Какая глубина и величие Божественной Любви!

“Во всего Адама облекся, Христе, и изменением зрака Твоего богосоделал еси”[493].

Бог облекается в тело человека, чтобы обожить человека. Действительно: *“велия благочестия тайна, Бог во плоти явися”.* Тайна, ибо по разуму, хоть и просвещенному всеми науками и мудростями века сего — этого никогда не понять. Наше сердце и мысль от смерти тянутся к воскресению, а с ним неразрывно связывается в нашем сознании преображение. Оно и есть величайшее утешение в смерти...

***

В Православии нет места для смерти, ибо смерть — лишь узкая межа между жизнью здешней и жизнью будущего века, смерть — лишь временное разлучение души от тела. Нет смерти ни для кого, ибо *Христос воскрес для всех.* С Ним вечность, вечный покой и вечная память.

Не мусульманский рай с гуриями, не тусклая и нудная нирвана, не противное и скучное перевоплощение, а тихие райские обители, Немерцающий Свет в невечернем дне Христова Царствия. Вечное приобщение блаженства, вечная литургия, где Херувимскую песнь поют уже не человеческие голоса, Херувимам подражающие, а лики самих Херувимов и Серафимов. Вечная Литургия, Вечная Память о Боге и у Бога.

“Вечная память...”

100 “Вечная ваша память, достоблаженнии отцы и братия наша, приснопоминаемии!..”

---

[486] Там же, самогласен, стих. гл. 8.
[487] 6 августа, великая вечерня, на литии, гл. 2.
[488] Там же.
[489] Тогда же, великая вечерня, на Господи, воззвах, гл.1.
[490] Тогда же, великая вечерня, на Господи, воззвах, гл.4.
[491] Там же, и ныне, гл. 6.
[492] Тогда же, утро, канон, гл. 4, п. 3.
[493] Тогда же, малая вечерня, на стих. гл. 2.